

Дороги, которые мы выбираем

Интервью номера:

Елизавета Шумская

Сергей Дорош

Photo Trey Ratcliff

Помощники

bbg Борис
elzmaximir
Harry Book
Kartusha
Meier Gabriel
Анакина Анна
анс
Армант, Илинар
Ваевский Ян
Васильев Ярослав
Де Ко Никола
Дёмин Михаил
Джаспер
Ирвак Ирина (Ikki)
Красовская Яна
Ласточкин Ксандр
Пышкин Евгений
Рата Ельних
Риндевич Константин
Рунгерд Яна
Сатин Георгий
Сир Андре
Танова Ильяна
Тэмлейн Саша
Фиал
Чудовище Джет
Шевцова Анастасия
Эллина из рода Тэр

Обложка

Фото h-studio
[flickr.com/photos/h-studio/](https://www.flickr.com/photos/h-studio/)

Слово редактора

Главный редактор

Белка Елена

Литературный редактор

Найко Елена

Дизайн, верстка

Ула Сенкович

Редактура

NeAmina

Twillait

Найко Елена

Пан Анна

Корреспонденты

NeAmina

Samuel Haruspex Damey

Джаспер

Меллори Елена

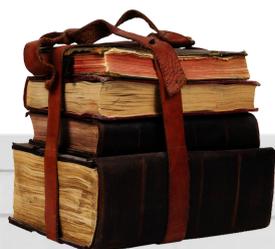
Сенкович Ула

Так получилось, что человеку в жизни постоянно приходится сталкиваться с необходимостью сделать выбор. И неважно, каким образом он решает эту проблему и из каких соображений исходит. Кто-то стойко придерживается своих идеалов, кто-то действует по обстоятельствам, а кто-то надеется на удачу... Но лишь спустя время, оглядываясь назад, человек сможет понять, поступил он правильно или нет. К сожалению, а может, к счастью — такова жизнь. Но только самому человеку приходится смотреть в лицо результатам своего выбора...

В этом номере представлены истории о судьбах разных людей. Каждый из них выбрал свой путь, и вы можете узнать, что из этого получилось.

Приятного путешествия по дорогам судеб и до новых встреч осенью!

Белка Елена

© 2013. Writercenter.ru. Все авторские права защищены законом.

«Мастерская писателей» является товарным знаком, принадлежащим его создателю. Все работы, использованные в журнале, любезно предоставлены авторами и защищены авторскими правами.

100

Проза

Фэнтези

- 22 Субботина Наталья. Ночь невесты
- 30 Анна Пан. Огонь
- 34 Джинн. Я буду ждать тебя у пруда
- 36 Ворон Ольга. Застава
- 50 Богданов Борис. Парамошка
- 56 Ван-Шаффе Александрина. Падающие звезды

Сказка

- 80 Скалдин Юрий. Правильный выбор
- 84 Сафонова Евгения. Звездный свет
- 88 Ржевская Яна. Колечко
- 90 Ирвак Ирина. Меньшее зло

16

- 96 Ваевский Ян. Невеста бога
- 100 Белка Елена. Любавино счастье

Фантастика

- 106 Мааэринн. Я - это ты
- 114 Васильев Ярослав. Путник на дороге

Реализм

- 120 elzmaximr. Самый счастливый день
- 124 Хорунжий Сергей. ЧП
- 128 Анакина Анна. Тринадцать

128

Чёрный юмор

- 136 Бойков Владимир. Жареное мороженое

96

Поэзия

- 20 НеАмина
- 19 Шевцова Анастасия
20 Чудовище Джет
- 78 Белка Елена
79 Анна Пан
- 104 Селезнёва Мария
- 118 НеАмина
119 Фиал
- 134 анс
Сатин Георгий
- 134 Селезнёва Мария
Рунгерд Яна
- 138 Селезнёва Мария

ИМХО

- 6 Дороги, которые мы выбираем
12 Кригер Максим. Имя Книги

Представляем

- 8 Ула Сенкович. Интервью с Елизаветой Шумской
16 Ула Сенкович. Интервью с Сергеем Дорош
74 НеАмина, Ула Сенкович. Интервью с Корнаккя

На десерт

- 140 Меллори Елена. Дороги, которые мы выбираем

Каталог

- 142 "Мастерская писателей"©.
Произведения наших авторов

Дороги, которые мы выбираем

*Если останавливаться всякий раз, когда
тебя оскорбляют или в тебя плюют, то никогда
не дойдёшь до места, куда тебе надо попасть.*

«Идиотам просьба не беспокоиться»

Тибор Фишер

ибетские монахи говорят: «Дорога возникает под шагами идущего». Нет идущего — и дорога зарастает, и то место, куда она вела, исчезает из человеческой памяти. Кто знает, сколько таких дорог люди утратили за века своего существования — из-за того, что некому было шагать той дорогой, которая вела... Куда?

К цели.

К светлому будущему, которое у каждого свое, но которое всегда прячется где-то за горизонтом.

Мы часто слышим: «Хорошо там, где нас нет». Так где оно, счастье? Этим вопросом рано или поздно задаётся каждый человек. Ведь что может быть естественнее, чем желание быть счастливым?

И каждый человек однажды осознает, что счастье вряд ли придёт само: «под лежащий камень вода не течет» — гласит народная мудрость; «просите, и дано будет вам; ищите, и найдете; стучите, и отворят вам» — вторит Библия. И человек, ведомый страстным желанием поиска, отправляется в дорогу.

Но все мы разные. И путь у каждого из нас свой.

Кто-то предпочитает плыть по течению, не прилагая усилий. Зачем напрягаться? Ведь преодолев в дороге множество трудностей, можно прийти и к огромному счастью, и к огромному разочарованию. Всё верно, но человек, безоглядно отдающийся на волю волн, изначально обречён на неудачу.

Есть и другие: они жалуются на тяжкую судьбу, но даже не пытаются что-то изменить. Ссылаются на условности, на законы, на обязанности... Им проще отказаться от счастья, чем что-то изменить в своей жизни.

А ведь иногда достаточно сделать всего один шаг.

Пусть прошлого не исправить, но будущее — это наш выбор. Только от нас зависит, каким окажется пройденный нами путь — будет ли нам «мучительно больно за бесцельно прожитые годы», добрыми ли словами помянут нас наши потомки — и помянут ли вообще.

Думаю, главное не то, как ты завершил свой путь, а то, как прошёл его.

Можно прошагать тяжелой поступью, оставляя после себя кровавые следы..

Или, смешавшись с безликой толпой, кануть в безвестность...

Или пролететь белокрылым посланником радости, превратившись в путеводную звезду...

Выбирать нам.

Photo Ed Rhodes

www.edrhodesphotography.co.uk

Елизавета Шумская

В 2007 году в издательстве «Альфа-книга» вышел первый роман Елизаветы Шумской «Пособие для начинающей ведьмы». Всего изданы четырнадцать книг. В апреле 2013 года появился новый роман — «Волшебство онлайн» (Альфа-книга).

— Елизавета, расскажите, как родилась идея последней книги, несколько слов о её героях.

— Я давно хотела написать фантастический роман в антураже современного мира, но эти желания отличались некоторой аморфностью, пребывали на уровне «хочу написать про магию в повседневности». Однако затем в голову пришла основная идея, то, вокруг чего вся эта история и закрутилась, то, из-за чего было совершено преступление. Эта идея родилась из давнего разговора с моим дядей. Когда-то я пыталась убедить его в возможности реинкарнации. Он иронично посмотрел на меня и спросил: «А как же быть с тем, что население Земли постоянно растёт?» Не знаю, почему, но в прошлом году я вспомнила об этом давнем разговоре. Почти тогда же родилась и идея.

А к ней уже придумались и герои. Правда, Андрэ появился задолго до этого. Возможно, я когда-нибудь расскажу и его историю. Напоминаю, Андрэ — это по сути два человека: собственно сам Андрэ, лучник и наемник, и Шарлотта, волшебница и его соседка по телу. Это не болезнь, это действительно две разные личности, со сменой которых меняется даже внешний облик, причём меняется кардинально. Интересно также то, что они появились из

другого мира — причём такого, где магия — это просто профессия, а охота на нежить считается хоть и рискованной, но достойным занятием.

Кирилл — вполне обычный молодой человек, студент, живущий с матерью и от скуки залезший на сайт с анкетой, тестирующей магические способности. В шутку он прошёл тест... и получил приглашение на работу в Агентство Магической Безопасности. Нового стажера передали на попечение Миражане, ведьме, специализирующейся на магических преступлениях. А началась эта история с убийства...

Но об этом читайте уже в самой книге.

— Расскажите немного о первой книге, как она была написана. С чего всё началось?

— Первый раз я попробовала свои силы в 5-м классе, когда нас попросили написать сказку. Не уверена, что вышло гениальное произведение. Но именно тогда я раз и навсегда решила, что стану писателем. Идей у меня было много, с годами они накапливались, трансформировались. Как-то я записывала, какие-то забывались. Прежде чем взяться за «Пособие для начинающей ведьмы», я написала множество самых разных историй в самых

разнообразных жанрах. Однако самыми удачными считаю свои короткие рассказы. Они выложены на Прозе.ру. Что же касается первой серьезной книги... Исаак Зингер сказал как-то, что никто не может объяснить, как к нему пришла та или иная идея. Это вот точно про меня. Идея о знахарке Иве как-то просто возникла в голове и начала развиваться. Причем сначала появились идеи о её друзьях и их обучении. Но так истории не рассказывают, не так ли? Я очень рада, что смогла показать Иву до её поступления в Университет и встречи со Златко, Калли, Грымом и Дей.

— Идея издать книгу возникла сразу? Что послужило толчком, чтобы отправить рукопись в издательство?

— «Пособие для начинающей ведьмы» я закончила в 2006 году. Издали ее где-то через год. С профессией я определилась ещё в пятом классе, так что сомнений, издавать или не издавать роман, у меня не было. Толчком же, наверное, послужило какое-то внутреннее осознание, что эту историю захотят прочитать и другие. Даже те, кто меня не знает.

— Книга была выложена в сети до отправки рукописи в издательство?

— Нет, конечно.

— Многие сначала выкладывают книгу на каком-нибудь литературном ресурсе, собирают отзывы, а потом, поверив в себя, решаются обратиться в издательство. Как вам удалось обойти это правило?

— Когда я написала «Пособие для начинающей ведьмы», ещё не была распространена такая практика. Или я о ней не знала. Я вообще очень традиционный человек: автор должен написать книгу, отправить её издателю, дождаться ответа и порадоваться или огорчиться. Промежуточные варианты не допускаются! Кстати, отзывы в сети не всегда помогают поверить в себя. Меня ругали так часто, что остается только радоваться, что я сразу

послала книгу в издательство, а не после выкладывания её в сети.

— Почему пишете? Что даёт именно такой вид творчества?

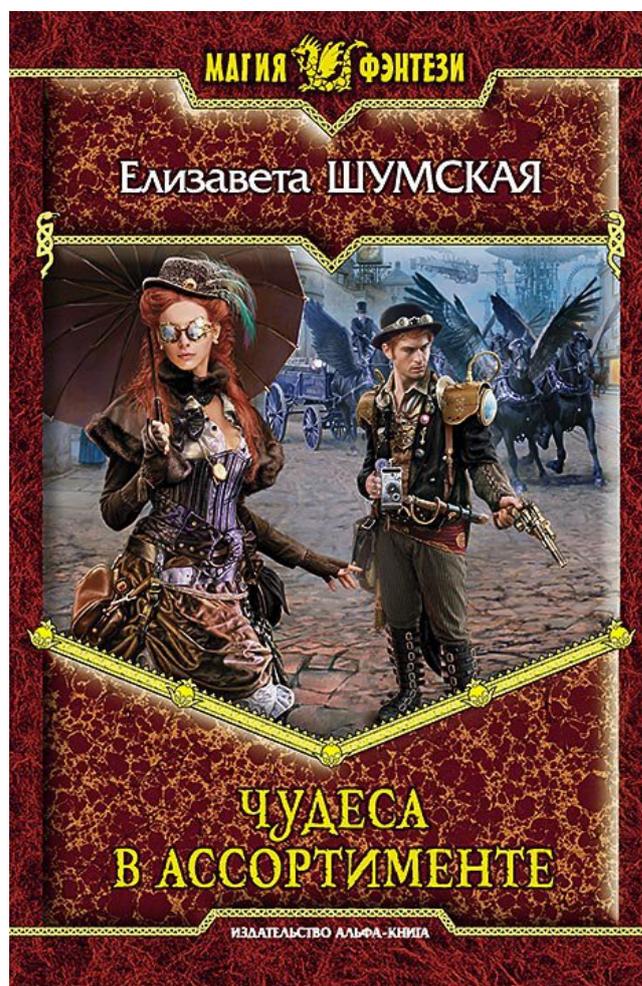
— Не знаю точно, кто автор выражения: «Если можешь не писать — не пиши», но оно очень сильно оттеняет свой противоположный смысл: «Если не можешь не писать...» Вот это про меня. Мне не очень нравится пафос, с которым звучат эти слова, но для меня именно так.

А что даёт? Как и любое творчество для любого творческого человека: оно даёт возможность жить. Ибо если ты им не занимаешься, жить оно точно не даст.

— Вы были уверены в успехе?

— Нет, конечно — и волновалась, и нервничала, и ждала, и плакала. Не могу сказать, что это просто. Но другого пути ведь не было, не так ли?

Обложка - художник Олег Юдин

Представляем

— Приходилось ли Вам сталкиваться с редакторской правкой?

— Конечно. Это очень большая тема. Без правки нельзя, но она не всегда делает рукопись лучше. Часто просто делает иначе. Самая лучшая, на мой взгляд, правка была сделана в романе «Боги вне подозрений», вышедшем в издательстве «Эксмо». Могу назвать несколько типов редактуры, которые я вывела для себя. Самая неприятная — это та, с помощью которой редактор пытается переделать произведение под себя, под какие-то нормы, не всегда понятные. Или просто пригладить произведение так, что в итоге текст, не потеряв в сюжете, просто не узнается. Второй вариант — когда правят только ошибки, опечатки и совсем уж грубые стилистические баги. Третий, пожалуй, самый лучший. Он сохраняет стиль автора, но каким-то образом показывает произведение с самой лучшей стороны. Делает его совершенным, насколько это возможно, конечно. Глаз не цепляется за шероховатости, ничто не отвлекает от сюжета. И при этом от произведения остается потрясающее послевкусие, которого не добиться одним только описанием событий, произошедших с героями.

"Уроки колдовства" Художник Олег Юдин

— Как к Вашему творчеству относятся близкие, друзья?

— Чем ближе родные и друзья, тем лучше они относятся к моему творчеству. Те, кому я на самом деле дорога, всегда меня поддерживали. Но я очень хорошо помню и слова тех, кто говорил, что мне не удастся «пробиться», кто осуждал и осуждает, не понимал и не понимает. Но, наверное, это неизбежно. Хотя и весьма неприятно. Никто не отрицает саму необходимость в творениях писателей, художников, музыкантов, но мало кто допускает мысль о том, что их близкий, знакомый или просто сосед по подъезду может заниматься подобной творческой профессией.

У меня есть несколько друзей, которые читают мои книги до момента отправления их в издательство, я частенько прислушиваюсь к их мнению.

— Несколько слов о себе: профессия, хобби.

— По образованию я историк. И эта профессия очень пригодилась мне для написания книг. Рабочих мест я сменила множество, но, к сожалению, по специальности не работала. Непросто сочетать обычную работу с написанием книги. Зато сколько материала!

— Ваши любимые авторы и произведения.

— Обожаю В.Свержина. Я — фанат его Вальдара и Лиса!

— Что значит для Вас работать над собой как автору. И получается ли это?

— Мне всегда представлялось писательское мастерство в виде бесконечной лестницы в облака. Причём каждая ступенька в ней длинная. Поднялся на нее, думаешь: «О! Как я шагнул!» И идёшь дальше, но не вверх, а прямо — просто ещё не видишь следующей ступеньки. А потом раз — и снова ступенька. И опять мысли: «Да я вообще...» Но по сути этот путь, если и конечен, то где-то очень высоко. Мне пока не видно. А коллеги говорят, что с этой лестницы можно ещё и упасть.

— Сколько времени требуется Вам, чтобы написать книгу?

— От нескольких месяцев до нескольких лет. Как правило, скорость зависит от занятости другими делами.

— Как Вы относитесь к сетевым библиотекам и, в частности, к пиратству в сетях?

— Если сетевые библиотеки имеют договор с автором, то в этом нет ничего плохого. Если же книги сворованы, то это бьёт по карману автора, а, значит, по количеству написанных им книг.

Я сотрудничаю с ЛитРесом. Они напрямую и через своих партнёров имеют право продавать электронные копии моих произведений. Но это обязательно только после того, как книга вышла в бумажном варианте.

Я знаю, что сейчас авторы иногда напрямую продают рукописи сетевым издателям, не отдавая произведения в традиционные издательства, но опыта такого не имею. Не уверена, что это надёжно.

— Как Вы считаете, будущее за электронными копиями или книги на бумаге ещё не скоро уступят своё лидирующее место?

— Кто знает? В дороге электронный вариант весьма удобен, но лично я не люблю читать с экрана. Текст отчего-то хуже держится в голове, читать его не так приятно. От него я устаю намного быстрее, чем от бумажного аналога. Мне в целом намного большее удовольствие доставляет чтение обычных книг. Их даже трогать приятно. Они просто красивы. Хотя, я знаю, многие предпочитают

"Цена слова" Художник Олег Юдин

электронные книги. Так что в этом вопросе можно только гадать.

— Расскажите о планах на ближайшее будущее, на отдалённое будущее и чего бы Вы хотели достичь в жизни?

— Последнее время мне хочется куда-то уехать. Когда я писала «Пособие для начинающей ведьмы», то переехала из Липецка в Москву. И вот снова меня что-то тянет... Куда бы податься?

Ну, а если серьезно, хочу попробовать себя и в других направлениях литературы, других жанрах. Но это пока секрет. В планах же на ближайшее будущее стоят продолжения к «Химерам чужих желаний», «Волшебству on-line», «Богам вне подозрений» и «Чудесам в ассортименте». О более отдалённых планах предпочитаю не распространяться, это слишком личное.

Беседовала Ула Сенкович.

Елизавета Шумская
diary.ru/~renetroyes/

Иллюстрации Олег Юдин
yudin-art.com/index_ru.htm

Ула Сенкович
writercenter.ru/profile/Senkovich/whois/

Имя Книги

- Как зовут эту книжку?
 - «Сирано де Бержерак».
 - Фу, а почему сабля нарисована?...
- (Из подслушанного разговора)*

Книги — это не просто вещи. Они и не вещи вовсе, а такие себе живые существа. У них есть лицо, фигура, комплекция. У них есть имя, в конце концов. Мы теряемся в помещении, где много книг, точно так же как на площади, переполненной людьми. И точно так же как на площади начинаем искать знакомых.

Перво-наперво смотрим на одёжки-обложки. Вон та вон пёстрая компания в сердечках и бантиках определённо судачит про любовь. А эта с пистолетами всех мастей и распостёртыми силуэтами наверняка занята розысками преступников. О, а здесь морские приключения выпирают с обложек парусами и пальмами!

И вот мы нашли свою компанию. Ну что ж, идём знакомиться. Как вас зовут, дама в зелёном с восхитительным золотым тиснением?..

Название

Имя книги — это знак. Оно может послать застенчивую улыбку из-за раскрытого веера или откровенно шокировать распахнутым пальто. Проще говоря, названия существуют для того, чтобы заинтриговать. Интерес — эмоция интеллектуальная. Любая книга — это информация, новое знание. А вот как оно передаётся — уже другой вопрос. Название

может намекнуть на это: заинтриговать, вызвать недоумение или иронию, а может помянуть чем-то очень знакомым, некогда пережитым и связанным с сильными чувствами.

Заглавие повести «Похороните меня за плинтусом» Павла Санаева, например, содержит скрытый трагический посыл из-за первого слова и одновременно провоцирует удивление из-за последнего.

Название может передавать главную идею, которая раскрывается только после прочтения произведения, позицию автора или эмоцию.

Вот «Гарри Поттер» к примеру. Просто имя главного героя с одной стороны. А если посмотреть с другой, то имя-то говорящее. По-русски оно бы звучало как-то вроде Гриша Горшков. Никакой патетики, обычный мальчик, даже немного неудачник, наверное. Ну что это за фамилия такая — Горшков? И почему это про него рассказывают, что с ним не так? Первые читатели Роулинг признавались, что взять в руки книгу «Гарри Поттер и философский камень» их заставило лёгкое презрительное недоумение, помноженное на любопытство, вызванное второй частью заголовка.

Двойные заголовки — изобретение, вызванное к жизни кинематографом. Имеется в виду эффект конвергенции. Это когда разные, зачастую противоположные по смысловой окраске словосочетания ставятся рядом и по-

рождают третий смысл или эмоцию. К сожалению, не все умеют пользоваться этим приёмом.

Какие бывают у книг имена

Названия книг, как и имена людей, бывают короткими и длинными, состоящими из одного слова или из длинного сложноподчинённого предложения.

Вспомним, как на самом деле называется книга Даниэля Дэфо про Робинзона Крузо: «Жизнь, необыкновенные и удивительные приключения Робинзона Крузо, моряка из Йорка, прожившего 28 лет в полном одиночестве на необитаемом острове у берегов Америки близ устьев реки Ориноко, куда он был выброшен кораблекрушением, во время которого весь экипаж корабля кроме него погиб, с изложением его неожиданного освобождения пиратами; написанные им самим». Ничего так себе, да? Впрочем, в XVIII веке принято было называть книги длинно.

Названия книг могут содержать

- имя главного героя,
- его отличительную черту,
- место или время действия,
- основную идею произведения.

Благодаря таланту авторов многие имена главных героев стали нарицательными. Кто в наше время не знает шекспировских Отелло, Ромео и Джульетту, которые стали олицетворением убийственной ревности и жертвенной любви? Даже если вы никогда не читали бессмертные пьесы, поймёте, о чём идёт речь, если вам охарактеризуют некоего человека как сущего Отелло. А тот же Робинзон, к примеру, означает ситуацию вынужденного положения.

Имена главных героев, вынесенные в заглавие книги, чаще всего говорящие. Как тот же Гарри Поттер или, к примеру, «Сотников» Василя Быкова. Фамилия Сотников образована от числа сто, т.е. автор как бы говорит читателю, что его герой — представитель большинства.

Отличительная черта персонажа используется в названии, когда нужна его ёмкая характеристика. Например, Вольтеровский «Кандид или Оптимизм» недвусмысленно ука-

зывает на жизненную позицию героя. «Игрок» Достоевского — на страсть, бушевавшую главное действующее лицо, и на склад личности вообще. «Аптекарь» Орлова — на профессию персонажа и на основную черту характера.

Названия, где зашифровано место или время действия, могут означать путевые заметки, как, например, «Путешествие из Петербурга в Москву» Радищева, или точное указание на эпоху, когда происходят описанные события, как у Говорова в «Последних каролингах». Такие заглавия могут быть у произведений разного жанра, не только исторических или описывающих путешествия: «Таинственный остров» Жюль Верна, «Собор Парижской Богоматери» Гюго, «Вечера на хуторе близ Диканьки» Гоголя, «Остров, одетый в джерси» Востокова. К этой же категории можно отнести книги, в название которых вынесено наименование выдуманной страны. Например, «Хроники Нарнии» Льюиса или «Мост в Терабитию» Патерсон.

Основная идея, поданная в лоб или метафорически, в качестве заглавия книги наиболее информативна. Такое название, как правило, отражает несколько смысловых пластов, заложенных автором в произведении. К примеру «Преступление и наказание» Достоевского — это детективная история, где действие разворачивается как в событийном, так и в психологическом плане. Понимание объёмности названия приходит после прочтения книги и заставляет по-новому переосмыслить прочитанное.

Экспрессия заглавия

Автор может поймать читателя на неожиданный заголовок, в котором сочетаются взаимоисключающие понятия. Таков «Горячий снег» Юрия Бондарева. В книге описывается эпизод Сталинградской битвы. События происходят зимой, и на это указывает слово «снег». «Горячий» характеризует сами события. Алогизм названия становится понятным при прочтении произведения, что усиливает его эмоциональное воздействие.

Писатели часто прибегают к метафорическим заголовкам, смысл которых впрямую с текстом не связан, но отражает суть произве-

дения. Например, повесть Эдуарда Веркина «Кошки ходят поперёк» вовсе не о кошках. Эту фразу произносит героиня, когда рассказывает о принципе перехода в параллельный мир. Само же произведение повествует о подростках, которые друг для друга и являются этими параллельными мирами. Чтобы подружиться, понять друг друга, иной раз надо пойти «поперёк» общественного мнения, семьи и даже собственных представлений о жизни.

В качестве средств выразительности и своеобразных знаков в названиях произведений могут быть использованы образы, созданные другими авторами и ставшие частью мировой культуры. Самый простой пример — это, пожалуй, «Одиссея». Рассказанная Гомером история получила значение «странствие, приключение». С тех пор часто мелькает в названиях книг. Наиболее известные из них — «Одиссея капитана Блада» Сабаттини и «Космическая одиссея» Кларка.

Или вот «Время Бармаглота». Забавный, в общем-то, образ из стихотворения Льюиса Кэрролла, прославившегося языковыми новообразованиями, в романе Дмитрия Колодана приобретает зловещий смысл. Заголовок говорит о запутанности описываемой ситуации, об ассоциативности решений, принимаемых главным героем. И вводит в заблуждение. Честно говоря, «Время Бармаглота» — сущий хук прямо в мозг, расслабленный детскими воспоминаниями об «Алисе в Зазеркалье».

Видовая принадлежность

Вот, кстати, про «Время Бармаглота» в аннотации было написано, что это детектив. Но мало кто, думаю, купился на такую рекламу. И правильно, потому что название произведения не даёт указаний на жанровую принадлежность. В отличие, например, от той же «Собаки Баскервилей» или «Последнего барьера» Фрэнсиса. Уголовное дело можно назвать «Последний барьер», а «Время Бармаглота» вряд ли. Впрочем, я сейчас говорю о чистом жанре. Хотя есть и такое явление как женский иронический детектив, например. И оно чётко обозначает себя соответствующими заглавиями: «Запчасти для невесты» Луган-

цевой, «Шустрое ребро Адама» Калининой, «Камасутра для Микки-Мауса» Донцовой.

Или вот возьмём произведения, относимые к жанру фэнтези. В их названиях часто присутствуют слова-знаки, обозначающие традиционных персонажей или антураж. К примеру, «Эльфийский клинок» Перумова, «Кровь эльфов» Сапковского или «Королевская кровь» Трускинской.

Жанровая подсказка — это, пожалуй, самый верный знак для читателя. Во времена Алексея Толстого, когда умы будоражила теория Циолковского, имя Аэлита, вынесенное в заглавие, было воспринято, как цветной рекламный плакат: «Мечтающим о космических путешествиях — сюда!»

Магия книжного имени

Это всё понятно в общем-то: жанр, тема, знакомый образ... Но случаются время от времени книги, чьи заглавия необъяснимым способом притягивают внимание, запоминаются мгновенно и не забываются никогда. Они как исполненные достоинства красивые женщины несут себя по жизни, не кокетничая, не ставя условий и ничего не обещая. Ими хочется любоваться, к ним тянет вернуться. Даже состарившись (будучи прочитанными), они остаются любимыми и вызывают неизменное уважение.

Для меня такой книгой стала «Над пропастью во ржи» Сэлинджера. Конечно русский перевод названия — это не то же самое, что в оригинале, но загадочная поэтика фразы и её явная визуальность буквально гипнотизирует.

Недавно набрёл на читательский портал, где как раз обсуждали подобные названия. Завораживающие — вот как о них сказано. Забавно, но первое, что вспомнили люди, это да — «Над пропастью во ржи». А ещё: «Сто лет одиночества» Маркеса, «Невыносимая лёгкость бытия» Кундеры, «Вверх по лестнице, ведущей вниз» Кауфмана, «Немного солнца в холодной воде» Саган, «Вино из одуванчиков» Брэдли и ещё много. Вообще-то там десять страниц восхищения, разочарования, вдумчивых размышлений и влюблённой иронии.

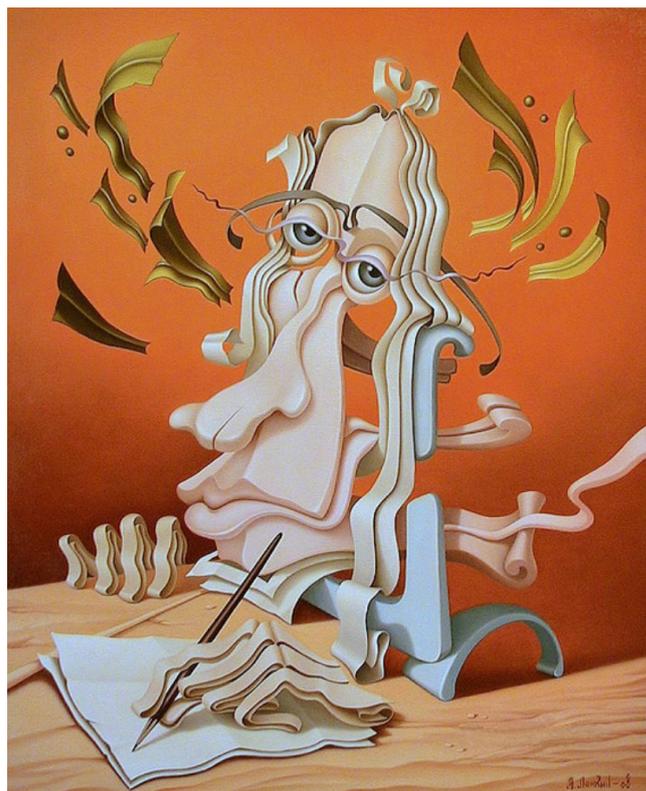
Имеет ли смысл выбирать книгу по названию?

Ну а как ещё выбирать книгу? Обложка может обмануть. Видел однажды «Час быка» Ивана Ефремова в кислотных тонах и с ужасающей тёткой в бронелифчике. И издательская аннотация может обмануть. Их пишут люди, а все мы по-разному воспринимаем книги и идеи, в них заложенные. Только авторское название — искренняя попытка сказать коротко о многом, то, чему можно доверять.

Впрочем, бывают неудачные заглавия. Всякие там «Мелодии страсти», к примеру. Или многочисленные «глаза»: «Глаз вампира», «Глаза мадонны» или «Глаз бури». Нет, книга может оказаться в итоге хорошей. Не в этом дело. Тут, видимо, личная фобия. Меня всегда настораживала заголовочная расчленёнка: «Рука правосудия», «Грудь матери» и всё такое. Это, наверное, после прочтения «Головы профессора Доуэля» Беляева. Но как бы там ни было, заголовочные штампы существуют и именно они чаще всего заставляют пройти мимо действительно хорошей книги.

Самое печальное, что если книга названа плохо, в этом не всегда виноват автор. Иногда издатели переименовывают произведение в угоду вкусам читающей публики, хороня хорошую книгу. Небольшое смещение смысла — и роман переходит в другую категорию, теряя своего читателя. Хотя есть и другая крайность. Блестящий заголовок может украшать посредственный опус. Это значит, что автору сильно повезло с редактором, который оказался талантливее подопечного.

Да, выбор книги — это лотерея. Как и всё в нашей жизни. Так уж она устроена, вся исчерчена сетью дорог. Чтобы не заблудиться,

"Амбиции" Художник Александр Лямкин

надо внимательно читать дорожные знаки. Имена книг — это те же знаки. И в конечном итоге чья-то судьба может оказаться в прямой зависимости от того, какие книги читал человек.

Если мяса с ножа ты не ел ни куска,
Если руки сложа, наблюдал свысока,
А в борьбу не вступил с подлецом, с палачом,
Значит, в жизни ты был ни при чем, ни при чем.

Если путь прорубая отцовским мечом,
Ты соленые слезы на ус намотал,
Если в жарком бою испытал, что почем,
Значит, нужные книги ты в детстве читал.

«Баллада о борьбе» В.Высоцкий

© Джаспер

Максим Кригер (Джаспер)

<http://writercenter.ru/profile/Jasper/whois/>

Александр Лямкин

<http://lyamkins.com>

Сергей Дорош

Первый роман Сергея Дороша «Тёмная сторона Луны» вышел в 2011 году (Альфа-книга), и в 2012 была издана трилогия «Светлая сторона Луны» (Альфа-книга).

— Сергей, как давно Вы начали писать? Расскажите немного о первой пробе пера и, конечно же, о первой книге. Как возникла идея её написать?

— Пишу с тринадцати лет. Но первая законченная книга — это «Тёмная сторона Луны». Как возникла её идея, уже не вспомню. Но к реализации я приступал дважды. В первый раз — в 2003 году. Текст хранился тогда еще на дискете. Дискета загнулась...

Вернулся я к этой идее только в 2005. Начал с нуля. Помню, имена двух персонажей пришли ко мне во сне. Всё началось именно с персонажей.

— Вы пишете в жанре фантастики, фэнтези. Смешиваются ли эти жанры в ваших произведениях?

— Скажем так, границы любого жанра — это условность. Во всяком случае, таково мое мнение. За исключением классики, то есть отцов-основателей жанра, если не будешь экспериментировать, то станешь всего лишь эпигоном.

Мои «Луны» написаны в жанре фэнтези. Но мечи и заклинания соседствуют с автоматическим оружием, события происходят в будущем нашего мира после техногенной катастрофы, просто описываются грани мира, невидимые простому обывателю. Ах да, ещё

присутствуют элементы альтернативной мифологии. Является ли это смешением жанров? Я затрудняюсь ответить. Пусть это сделает читатель.

— Почему именно такой выбор жанров? Что легче писать и почему?

— Почему именно такой выбор сделал я? Здесь все проще. Дело в том, что между фантастикой и фэнтези есть нечто общее. Писатель прежде всего создает мир. Целый мир со своими законами, своей историей. В реалистичных же жанрах мир, так сказать, задаётся изначально. Лично я очень плохо умею писать в чужих мирах. Мне это просто не нравится.

А вот что легче писать, ответить затрудняюсь. У меня есть несколько фантастических произведений, которые сейчас пока ещё «гуляют» по коридорам издательств. При их написании пришлось проработать гору материала из самых разных областей науки. Узнал много нового и интересного, кстати. И все равно один из друзей, который при вычитке отвечает за научную часть, всё время тыкал меня носом в несуразности. С другой стороны, мои произведения в жанре фэнтези всегда содержат описания обществ, за основу которых взяты ранее существовавшие. И там проработка идёт не меньше. Обычаи, тради-

ции, построение имен, военная тактика (куда же без неё), нюансы, которые непонятны большинству, но могут порадовать редких знатоков вопроса.

Резюмируя вышесказанное, скажу, легче писать то, что хочется писать. От жанра это не зависит. Главное — писать. Если «передержишь» идею в голове, то она, по моему собственному определению, начинает «гнить». Тогда писать её гораздо труднее.

У меня зачастую в голове множество идей. Но какая-то одна доминирует. Ты начинаешь обогащать её подробностями, появляются персонажи, разные варианты их действий, конкретные особенности мира. В какой-то момент достигается пик. Книга уже рвётся из тебя. Не выпустишь — передержал. Дальше писать будет труднее. Но я повторяю, это — моё субъективное восприятие.

— В каком виде приходят истории к Вам?

— Мои истории живут своей жизнью. Я только начинаю. А дальше они пишутся сами. Но картинку происходящего я вижу. Иногда, описывая боевые моменты, беру меч (ролевой) или нож и проверяю, работает ли это. Навыки в ролевом фехтовании — они полезны.

— Вы видите сюжет последовательно или сразу всю историю в отдельных сценах?

— А здесь нет догм. Каждая книга рождается по-своему. Я, как проводник, вместе с читателем вступаю в мир, который и сам-то знаю в общих чертах. Но по мере продвижения по нему (написания книги) открывается множество нюансов, о которых я не знал изначально. Некоторые персонажи, которые задумывались как второстепенные, вдруг вырываются на первый план. К примеру, те, кто читал трилогию «Светлая сторона Луны», наверняка помнят персонажа по имени Магнус. Изначально он задумывался как второстепенный и вспомогательный. После первой книги он должен был тихонько уйти в тень. А в результате стал одним из самых значимых героев. А бывает и наоборот. Герой задумывал-

ся как один из главных, но в процессе повествования уходит на второй, а то и третий план.

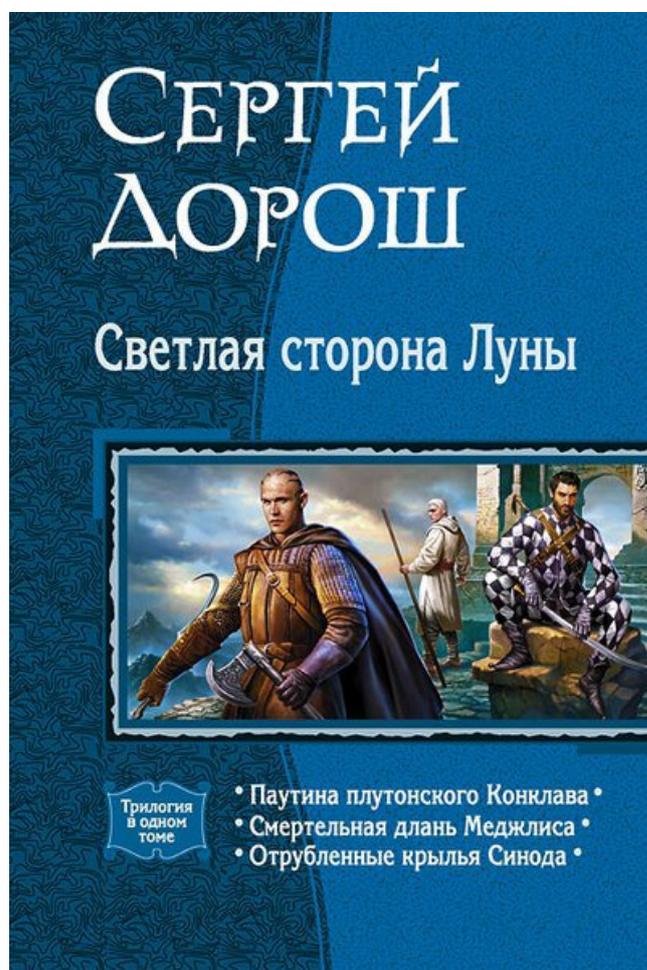
— В какой степени Вы сами присутствуете на страницах своих книг?

— Любой автор присутствует на страницах своих книг. Творца видно по его творению. Но измерить степень присутствия я затрудняюсь.

Мои ГГ на меня не похожи, хоть иногда я и беру их имена в качестве ников. Я, в смысле, я, который на бумаге, обычно смотрю на всё немного со стороны. У реальных людей я могу взять какую-то яркую особенность для персонажа. Но кого-либо в чистом виде на страницы не вводил.

Кстати, если говорить о персонажах, которые в чем-то отражали меня, один из них умер из-за недостатка веры, второй — по глупости, а третий стал наркоманом и был изгнан, что в описываемом мире приравнивалось к смерти. Вот теперь сижу и думаю: «К чему бы это?»

Художник Илья Воронин

Представляем

— **Расскажите о себе — литературный опыт, профессия, хобби.**

— Хм... Пишу с тринадцати или четырнадцати лет, издаюсь с 2011 года, то есть с тридцати одного года. Работаю экономистом, увлекаюсь ролевыми играми. Когда-то водил «кабинетные» ролевые игры, сейчас времени на это нет. Зато продолжаю выезжать на полёвки. На играх — лучник, фехтовальщик, абсолютно никакой строевой боец, иногда — убийца, по вечерам ещё и человек с гитарой (слово «менестрель» мне никогда не нравилось).

Для меня игры — один из способов сделать для себя Ctrl+Alt+Del. Новые люди или старые знакомые. Очередная роль — возможность влезть в другую шкуру. Обычная жизнь на несколько дней остаётся где-то там, неважно, где. Знаете, на играх всё — настоящее. Не тот пластмассовый суррогат, что окружает нас в повседневности.

— **Как Вы учились писать? Вам помогал кто-нибудь?**

— Чтобы научиться писать, надо писать. Ничего нового человечество в этом плане не придумало. Никто не помогал. Больше мешали. Десять лет своего творчества я просто спалил в лесу. А это было порядка 9 книг объёма «ССЛ». Надо писать. Количество рано или поздно перейдёт в качество. Главное — потом суметь это «количество» ампутировать. Это не так просто, как кажется.

— **Что значит «спалили»? В прямом смысле «спалили»?**

— Ну да, подпалил самую первую тетрадь, раскурил от неё сигарету и бросил в кучу остальных. Стоял, курил, смотрел, думал. Тогда я ещё был склонен к пафосным жестам.

— **Кто Ваши читатели?**

— Мои читатели — те, кому нравятся хорошо проработанные миры, кто любит подумывать над книгой, а не берёт её просто так для развлечения. В моих произведениях всегда куча нюансов, неважных для основного сюжета, но раскрывающих какую-то из граней описываемого мира. Но, если честно, когда пишу, я не думаю о целевой аудитории. Про-

сто пишу. Мне кажется, у каждой книги найдётся свой читатель. Люди-то разные, и нравится им разное. Просто иногда путь книги к читателю долог и тернист.

— **Как Вы относитесь к цензуре? Это необходимая мера, чтобы упорядочить излишек откровенности в литературе и СМИ, или один из способов ограничения свободы?**

— А кто сказал, что эти два определения взаимоисключающие? Любое проявление власти — это ограничение чьей-то свободы. Любая возможность проявления власти провоцирует злоупотребления. Цензура — это инструмент. Как и топор. Топором можно нарубить дров, чтобы развести костёр и обогреть своих близких, а можно (надеюсь, цензура это не вырежет) расколоть череп человеку. Инструмент не может быть хорошим или плохим. Хорош или плох применяющий его человек. Либо он, применяя цензуру, сглаживает острые углы, оберегает неокрепшую детскую психику от волны чернухи и, простите, порнухи, которая нынче захлестнула информационный простор, либо борется с инакомыслием. И то, и другое, в принципе, возможно.

— **Ваш образ идеальной женщины.**

— Нет у меня такого образа, чтобы его можно было оформить в слова, черты внешности или характера. Это — на уровне чувств. И чувств достаточно личных.

Распространённый сейчас образ — женщина с оружием в руках — один из символов феминизма, равенства полов и прочего унисекса. Женщина — прежде всего хранительница домашнего очага, создательница жизни.

Внешность для меня — не главное. Длина ног, размер бюста могут стать приятным дополнением, не более. И опять же, во всем нужна умеренность. Жить с красивой пустышкой — застрелиться можно. Да и понятие красоты у каждого — свое.

На самом деле, женские образы мне в книгах всегда давались туго. Просто не знаю, каким должен быть «Гений чистой красоты».

Скажу кратко: идеальная женщина — это та, ради которой хочется изменять себя к лучшему.

Художник Илья Воронин

— Что для Вас значит «**быть счастливым**»?

— Человек создан для счастья, как курица для полета (шутка).

Есть состояние, которое я для себя называю состоянием внутреннего равновесия. В такие моменты ты — словно центр мира, спокоен, непоколебим, и всё словно бы вращается вокруг тебя. Всё происходит так, как надо. Для меня эти редкие моменты внутреннего равновесия и есть счастье.

Человек создан по образу и подобию Божьему, а Бог — прежде всего творец.

Всё, что делает человек, должно быть творчеством, а не работой. Кстати, вот ещё один момент к вопросу о счастье: если ты не работаешь, а творишь, то есть делаешь то, к чему лежит твоя душа, тем самым приближаешься к состоянию внутреннего равновесия.

Поиски счастья — это как игра в «горячо-холодно», нужно просто искать и прислушиваться к себе. Постоянное счастье невозможно, а вот счастливые моменты найти можно и нужно.

— **Над каким проектом работаете сейчас?**

— Сейчас упорядочиваю уже написанное. Дальнейшее направление творчества зависит от того, что возьмут в печать издательства, и возьмут ли что-нибудь вообще.

Как бы основная дилемма: стоящие книги пишу я или дерьмо? Мнение друзей сложно принимать в расчет, они же друзья. Но множить дерьмо, которого и так на полках вагоны, я не хочу. Я когда «ТСЛ» двигал, у меня ощущение было, что бьюсь головой об стенку в ожидании, что раньше брызнет: обломки кирпичей или мои мозги.

Та книга, которая пока в рассмотрении, открывает цикл из пяти романов. Я уже написал третий, сейчас потихоньку занимаюсь вычиткой и редактированием его. Цикл фантастический, постапокалиптика. Ориентировочное название цикла «Ходящие под Солнцем». В нём описывается общество людей, загнанных под горы, живущих небольшими общинами. На поверхности земли господствуют гигантские муравьи. Общество людей устоявшееся, но вот появляется главный герой и инициирует перемены, начинает толкать людей на поверхность, назад, под Солнце. Первые попытки оборачиваются крахом, большими жертвами, но в конце, в пятом романе, всё будет хорошо.

Есть ещё идеи двух, брешу, трех миров, но они пока у богов на коленях. Там тоже задумки интересные. Мне не помешали бы хорошие бета-тестеры.

Вот так, вкратце.

Беседовала Ула Сенкович.

Сергей Дорош
vk.com/id22095374

Иллюстрации Илья Воронин
fantlab.ru/art137

Ула Сенкович
writercenter.ru/profile/Senkovich/whois/

Дорога

Холодный и белый плен, хрустят под ногами надежд осколки. По этой дороге немало лет хожу только я и ручные волки. Дорога, которой на карте нет... В серебряной тьме не шумят машины, сюда никогда не придет рассвет — дорога из детских ночных страшилок. Лежит на дороге холодный снег, ни летом, ни осенью он не тает, здесь стрелки часов замедляют бег, и календарь страниц не листает, здесь время и путает, и кружит, даря то росток, то пригоршню пыли, сюда невозможно попасть чужим, а, впрочем, “свои” про нее забыли.

Я вечером часто хожу по ней — до дома идти по Дороге проще, и с улицы, полной ночных огней, шагаю в холодную темную рощу, ныряя во мрак, но потом глаза привыкнут, и вижу, как кошка ночью, и облик людской начинает сползать, словно тумана прозрачные клочья. Когда я иду в человеческий край, стараюсь я быть на людей похожим, ведь облик чужой — это лишь игра: и розово-белый оттенок кожи, короткая стрижка и серпантин татуировок, змеей скользящих.

Но стоит лишь только мне грань пройти, как возвращаюсь я — настоящий. Доспехи, перчатки, фамильный знак и плащ, струящийся за плечами, серебряно-серых волос копна, и я вновь такой, какой был в начале, до всех человеческих метаморфоз... Лишь только ступаю я на границу, ко мне возвращаются вес и рост, и истинный облик ночного принца.

Так было всегда. Есть моя страна. Есть мир человеческий. Есть Дорога. Кто создал ее и зачем она, об этом известно и нам немного, но смертный, попавший сюда, обречён: Дорога не любит живые души...

Однажды в снегу я девчонку нашел — нелепую жертву ее ловушек. Прозрачная кожа и венки сеть, и обнаженные хрупкие плечи... Я бросился к ней, чтоб укрыть, согреть, но девочка шла по Дороге в вечность. Мне стало вдруг горько, что я опоздал, и чувство вины затопило разум... А в небе над гранью зажглась звезда, оранжевым светом заливая все сразу. А девочка таяла, словно лед... в снегу, на Дороге, где нет рассвета. И медные пряди волос ее как будто звезде прибавляли цвета...

...Дорога — неведомый странный путь, хрустят под ногами осколки сказок, сюда не попасть просто как-нибудь, ее не увидеть обычным глазом. Здесь вечная полночь, и звездный свет серебряной нитью с небес струится. Дорога, которой на карте нет, — идущая между миров граница.

NeAmina

writercenter.ru/profile/NeAmina/whois/

Художник Sandara

sandara.deviantart.com/gallery/

Юочь невесты

Субботина Наталья

Яблоневые ветви, усыпанные душистыми цветами, смыкались над головой ажурным шатром, нежно-розовым в лучах закатного солнца. Стоящий в их тени длинный стол, накрытый нарядной скатертью, ломился от яств. Однако никто не спешил насладиться остывающими на ветру кушаньями. Я сидел на почетном месте и старательно накачивался забористой деревенской хмерой. Голова оставалась до обидного ясной. Лавки рядом со мной пустовали: «пирующие» мужики жались друг к другу на другом конце стола, дико косились на мое клеймо и нервно улыбались. Время от времени кто-то из них поспешно покидал празднество, якобы вспомнив о важном деле. Никто, конечно, не возвращался. «Какого черта? Мне здесь не место... — думал я и тут же возражал себе: — Обещал ей остаться до венчания — и останусь!» Крестьяне вздрогнули, когда я громко стукнул пустой кружкой о столешницу. «Почему Лирна сразу не сказала, что выходит замуж? Знал бы заранее — не чувствовал бы себя таким идиотом». Жених сидел напротив меня. Он единственный, кто выглядел не насмерть перепуганным, а счастливым. Я отвернулся, чтобы не видеть эту довольную рожу. Что она в нем нашла? Здоровенный детина, не обремененный ни умом, ни манерами. Утирается рукавом вышитой рубахи, словно и не слышал о салфетках. Впрочем, надо отдать ему должное, на фоне остальных Мирк смотрелся неплохо. Черные кудрявые волосы до плеч, не иначе как в честь праздника чистые и аккуратно причесанные, открытый взгляд карих глаз, спокойные, уверенные движения... И все равно — неграмотная деревенщина. Бородатый, как все мужичье, грубый, тупой... Лирна достойна лучшего.

Женщины, согласно традиции, пировали отдельно, в другой части обширного сада. Они, находясь в отдалении, чувствовали себя гораздо свободнее, чем мужчины. Я видел, как девушки пестрой стайкой окружили сидящую во главе стола Лирну и о чем-то оживленно шептались. Она, ослепительно красивая с каскадом темных локонов, рассыпавшихся по плечам, сидела молча и время от времени бросала на меня виноватые взгляды. Чего она ждала, притаив Одинокого на свой праздник? Что все обрадуются и с распростертыми объятиями примут его в теплую компанию? Даже Керен, родной дядя Лирны, лишь сбивчиво представил меня гостям, пожелал приятного аппетита и побежал улаживать несуществующие осложнения со стряпухами, да так больше и не появился.

Тени сгустились, вытянулись, солнце почти скрылось за кронами деревьев. Неестественную для праздника тишину нарушило пение флейт и лонтр[1]: музыканты, наконец, вспомнили, что приглашены не просто посидеть на траве возле женского стола. Один за другим в музыку вплетались чистые девичьи голоса, выводящие старинную песню. Мелодия плавно лилась, тянулась, дрожа в напитанном ароматами весны воздухе. Две женщины в нарядных платьях, перехваченных сложными плетеными поясами с алыми кистями и бусинами, ласково взяли Лирну за руки, вывели из-за стола, повлекли в дом — наверное, готовить к Ночи невесты. Ничто больше не держало меня в этом саду, следовало найти место для ночлега.

Я был уже довольно далеко от дома Керена, когда заметил женщину, идущую вслед за мной. Несмотря на сумерки, стройная фигурка в ладно

сидящем платье с развевающимся подолом, четко выделялась на фоне пустынной дороги. У нее была очень красивая поступь, не похожая на размашистый шаг деревенских баб. Когда она приблизилась, я увидел тонкую сеть морщинок вокруг голубых глаз, глубокие складки в уголках бледных губ и серебро в волосах. Женщине было за шестьдесят, и ее возраст никак не вязался с невероятной грацией, заметной издалека.

— Здравствуй, Путник, — голос был молодой — низкий, бархатистый. Цепкий взгляд исследовал мое лицо, задержался на Клейме: — Север, — тут же определила она его значение. — Величать тебя так, или представишься иначе?

— Грэн.

— Рада знакомству, Грэн, — произнесла незнакомка светским тоном. — Вижу, праздник тебе успел наскучить. Приглашаю в свой дом, — безукоризненно правильная речь не имела ничего общего с грубым крестьянским говором. Да и все в этой женщине резко противоречило образу простолудинки.

Художница Līga Kļaviņa

— Я могу заночевать и в лесу. Беспокойство не...

— Когда ты в последний раз закрывал брешь? — перебила собеседница.

— Почти четыре луны назад... госпожа.

— В таком случае, не вижу причин для беспокойства. И не зови меня госпожой, ни к чему это. Местные нарекли Безрукой, я привыкла, — только сейчас я заметил, что у нее нет левой кисти. — Повторяю приглашение, Грэн. Воспользуйся моим гостеприимством.

— Благодарю вас.

— Не стоит. Моя любезность — всего лишь плата, хоть и небольшая, за помощь Лирне. Эта девочка мне безразлична.

Мы шли по широкой улице вдоль беленых оград с дубовыми воротами и калитками. Крыши домов едва виднелись среди яблонь, словно накрытых снежными шапками. С наступлением вечера их одуряющий аромат усилился, вытесняя все остальные запахи, кружил голову. Девичья песня таяла за спиной, растворялась в шорохе ветвей и птичьих трелях. Где-то протяжно замычал нувар, из-за забора залаяла собака.

— Простите... — я не знал, как обратиться к собеседнице: госпожой называть себя она запретила, имени не назвала, а прозвище казалось слишком грубым, неуважительным. — Лирна — ваша родственница?

Безрукая тепло улыбнулась, словно солнечный луч скользнул по лицу:

— Я помогла ей появиться на свет, — женщина немного помолчала и, помрачнев, продолжила: — К сожалению, через несколько весен девочка лишилась матери. Ее отец... не имел возможности должным образом заботиться о ребенке. Лирна какое-то время жила со мной и стала мне как дочь.

— Вы, наверное, очень рады, что она обретает свое счастье, — это было ничего не значащее замечание, просто для поддержания вежливого разговора. Но мой голос дрогнул.

— Разве Лирна показалась тебе счастливой? — холодно спросила Безрукая.

Я почувствовал себя бестактным. Конечно, невеста была подавлена. Это естественно после того, что ей пришлось пережить на пути к ожидающему в нетерпении жениху. Одного из провожатых Лирны убили на ее глазах, да и сама девушка едва избежала печальной участи.

— То нападение...

— Дело не только в этом, — прервала меня собеседница. — Мирк — хороший парень, но... — она не договорила и ускорила шаг.

— Она не любит его, да? — эта догадка заставила замереть сердце. Нет ничего хорошего в свадьбе без любви, но почему-то мысль, что Мирк не мил Лирне, грела душу.

Собеседница не сочла нужным отвечать.

Жилище Безрукой располагалось за пределами селения, в паре стадиев от деревенского частокола, на невысоком холме.

— Не боитесь жить на отшибе? — спросил я, рассматривая крытый рыжей черепицей бревенчатый дом, не обнесенный ни забором, ни даже живой изгородью. Ни грядки с овощами, ни сада — лишь два герзата[2], усыпанные алыми звездами цветов, по обеим сторонам высокого резного крыльца.

— Те, кто нуждается в помощи, не всегда могут ждать, пока им откроют ворота.

На выкрашенной в зеленый цвет двери четко выделялась «Рука милосердия» — белый отпечаток ладони. «Знающая»[3], — тут же решил я, хотя этим древним знаком пользовались и обыкновенные знахари.

Пока хозяйка готовила для меня спальню, я сидел за дубовым столом в обширной комнате, служащей одновременно кухней, столовой и гостиной, как в любом крестьянском жилище. Отличительными чертами были лишь добротная печь, облицованная бирюзовыми изразцами, да полное отсутствие безделушек, оберегов, вышитых салфеток и даже шторок на широких окнах. Чисто, просторно... и как-то пусто. Я смотрел на ровное пламя свечи, безразлично отпивая из глиняной чашки кисловатый напиток, резко пахнущий травами. Как деликатно пояснила Безрукая, отвар помогал «вернуть ясность сознания», то есть протрезветь. Пьяным я себя совсем не чувствовал, хотя весь день пытался исправить это упущение, но отказываться не стал. Мысли, казалось, приходили откуда-то извне — неразумные, неправильные, — но отогнать их не получалось. «Если бы у меня было время, еще всего пара лун. Возможно, она бы могла... Неужели Керена нельзя убедить? Он ведь не чужой человек...»

— Ты видел, кого он послал за ней? — Безрукая подошла так бесшумно, что я вздрогнул от неожиданности. И смутился, поняв, что говорил вслух. — Разве так поступают не чужие люди?

Когда я привел Лирну в дом родича, заметил и большой загон с нуварами, и пару десятков крепких батраков... Дядя мог выделить для племянницы и телегу, и достойную охрану, но не сделал этого. Как могли старик и мальчишка защитить спутницу от вооруженных до зубов головорезов? Если бы я не оказался рядом... Впрочем, и я опоздал. Истела мы захоронили прямо в лесу, неподалеку от места, где разбойники оставили его обезглавленный труп. А мальчика так и не нашли. Надеюсь, ему удалось сбежать...

— Керена интересуется только имущество покойного брата. Он не может им распоряжаться, пока Лирна жива и не замужем.

— Потому его и не волновало, приедет она на свадьбу или погибнет в дороге? — опустевшая кружка в моих руках брызнула осколками, превратившись в россыпь черепков. На стол упало несколько капель крови из порезанной ладони.

— Не стоит говорить о человеке хуже, чем он заслуживает, — осадил меня Безрукая. — Здесь спокойные места, о разбойниках никто не слышал уже весен пятнадцать. Керен пренебрег удобством племянницы, а вовсе не ее жизнью. Впрочем, — продолжила она задумчиво, — черствости ему не занимать: свадьбу не отложил, даже несмотря на смерть Истела, который служил ему много лет, считался чуть ли не членом семьи.

— Лирна может сбежать. Я бы помог.

— И оказаться вне закона? — голос Безрукой дрожал от сдерживаемого гнева. — Прятаться, как мышь под веником, постоянно ждать, что ее приволокут домой за волосы, как какую-то воровку или потаскуху? Если бы ты хоть немного знал Лирну, понял бы, что она никогда не опустится до подобного. Эта девочка не прячется, а борется. И никогда не теряет надежды.

— На что же она надеется сейчас? — я вскочил и нервно заходил по комнате, с хрустом давя осколки разбитой кружки.

— На Мирка.

Напоенный весной воздух посвежел. В небе воцарилась почти полная луна, высеребрив травы и уходящую к деревне тропку. Герзатовые цветы в ее лучах слабо светились, словно тлеющие угли. Легкий ветер срывал лепестки, и они хлопьями снега плавно опускались на землю и угасали. Во-

круг деревьев деловито кружились жуки и ночные мотыльки. Тишину нарушали стрекот кузнечиков и заливиная трель соловья. Я сидел на ступенях резного крыльца и смотрел, как загораются огни в окнах. Кто бы мог подумать, что в этом селении столько неженатых парней. Наверное, ни один не забыл поставить на подоконник свечу — символ путеводной звезды, указывающей дорогу к счастью. Вряд ли кто-то всерьез ждал, что Лирна придет именно к нему, но не сомневаюсь, они надеялись...

Ночь невесты. Ночь свободы. Священное право выбора. Никто уже не помнит, откуда взялся этот обычай. Среди знати ходит легенда, будто его давным-давно ввела некая заморская принцесса. Она прилюдно объявила в день свадьбы с гранзанским королем, что уже отдалась пажу, а для жениха-рогоносца династический брак был слишком важен, чтобы отказаться от него из-за легкомыслия будущей супруги. По версии крестьян с Севера, традиция уходит корнями в те времена, когда люди жили в согласии с природой и им не требовались обряды и браслеты, чтобы быть вместе. В южных краях, где поныне чтят мудрых женщин[3], считается, что здоровые дети рождаются, только если мать потеряла невинность со своим избранником. Сами Знающие учат: любовь для того и задумана богами, дабы от нее появлялось жизнеспособное потомство, и выдавать девицу замуж против воли — грех...Однако авторитета ведуний все же недостаточно, чтобы девушкам позволили самостоятельно выбирать судьбу. Сначала они принадлежат родителям, потом мужу и лишь одну ночь — себе. С кем бы невеста ни провела время от заката до рассвета перед свадьбой — никто не смеет упрекнуть ее.

Безрукая давно ушла, пообещав до утра не возвращаться. Я сказал, что в этом нет необходимости, но она была непреклонна: «Разве ты не мужчина? Или уже женат?». Что ж, наверное, приятнее провести время со знакомыми, чем с Вечным Путником. В такие ночи многие покидают свои дома, оставляя сыновей и братьев в одиночестве ждать возможного визита невесты. Люди собираются большими компаниями и ведут душевные беседы в темноте, поют песни. Должно быть, это весело. Поставленную хозяйкой у окна свечу я погасил: не хотел быть одним из тех, напрасно надеющихся. Сколь ни свят обычай, девушки все же проводят Ночь невесты с женихами.

«Это меня не касается. Завтра в полдень поздравлю ее и уйду своей дорогой». Больше ничего не оставалось. Мы были вместе почти три дня, еще немного — и мой Дар начнет вытягивать из Лирны жизнь. Этого допустить я не мог.

В Школе лучшая пора — ранний вечер, когда занятия уже окончены, а готовиться ко сну еще не время. Можно пойти в оружейную разглядывать блестящие латы и кольчуги, изящные кинжалы с затейливой вязью орнамента вдоль лезвия, тяжелые двуручники и кривые дарлезские клинки, повертеть в руках настоящий охотничий лук, который Наставник обещал подарить, когда мне исполнится десять весен. Или влезть на крышу и смотреть вдаль, любуясь яркими красками, которых так не хватает среди хмурых камней замка. А если повезет — увидеть настоящих нуваров и людей, привозящих из города провизию. Но интереснее всего — кормить птиц: затаив дыхание наблюдать, как птицы жадно склеивают рассыпанные крошки, осторожно приближаясь к раскрытой ладони с угощением.

Громкое чириканье я услышал, еще поднимаясь на замковую стену. Выбрался на смотровую площадку и увидел крепкого парня со светлыми волосами, забранными в куцый хвостик, в окружении целой стаи пестрых пичуг. Зэйн сидел прямо на полу, привалившись голой спиной к стене и, подобрав под себя обтянутые кожаными штанами ноги, пристально следил за птичьей возней. Странно было застать его за таким занятием — все свободное время Зэйн проводил на стрельбище или в зале для фехтования. Я не любил его: самый старший из пятерых учеников Школы, он был заносчив, часто похвалялся успехами в стрельбе и владении мечом и жестоко высмеивал чужие неудачи. А после того, как Наставники почему-то решили новым Югом сделать Хорина вместо стремящегося поскорее заполучить Клеймо Зэйна, этот тип стал и вовсе несносным. Я уже собирался развернуться и уйти искать себе другое развлечение, как вдруг он протянул руку в сторону одной из птиц — и она упала на спину с поджатыми лапками и осталась лежать неподвижно, как замороженная. Ее товарки испуганно вспорхнули на зубцы башни, заинтересованно косились сверху на разбросанное просо, не решаясь к нему спуститься. На полу осталось несколько трупиков.

— Что ты делаешь?! — от моего крика стая всполошилась и взмыла ввысь.

— Распугал, придурок! Дуй отсюда, пока не получил! — зло шикнул Зэйн на меня.

— Зачем ты убил их?

Он посмотрел на небо, досадливо сплюнул и снизошел до ответа:

— Тренировался. Нас все время натаскивают на выброс силы, а отъем даже не показывают.

— Потому что верны уничтожаются именно выбросом...

— А с человеком выгоднее поступить наоборот, — похоже, Зэйну не терпелось продемонстрировать свои познания, и его устраивал даже такой слушатель как я. — Сам подумай! Тогда ты не траишь Дар, а наоборот, подпитываешь его. Да еще как!

— И что?

Убедившись, что птицы уже все равно не вернуться, Зэйн легко вскочил на ноги и горой навис надо мной.

— А то, что можно целый день есть по крошке хлеба и остаться голодным. А можно — нормально пожрать и какое-то время не думать о еде.

— Хочешь сказать, если враз выпьешь всю жизнь из человека, — догадался я, — Дар на какое-то время успокоится?

— Вот именно! Убей врага — и сможешь провести пару лишних дней с другом, — он с самодовольной улыбкой взъерошил мои волосы. — И ничего ему не станется.

— Откуда ты знаешь?

— В отличие от тебя, я читаю не только то, что наставники подсунут под нос. Во времена Войны континентов наши так и победили: Одинокие косили противников направо и налево, а на своих целыми лунами вообще никак не влияли.

Наставники не подтвердили и не опровергли слова Зэйна. Лишь напомнили, что Одинокие призваны защищать людей, а не губить. А что, если это правда? Что, если я могу остаться еще на два дня, не рискуя жизнью Лирны? Возможно, этого было бы достаточно, чтобы она по-настоящему полюбила меня... От ненависти к Мирку темнело в глазах. Я никогда не убивал людей, но тогда казалось, что готов убить. Это ведь просто, даже прикасаться к нему не нужно...

В какой-то момент я словно очнулся и испугался собственных мыслей. Пора было ложиться. Нечасто выпадает шанс выспаться под крышей. Поплескавшись в большущей бадье с водой за домом, я, запретив себе даже оглядываться на деревню, направился напрямиком в спальню. И замер

в дверях.

Заглядывающая в окно луна очертила жемчужным контуром силуэт сидящей на кровати девушки, оставляя лицо в тени. Лирна! Почему она здесь? Хочет насолить Мирку или... Встала и медленно подошла ко мне, поправила пышные локоны, неуверенно потянулась к шнуровке светлого платья. Я остановил ее руку и посмотрел в глаза — темные и бездонные, как звездное небо. И понял, что ждал ее — ждал, не признаваясь в этом себе. Горло пересохло, а сердце грохотало, как кузнечный молот. Ее холодные пальцы подрагивали. Я привлек Лирну к себе, сжал в объятьях, уткнувшись лицом в волосы, пахнущие луговыми травами и яблоневым цветом. Взял на руки, бережно отнес в кровать. Наклонился и осторожно поцеловал в губы. Лирна ответила — робко и немело, но меня затопило всепоглощающее счастье. Я сдерживал себя, касался ее благоговейно и трепетно, в каждое движение вкладывая переполняющую меня нежность. Слова были лишними — стук сердец, прерывистое дыхание, тихий стон все

Художница Līga Kļaviņa

сказали за нас...

На рассвете Лирна ушла. Остались лишь растерянность и вкус прощального поцелуя на губах. И непонятная горечь. Перед глазами снова и снова возникали в детстве затверженные сроки из Книги Дорог: «Та, чье сердце переполняет любовь к Одинокому, черпает силы из мужа своего. И будет жизнь ее долгой, как у суженого, и не познает болезней и старости...» Я не смел надеяться, что Лирна меня любит, но в одном не сомневался: этой ночью звездокая хотела быть со мной. Будь что будет. Я принялся торопливо одеваться, с раздражением путаясь в рукавах и штанинах, и уже затягивал шнуровку на втором сапоге, когда вошла хозяйка.

— Грэн? Что произошло?

— Вы говорили, Лирна хочет этого брака. Это неправда! — я вскочил и бросился вон из спальни. Женщина сделала шаг в сторону, чтобы освободить проход.

— Не брака — свадьбы, — спокойно сказала Безрукая мне в спину. — Она попросит у Мирка ключ.

Я остановился.

Если Лирна снимет браслет сразу после венчания — этот медведь к ней даже не прикоснется. Я собирался потребовать у Керена отменить свадьбу — и он бы побоялся отказать Одинокому. Но этого мало: кто знает, не осмелеет ли дядюшка спустя пару лун после моего ухода? Развод же сделает звездокую свободной — свободной по настоящему!

— А он отдаст?

Собеседница покачала головой:

— Только не сегодня. Попытается завоевать ее, будет тянуть время. Вы, мужчины, — бесцветно произнесла она, глядя мимо меня, — относитесь к нам, как к неразумным созданиям, которые сами не знают, что им нужно. Он думает, появится ребенок — и она сама не захочет уходить.

Едва обретенная надежда рассыпалась. Я со злостью стукнул кулаком о стену.

— Какая разница, чего она захочет? После венчания у нее не останется права выбора!

— Право на выбор имеет тот, кто его делает, — веско сказала Безрукая, потирая культю характерным движением, словно только что избавившийся от оков узник.

Я ужаснулся. Чтобы расторгнуть брак, нужно открыть замок брачного браслета ключом, при свидетелях полученным от супруга. Но для отча-

явшихся есть еще один способ. И мне вдруг подумалось, что стоящая передо мной женщина когда-то им воспользовалась. И, похоже, верит, что Лирна поступит так же.

Завтракать я отказался, закрывшись в спальне. То нервно ходил по комнате, то сидел на кровати, обхватив голову руками и глядя в одну точку. Безрукая тихо постучалась ко мне лишь через пару часов:

— Грэн, пора.

Солнце почти достигло зенита, когда мы пришли на ритуальный холм. Здесь уже толпились нарядные люди, которые при нашем появлении притихли и расступились — то ли испугавшись меня, то ли из уважения к Безрукой. Она взирала на окружающих с величественным равнодушием, лишь слегка кивая в ответ на робкие приветствия.

Почти все были в сборе. Толстый жрец с обритой головой чинно стоял у Камня благословений, на гладкой, розоватой с черными прожилками, поверхности которого уже лежали серебряные браслеты и раскрытая книга. Сухонький старичок что-то тихо говорил почтительно внимающему Мирку, одетому в черные с красной вышивкой штаны и рубаху.

Вдруг все взоры обратились в одну сторону. Прибыла невеста. Разряженный по городской моде Керен вел в поводу гнедого холеного нувара с расписанным красными и золотыми узорами лобовым щитом. На животном с отсутствующим видом сидела Лирна. В белоснежном^[4] платье. Толпа неодобрительно загомонила, Мирк изменился в лице, Безрукая удовлетворенно улыбнулась. А я убедился, что принял верное решение. Следом за нуваром двумя цепочками шествовали девушки в цветастой одежде.

Кортеж остановился, невесте помогли спешиться, дядя за руку подвел ее к Камню. Лирна не сопротивлялась, отрешенно глядя прямо перед собой. Жрец поправил складки синего балахона, приосанился, оглядел собравшихся, требуя внимания, и начал церемонию.

Я напряженно вслушивался в его бормотание, боясь упустить нужный момент.

— За кого отдаешь сию дочь земли? — возвысил голос жрец.

— За меня! — громко провозгласил я, делая шаг вперед.

Лирна вздрогнула, подняла на меня удивленный взгляд. Я ободряюще улыбнулся. Воцарилась мертвая тишина. Керен, часто моргая, растерянно смотрел то на меня, то на жреца, то на искажившееся в гневной гримасе лицо Мирка. Бабы потрясенно прикрыли рты ладонями, мужики посуровели лицами. Лишь Безрукая осталась невозмутима, словно заранее обо всем знала.

— Это правда? — спросил жрец, удивленно приподняв брови.

Керен молчал, нервно трясая головой.

— Лирна моя! — вскричал опомнившийся Мирк. — Мы заключили Нерушимый договор. Вы все, — он сделал широкий жест рукой, — были свидетелями!

Все вопросительно уставились на жреца.

— Это правда, — солидно подтвердил он. — Вчера я засвидетельствовал договор перед ликом всех Семи Богов.

Крестьяне снова принялись перешептываться.

— Договор призван защитить невесту и накладывает обязательства только на жениха, — не сдался я. — Керен вправе изменить решение.

— И это правда, — сказал жрец.

Мирк легко раскидал двух крепких мужиков, схвативших его за руки, и с диким ревом бросился на меня. На нем тут же повисли еще четверо, уговаривая не делать глупостей. К ним со слезами и причитаниями кинулась маленькая пухленькая старушка — наверное, мать.

— Убийца! — орал он, вырываясь из цепких рук. К миротворцам присоединилось еще несколько мужчин, общими усилиями они заломили взбешенному Мирку руки за спину и оттащили назад. — Нелюдь! Она моя!!!

Жрец неодобрительно поджал губы, но в свару вмешиваться не стал и повторил вопрос:

— Так за кого ты отдаешь сию дочь земли?

Керен опасливо посмотрел на бушующего Мирка, на меня... Я показался ему страшнее.

— За него, — сказал обреченно, — за Одинокого.

Несостоявшийся жених отчаянным рывком бросился вперед, таща за собой умиротворяющих его мужчин, и с воплем боднул Керена в лицо. Тот упал на землю, зажимая рукой разбитый нос, из которого ручьем хлынула кровь. Никто не поспешил на помощь поверженному.

— Продолжайте, — обратился я к жрецу, становясь рядом с Лирной. — Опекун невесты ска-

зал свое слово.

Служитель богов благоразумно опустил длинную каноническую речь и сразу перешел к основной части обряда:

— Пред ликом всех Семи Богов, данной ими властью, благословляю сей союз!

Не дожидаясь, пока кто-нибудь опомнится и вмешается, я схватил браслеты и всучил Лирне тот, что побольше. Она дрожащими руками застегнула его на моем запястье. Я торопливо надел браслет на нее, крошечный ключик неестественно громко щелкнул в замке.

— Да будут узы крепки, — окончил обряд жрец, сотворив рукой знак благословения, и устал вытер пот со лба.

Я привлек любимую к себе и жадно впился губами в ее губы. Потом отстранился и повесил жене на шею ключ от ее браслета. Лирна недоуменно посмотрела на изящную вещицу на груди и, побледнев, подняла на меня свои огромные глаза: они пылали гневом. Одним рывком сорвав с

Художница Līga Kļaviņa

себя цепочку, она швырнула оба ключа в пыль и повернулась ко мне спиной, гордо вскинув подбородок. Я поднял руку, чтобы прикоснуться к ней... и снова опустил. Лирна ушла, так ничего и не сказав. Ошарашенные происходящим люди молча разошлись, уступая ей дорогу.

«Прощай, звездоокая. Теперь ты свободна»

Безрукая подобрала ключи и подошла ко мне.

— Уходишь?

Я кивнул и протянул ей полный кошель.

— Позаботьтесь о ней. Через неделю таинник пришлет еще денег, хватит на новый дом и все прочее. Постарайтесь убедить Лирну принять их.

Она обещала все сделать и обняла меня на прощание, как сына.

— Ты вернешься?

— Не вернусь.

Но мы оба знали, что это ложь.

[1] Лонтра — струнный музыкальный инструмент

[2] Герзат — плодородное дерево, гранзанский эндемик.

[3] Мудрые женщины, Знающие — ведуньи, целительницы, передающие знания от матери к дочери. Считается, что они могут общаться с духами и даже владеют магией.

[4] Белый — цвет траура. Невеста в Гранзане традиционно одевается в красное.

Субботина Наталья

writercenter.ru/profile/Plamya/whois/

Художник Līga Kļaviņa

liga-marta.deviantart.com

Огонь

Анна Пан

Любовь прекрасна, кто бы спорил.
Но шутки злые у нее.
Порой сам черт не разберет:
В ней больше счастья или горя?
Укажет пальчиком холеным
На нищего без ног, без рук...
На мужа лучшей из подруг...
На златоглазого дракона...
А спорить с нею бесполезно.
И ты сражаешься с собой,
С рассудком, совестью, судьбой...
И победишь ли — неизвестно.

Да, бывает, женщины влюбляются не в того, в кого надо. И даже в того, в кого и во все не надо. Влюбляются в недостижимых — в киноактеров, космонавтов, президентов...

В смысле недостижимости я, кажется, побил все рекорды. Я влюбилась в героя книги.

Летела в командировку. Пришлось долго сидеть в аэропорту. И я от нечего делать купила в ларьке книгу. Незнакомого автора, недорогую, с нелепым драконом на обложке. Да, я люблю фэнтези — эти сказки для взрослых, которым в детстве не хватило волшебства.

Книгу я прочитала. Перевела дух и начала читать заново. А потом еще раз. И еще...

Случайно купленная книга стала Книгой. А ее главный герой стал моим Героем.

В Книге не было иллюстраций, но я точно знала, как он выглядит. Я знала его голос. Знала его запах.

Герой был благороден, отважен, справедлив, великодушен, немногословен. И одинок.

Он не знал, что такое любовь, в сердце его было пусто и холодно, хотя вокруг мелькало множество желающих заполнить эту пу-

стоту и поделиться теплом своего сердца (и не только сердца). Эльфийская царевна, вопреки воле отца, подарила Герою фамильный амулет. Юная оборотниха была готова биться за его жизнь против всего своего племени. Молодая гномша, навлекая на себя гнев старейшин, сбрила бороду, чтобы хоть немного походить на человеческую женщину, когда Герой гостил в Подземном городе. Были и другие. Но Герой только грустно улыбался и

уходил, никому не оставляя надежды. И так всю жизнь — дороги, иногда друзья, чаще враги, на каждом шагу опасные приключения.

Я перечитывала Книгу снова и снова. Вскоре я уже знала ее наизусть. С закрытыми глазами могла нарисовать подробную карту мира, где жил мой Герой. Проснувшись среди ночи, без запинки перечислила бы всех его друзей и врагов.

Это было не мимолетное увлечение, не романтическая влюбленность. Нет. Это была страсть. В моем сердце полыхал огонь. Не имея выхода, он бушевал внутри. И мне было больно.

Днем я еще справлялась: работа, люди вокруг — все отвлекало от мыслей о несбыточном. А ночи превратились в муку мученическую.

Я молилась единственному богу, который у меня был — Автору моей Книги. Из предисловия я знала, что он давно умер. То есть вполне годился на роль моего персонального бога. Каждую ночь я просила его забрать меня в мир моего Героя. Я умоляла, требовала, грозила и снова умоляла.

И однажды в ответ на мою очередную мольбу в ночной тишине прозвучал довольно мрачный голос:

— Как ты мне надоела!

Я поняла, что сошла с ума, и почему-то очень этому обрадовалась. Но голос меня огорчил. Он сказал:

— Нет, ты не сошла с ума. А вот я скоро сойду, если ты не прекратишь донимать меня.

— Извините, — ничего умнее не пришло в голову. — Больше не буду. Наверное.

— Будешь, будешь. Если я не приму меры.

— А вы кто? — спохватилась я. — И где вы? Я вас не вижу.

— Я — автор. Тот самый, к которому ты взываешь каждую ночь.

Нормальная женщина упала бы в обморок. Я закричала от радости:

— Вы перенесете меня в ваш мир?!

— Перенесу. Не кричи.

— Да! Да! Я готова! Летим!!!

— Пока еще никто никуда не летит. Сначала поговорим.

Я послушно села на кровать и сложила руки на коленях, устремив в пространство по-

читительный взгляд.

— На самом деле, я и сам в последнее время часто думаю, что был не прав. Ну, в том, что отказал этому парню в возможности любить, быть любимым. Быть счастливым. Понимаешь, я сам не знал любви к женщине. Моей единственной страстью была работа. Вот эта самая Книга. Когда я писал ее, для меня в жизни не было ничего важнее. Наверное, поэтому мир, который я выдумал, однажды стал реальным. В одной из параллельных реальностей. Сейчас он существует независимо от моей воли. Жизнь идет, что-то происходит. Иногда даже появляются новые персонажи, которых я не придумывал.

Когда я умер в этом мире, мое сознание само собой перенеслось в мир Книги и поселилось там. И я жил себе тихо-мирно, наблюдая за приключениями моих героев. А теперь, благодаря тебе, я стал богом.

— Благодаря мне?

— Ты же начала обращаться ко мне как к богу. Ты хотела, чтобы я стал богом. И твое желание было так велико, что я им стал.

— Ничего себе! Выходит, я... Я создала бога?

— Точно. И теперь я думаю, что мы с тобой могли бы кое-что исправить в Книге. Ты любишь Героя и, наверное, сможешь сделать его счастливым. Если научишь его любить.

— Я научу! Смогу!..

— Сможешь. Наверное. Ладно, я решил. Перенесу тебя в мой мир.

— Вы подождете немного? — я вскочила с кровати. — Я только соберу кое-какие вещи.

— Какие вещи? Никаких вещей! Я перемещу только твое сознание!

— А как же...тело? — коленки подкосились, и я плюхнулась обратно.

— Тело останется здесь. И оно умрет. Кстати, подумай об этом. Обрато в этот мир ты уже никогда не вернешься, даже если захочешь. Некуда будет возвращаться.

— Минуточку! То есть как — умрет? И как это я буду — без тела?

— Когда твое сознание попадет в мой мир, оно там выберет себе новое подходящее тело.

Я подумала, что мои родные и друзья будут огорчены, когда обнаружится, что я умерла. Огорчены — это еще мягко сказано. Но

они переживут. А я больше не могу так мучиться.

Я заставила себя не думать о том, что почувствуют мои сестры, когда им сообщат, что меня нашли мертвой...

— Скажите, а что будет с той женщиной, в тело которой переселится мое сознание?

— Ничего не будет. Она всего лишь книжный персонаж. А кто тебе сказал, что это будет женщина?

— ?!

— Ты же знаешь, в моем мире много разумных существ, кроме людей. А сознание иногда выкидывает такие шуточки...

Я задумалась. Поочередно примерила на себя образы эльфийской царевны, девчонки-оборотня и даже гномши. Да какая разница! У них там нет расовой дискриминации. Неважно, как я буду выглядеть. Лишь бы...

— Но мне обязательно надо остаться женщиной. Ну, то есть, вы понимаете, в новом облике мне очень надо сохранить женскую... женское естество. Не думаю, что Герой склонен к однополрой любви.

— Точно, не склонен, — бог засмеялся. — Ладно, за этим я присмотрю. Но хочу сразу предупредить: я не всесилен. Я не могу за-

ставить Героя полюбить тебя. Он был создан одиноким и привык быть один. С этим будешь справляться сама.

— Хорошо. Я поняла.

— Но в остальном можешь рассчитывать на мою помощь. То есть, чем могу... Он же мне как сын. И я хочу, чтобы он стал счастливым. Ну, ты готова?

— Готова. Что нужно делать?

— Ложись спать.

— Спать?! Вы думаете, я смогу уснуть?

— Сможешь. Ффффу...

Похоже, он дунул на меня. И я уснула еще до того, как моя голова коснулась подушки.

Проснувшись, я сразу вспомнила все, что произошло со мной ночью. И ужасно испугалась. Испугалась, что сейчас открою глаза и увижу свою комнату: обои в цветочек, зеркало на стене, себя в своей постели... И решила не открывать глаза. Наоборот я зажмурила их как можно крепче и стала прислушиваться к своим ощущениям.

Подо мной было что-то довольно твердое, не похожее на мой матрас. И лежала я в какой-то странной позе — на животе. Но мне

было удобно. Потом я почувствовала странный запах. Пахло камнем, огнем и чем-то еще, незнакомым, но приятным. В моей комнате никак не могло быть такого запаха. Значит... Значит, это был не сон и не бред!

Краем сознания я заметила, что каждую свою мысль думаю не один, а два или три раза — как будто в голове у меня эхо. Но не придала этому значения. Потому что решила все-таки открыть глаза.

Я находилась в большой пещере. И лежала на огромной куче золотых монет. Животом. Из-под живота выглядывали четыре зеленые чешуйчатые лапы. Без труда глянув себе на спину, я обнаружила на ней аккуратно сложенные кожистые крылья. А заканчивалась эта самая спина длинным хвостом, в настоящий момент уложенным изящными кольцами. В завершение осмотра я посмотрела сама себе в глаза, мимолетно отметила, что выгляжу очень даже интересно... И только после этого возвела все шесть глаз к потолку пещеры (получилось с третьей попытки), разинула три рта, вернее, три пасти, и завопила от ужаса. Вместе с криком из меня вырвались три струи огня.

Я стала драконом. Трехголовым. То есть драконессой. Или как там называются самки драконов? Впрочем, это такая ерунда по сравнению...

— Не кричи, пожалуйста, — услышала я знакомый голос.

— Не кричать?! Да ты посмотри, во что я превратилась! — взревела я, переходя на «ты» с богом.

Теперь я его видела. Пожилой мужчина с длинной белой бородой, одетый в бесформенный балахон, стоял посреди пещеры немного в стороне от меня. Он был совсем маленьким и выглядел растерянным.

— Ты же обещал присмотреть! Ты же обещал!..

— Ну, извини! Погоди, погоди, я сейчас все объясню. Я слишком поздно понял. Твоя

любовь оказалась слишком большой и слишком горячей. Такого огня не выдержала бы ни одна из здешних обитательниц. Ни одна, кроме... — он обреченно махнул рукой в мою сторону. — Вот твое сознание и выбрало единственное существо, которое могло остаться в живых после того, как ты в него поместишься. Я ничего не мог с этим поделать, извини.

— Оооо! — я закатила все три пары глаз и попыталась схватиться руками за какую-нибудь голову. Но вместо рук (или передних лап?!) почему-то зашевелились крылья. И намотались на одну из голов. И я поняла, что тело меня не слушается.

— Только не кричи, — снова попросил бог, вернее, теперь уже бывший бог, как-то очень робко приближаясь ко мне.

— Это еще почему? Хочу и буду кричать! Ааааа!!! — заорала я прямо ему в лицо.

Одно мгновение я видела его отчаянные глаза, потом на пол пещеры упала горсть пепла.

Я чуть не поперхнулась собственным огнем. Что я наделала?! Уничтожила единственное живое существо, которое могло мне помочь! В этом мире, где я пока не в состоянии даже нормально двигаться...

В этот момент снаружи донесся крик:

— Эй! Выходи! Смерть твоя пришла!

Этот голос я тоже узнала.

Мой Герой пришел сражаться с драконом.

Мысли лихорадочно запрыгали из головы в голову. Что делать? Что делать?..

А что делать? Смогу я пробудить в нем любовь, будучи в таком облике? А? Вот именно. Значит, остается одно — умереть от его руки.

Я попыталась красиво уложить на спину крылья, чтобы выглядеть достойно. Но не смогла. И поползла к выходу из пещеры, волоча их за собой по золотым монетам.

Я буду ждать тебя у пруда

Джинн

Я буду ждать тебя у пруда. Я обещала там, в трактире, ночью.

"Он не вернётся. Он забыл. У воина в каждой таверне по шлюхе", — смеялись подруги. Они не понимали: ты не был воином. Ты был неуклюжим, нелепым мальчишкой. Так уж сложилось: днём ты в первый раз взял в руки меч, ночью — женщину.

"Он не вернётся. Он погиб. Их отряд попал в засаду, никто не выжил", — шептались по углам

трактира грязно-серые тени. Они не понимали: ты сам просил меня ждать.

Мысль о скорой гибели доводила тебя до паники, до животного, пахнущего уксусом страха. Ты говорил мне, когда рассвет бесстыже заглядывал под одеяло:

"Любовная клятва всегда считалось священной в нашей семье, — и серые глаза светлели, становились трогательно беззащитными от воспо-

минаний о доме. — Дед вернулся с Первой войны ради своей женщины. Погибли все его братья, и полусумасшедшая от горя прабабка прокляла невесту, но дед вернулся. Со Второй войны вернулся отец. Его объявили дезертиром. Он три года жил в погребе, пока его не выдали соседи. Он был единственным из всей деревни, кто смог вернуться, и сделал это ради моей матери. Теперь объявили Третью, и я даю тебе слово: я вернусь, только ты должна ждать меня".

Разве можно было противиться тебе — стальному клинку с терпким запахом боли? Я обещала.

Но я не смогла ждать в трактире. Там были подруги, там были тени, там были другие мужчины. Если бы что-то одно — я бы стерпела. Вместе они были невыносимы. Я решила бежать. Но нельзя было допустить, чтобы ты разуверился, усомнился в моей преданности. Нужно было оставить знак, а чем плохой знак — пепелище? Если землю залить кровью, а сверху хорошо засыпать пеплом — разве не хватит тебе, чтобы догадаться искать меня вдоль дороги к Чёрному озеру? Так я и сделала. Сожгла ночью трактир к чёртовой матери, со всеми его потрохами — смешками, издёвками и цепкими мужскими пальцами. Это была щедрая жертва, и чёртова мать благоволит ко мне до сих пор. Кроме неё, никому.

Я направилась по твоим следам. Мимо опустевших деревень, мимо брошенных домов, мимо обгаренных солдатской кровью полей. Деревни встречали меня стонами одичавшей скотины, дома испуганно шарахались от копоты на руках, поля радостно подставляли бока трупами неуспокоенных солдат. Я обошла их всех: нужно было убедиться, что ты не мёртв.

Я убедилась.

После этого на развилке дороги к Чёрному озеру, там, где поворот на Адский крутогор, с которого нет возврата, я нашла пруд. Совсем небольшой, с мутной водой, огромными белыми кувшинками и хижинкой рядом. Было лето, по хижине

гуляли сквозняки и тощие крысы, но меня не отпугнули ни те, ни другие. Я осталась ждать. Со временем оказалось, что рядом с Адским крутогором всегда лето, в доме всегда крысы, а в пруду — всегда сомы. И я всегда жду тебя.

Неделю назад ты вернулся.

Ты изменился. Стал выше, крепче, старше. Намного старше. Но жаркие карие глаза убили во мне сомнения: это ты, мой мальчик! Каким же долгим было ожидание.

Я накрыла стол, надела лучшее платье, украсила волосы кувшинками.

Счастье. Не я, оно перебирало пальцами струны, напевало, развлекало тебя сказками, пока ты ел. А когда ты отодвинул тарелку, я под села поближе, прижалась к коленям ласковой кошкой:

«Ты устал? Ты замёрз? Ты сыт?»

Я хотела рассказать тебе. Пока тебя не было, приходили другие. Разные. Они все были на тебя похожи. Они играли со мной, пытались обмануть. Но я каждый раз понимала, что они — не ты. Рано или поздно понимала. И не прощала им обиды. Что с твоим лицом? Ты напуган? Не надо. От них никогда не будет больше вреда. Что значит "где"? Сомов тоже надо чем-то кормить, мой мальчик. Сомов нужно кормить...»

Прости, я ошиблась и в этот раз. Приходящие так похожи, а я слишком люблю тебя, слишком хочу дождаться. Я часто путаю, но всегда понимаю свою ошибку. Это очень просто: только ты можешь выдержать мою любовь, остальные рано или поздно пугаются, пытаются сбежать.

Но ты не беспокойся: я обязательно дождусь. Смерть и старость не властны надо мной. Сначала они не верили, приходили, но мне удалось убедить: я не могу состариться, не могу умереть.

Ведь я обещала: я буду ждать тебя у пруда.

Приходи.

Застава

Ворон Ольга

Пусть трусов назовут гонцами,
Как храбрецами -
Мертвецов!

Топот на лестнице ударил по ушам, словно набат. И, пробуждаясь от тяжёлого сна, Вистарх рывком вскочил из-за стола и схватился за меч. Дверь распахнулась, ударившись о срубовую стену.

— Евпат ушёл!

Почудилось, что пол пошатнулся, как дно ладьи, пляшущей на волне. С трудом преодолев себя, Вистарх снова опустился на стул, и, вернув в ножны, забросил меч на столешницу. Спросил хмуρο:

— Чего орёшь, как порося недорезанный?

Мальчишка на пороге, встревоженно глядя на старшего вседержателя, рукавом смахнул пот с белого лица и повторил тише:

— Так ведь совсем ушёл Евпат-то... Увёл людей своих... Сгибнем же... — совсем уж тонко, почти всхлипнув, закончил он.

Вистарх почувствовал, как немеют пальцы на так и не отпущенной рукояти. Стиснул зубы, вскидываясь, и зло глянул на подростка:

— Что кудахчешь? — рявкнул он. — Ты кто? Муж думающий, чтобы решать, что хорошо, что плохо?! Сгибнем, — передразнил он. — А ну, бегом отсюда! И чтоб нюни больше не распускал!

Когда мальчишка прыснул за дверь, Вистарх крикнул вслед:

— И глав дружинных мне позови!

Громкий хриплый голос накрыл полдома и — старшой не сомневался — поднял воинов, как и он, забывшихся перед рассветом.

Вистарх закрыл глаза и до ломоты стиснул кулаки. Хотелось самому бежать и проверять — правду ли сказал отрок. Ушёл ли Евпат? Вчера полвечера проспорили, до хрипоты убеждая друг друга каждый в своей правоте. Он кричал, что нужно перекрывать заставу, а друг настаивал, что нужно уходить в головную крепость. В гневе не

сдержавшись, Вистарх бросил нелепые слова о вечном желании поздних пришельцев отсидеться на городских хлебах. Вот и ушёл Евпат. Ударив ножнами о косяк и хлопнув дверью. Молча ушёл, зло. Тогда ещё сердце ёкнуло, да гонор не дал остановить. Кто ж знал, что так получится? Что он попросту уйдёт...

Тяжёлые шаги на лестнице, как накатывающий весенний гром. Дверь снова раскрылась рывком. Ставр вошёл, набычившись, пригибаясь в проёме. И сразу стало тесно от широких несдерживаемых движений.

— Ушёл сучара! — тяжёлый кулак впечатался в загудевшую столешницу. — Срать-те-в-руки! Ай да светлый вседержатель! Кого ты пригрел, старшой?! Гада ползучего! Ушкана засанного! Гниль пеньковую!

Вистарх поднялся, до хруста выпрямился, снизу вверх глядя на Ставра. Положил поверх стола кулаки — легко пристукнул костяшками. Сказал едва слышно:

— Язык придержи.

Этого хватило. Видимо, получилось передать взглядом и спокойствие, крохи которого наскрёб в сердце, и уверенность, которой у самого уже не оставалось. Ставр сплюнул, сдал назад и, потянув с бедра меч, сел на лавку у стены. Отвернулся к окну, словно видеть не желая. Наверно, так и было.

За ним пришли и остальные — Кустарь с сыном, Еладюк, Борка, Крижляк. Заходили молча, садились, здороваясь беззвучно, вприглядку. Как всегда последним, утверждая своё право на опоздание, пришёл Илий. Встал в дверях, оглядываясь, будто в поисках места, оправил доспехи, ненароком показав тесёмку на вороте. Чистую, свежую. Рубахи, весь дозор сберегаемой в кошеле.

Совет был собран, и Ставр нетерпеливо под-

нялся. Тряхнул головой и пристукнул широкой ладонью по рукоятке меча:

— Объяснись, старший! О друге своём, из Мологи золотой! О сыкуне расписном, с которым братался, на род его не поглядев! О Евпате, чтоб ему пусто было!

— Нечего объяснять, — отрезал Вистарх. — По моему велению ушёл. В Мологу. За подмогой.

Накрыло молчанием. Словно в омут бросило.

— А чего не предупредил, старшой? — хмуро спросил Крижляк. — Паники бы среди пешков не было...

— Как раз чтобы паники не было, а то пошли бы пересуды... — пожал плечами Вистарх. А у самого спину холодным потом, словно бисером ледяным, покрыло — хорошо, что под тяжёлой кольчужной рубахой неприметно.

— А чего со всеми людьми ушёл? — остывая, недоверчиво буркнул Ставр.

— По моровым землям пойдёт — так ближе, — мотнул головой Вистарх. И сам себе испугался. Да того складно вралось.

— Когда вернётся-то?

— К вечеру должен, — уверенно бросил Вистарх. Исподлобья огляделся: кто-то покачал головой, кто-то принялся в уме считать, кто-то попросту принял на веру. Только Илий задумался о чём-то своём, покусывая ус да глядя в окно на серую даль моровой пустоши.

— Так, — Вистарх поднялся с места, ставя точку на этом вопросе. — Моры идут ходко, сегодня сойдёмся. У нас — семь сотен копей и всего восемь вседержателей. У них, по нынешнему при-

гляду — тьма воинов. На нашем направлении прорыва не ждали — отряды «солнцебронных» стоят на западе, придут не раньше завтрашнего утра. До этого времени нужно держать границу. Будут мысли?

— Будут, как не быть, — хмуро отозвался Еладюк, неторопливо поднимаясь. — Чай, не зря полночи валялись, пузо грели, в потолок гляючи... Думается мне, не сильно-то мы и разное предложим. Граница заперта, сигнал ведунам дан — в крепостях второго рубежа приготовятся, ежели что. Остаётся только ворота оборонять. Тут и дело нехитрое — выходим да останавливаем. Проход для моров узковат — по две сотни встанем, так и придержим долгонько, по рядам-то, а стену рубежа пробить у моров сил не найдётся — после того, как их по прошлому лету «солнцебронные» потрепали, у них серьёзных чаротворцев, почитай, и не осталось. До заставы же, думаю, пущать моров нельзя — старая она, разнесут к ихней матери, так и ведуны границу не удержат. Так вот мыслю.

— Ещё кто? — Вистарх коротко огляделся.

Поднялся Борка, поправил плащ, в который кутался, грея старые кости. Заговорил сдержанно, как принято старейшим:

— Остановить мы их не остановим. Тут уж, мыслю, дело ясное. Восемь вседержателей, у каждого сил на удачу людскую хватит всего аршинов на пятьдесят, да и то пока сам на ногах держится... Надо готовить солёный дол перед заставой, а за ней — заклятую землю, чтоб морозить границу за собой, когда уж совсем немоготу станет — хоть время для «солнцебронных» отыграем. Да и заставу неплохо бы поджечь, всё время будет на нашей стороне...

— Добро, — кивнул Вистарх. — Займись, старосветлый.

С угла поднялся Ставр.

— Если Евпат приведёт подмогу, то крайности не потребуются... — прищурился он. — А, старшой?

— Если, — спокойно ответил Вистарх, глянув прямо. — Да только Молога нам на ратную подмогу не кланялась. Захочет кто пойти — Евпат приведёт, а старшой их ещё незнамо как решит.

Вседержатели хмуро отвели взгляды. Надежд не прибавлялось.

— Засадного полку бы... — кашлянул Кустарь-младший и тут же замолк, наткнувшись на отцовский взгляд.

— Дело, — огладив бороду, глухо поддержал сына Кустарь-старший. — Свежая кровь не мешает. Сотенку-другую поставить в потайном кар-

Художник Руслан Слободин

Проза. ФЭНТЕЗИ

мане на рубеже. Конными, с тяжёлой бронёй и крепко заклётым оружием. Чтоб ударили с края, когда моры уж у заставы завязнут. И время отыграем, и потреплем хорошо.

Вистарх кивнул. И об этом тоже уже думал и для себя решил:

— Будет. Кустарь-младший и поведёт.

— Старшой!

Молодой вскинулся, но отец осадил. Сам поднялся тяжёло, оберегая порченую в прошлом году ногу:

— Не обессудь, старшой. Сын со мной пойдёт. У меня этот бой последний. Так будет кому перехватить нитку, когда упаду.

Ответить Вистарх не успел.

— Ставр поведёт, — сказал Илий, повернувшись от окна. — Он единственный, кто сумеет тебя, старшой, от первого столкновения удержать.

— Что-о? — Вистарх угрожающе повернулся к соратнику, ладонь неожиданно сомкнулась на набалдашнике меча. Тут же выпустил, остерегшись себя.

Илий выпрямился, закладывая пальцы за пояс. Не заметить движения старшего не мог, но отступить тоже был не приучен. Так же, как и Вистарх, готовился на старшинство, так же мог вслепую всадить нож в глаз дракона, выстоять ночь на ледяной пустоши напротив морового замка и вырастить цветок из камня... И так же мог вести за собой в битву. А может, и лучше.

— Да ты что городишь?! — Вистарх привычно в досаде пристукнул костяшками по столу.

— Дело он говорит, старшой! — загородив Илия огромными плечами, поднялся Ставр. — Тебе в засадном быть! Не хватало ещё, чтоб старшего единого моровым отдали в первый бой. Если уж сдохнем тут, чтобы придержать ворогов, то тебе голову класть нельзя! Покуда есть надежда — будешь за спинами!

— Старшого в засадный! Ставр поведёт! — внезапно загудел совет глухими голосами. — Ставра и Старшого на засадный!

Стиснув зубы, Вистарх хмуро оглядел товарищей, обойдя взглядом лишь Илия. Рвалось наружу непотребными словами и обида на предателя, и злость на встрявшего с нелепостью соперника... Но — смотрел на людей и понимал — не отступят. Даже Ставр, с восхищением смотрящий на Илия, с трудом подчиняющийся иному старшему и способный подчас попросту пренебрегать его словами, стоял неумолимо, не Илия, а его, Вистарха, готовясь удержать.

— Не так часто мы о чём старших просим, Вистарх-Гром, — негромко сказал Еладюк и тем выиграл молчаливое противостояние.

— Как велит совет, — Вистарх опустил голову. Пристукнул по столу: — Подытожим. Ставр ведёт запасной с правого «кармана», Борка обороняет заставу тыловой сотней, Еладюк на правый, а Крижляк на левый полки. Кустарь с сыном на вторую линию. Илий... — на мгновение замолк, хотя и так знал, что скажет неугодное, да и другие знали тоже: — Илий ведёт первую линию... И пребудет в нас уверенность да отринет сомнение. За свою землю. За свой Дом!

— За Дом! — вседержатели поднялись, сдержано салютуя стиснутыми кулаками.

Вистарх остался стоять за столом, скучным наклоном головы прощаясь с каждым. Встретиться уже предстояло на границе, а там возможность перебраться словом-другим, взглядом или кивком попрощаться вряд ли могла представиться.

Илий задержался на пороге, взявшись за косяк, обернулся.

— А ведь врешь ты, старшой... — задумчиво сказал он и, вернувшись обратно в комнату, надёжно прикрыл дубовую дверь.

Вистарх понял.

И можно было попросту приказать, и можно сослаться на непогрешимость старшего, можно... Но он тяжело опустился на стул и сложил на столешнице нервно сжатые руки:

— Вру.

Илий снова подошёл к облюбованному окну, облокотился, глядя на дальнюю дымку над горизонтом бесплодных моровых земель. Вставало белёсое рассветное солнце, светлело небо, но птицы здесь, на самом рубеже мира, по утрам не летали, не пели песни под облаками. Да и облака плыли серы и невзрачны, словно запылившиеся одуванчики у проезжей дороги.

— Значит, ушёл Евпат... — вздохнул Илий.

— Значит, ушёл, — до боли тиская пальцы, Вистарх мрачно смотрел в стол и ощущал беспросветную тьму перед собой. Словно зашвырнуло в омут, до самого дна, и уже не выбраться. Не то тянуло вниз, что друг струсил, а то, что предал.

— А сотня копий сейчас была бы ох как нужна... А уж как нужен вседержатель!

— Не сыпь соль на рану! — мотнул головой Вистарх. — Знаю всё! Но не мне его судить. Он сам за своих людей и свой дом в ответе. И Китежу он на щите не клялся в обороне. Со мной в дозор пошёл, по дружбе...

— Видно, не дружба то была! — угрюмо оскандился Илий. — Сам понимать должен, теперь-то уж хотя бы... Между нашими городами вражда старая. Молога-то к этой заставе поближе будет, чем Китеж, да кто ж молодому городу даст право на защиту ворот! А они рвутся, всеми жилами рвутся в дозорные! Вот и Евпат, поди, с тобой сошёлся, только чтоб подмазаться!

Вистарх досадливо мотнул головой:

— Не то ты говоришь! Не из таких он! Да и вседержатели Мологи не темнее китежских!

— Что ж тогда ушёл?

— Не мне судить! И не тебе! — упрямо повторил Вистарх. — У него свои люди и своя боль за них! Каждый, кто ведёт, сам отвечает. За всё. И ноша эта не мёд. По себе знать должен.

Илий бросил взгляд назад, на старшего, и, снова отвернувшись, коротко подтвердил:

— Знаю.

— Ну, а коли знаешь, чего ворошишь? — Вистарх пристукнул по столу и тут же вздохнул: — Да и толку от него и его сотни... С ними али без них... Не остановить нам моров в этот раз. Удача будет, если задержим до подхода «солнцебронных». Да и то — вряд ли...

Илий отвечать не стал. Он надел к бою чистую рубаху — что могло быть более ясным ответом? Илий спросил о другом:

— А лгал зачем?

В задумчивости Вистарх до судорожной близны в суставах сжал-разжал кулак, словно проверяя на прочность, а потом посмотрел на товарища и соперника прямо:

— Тут все полягут, Илий... Пусть они знают Евпата как моего друга. Как воина-вседержателя, у коего честь и правда в крови. Пусть знают таким, в какого я верил. Это то меньшее, что я могу для него. Для моей памяти о дружбе. Да и для тех, кто сегодня поляжет — чтоб о дурном перед самой кончиной не думалось... А дальше... Ему жить. С живыми. С ними пусть объясняется сам.

Вистарх опустил голову. Евпат предал, сбежав от битвы, и тем порушил честь вседержателя, но он, старшой вседержатель Китежа, порушил её тоже — ложью. И ради чего? Всего лишь — ради памяти. И Илий волен раскрыть этот наивный обман, а совет — низвергнуть старшего. Благо есть на кого менять. Не чувствуя ли это, совет поставил его назад? Не потому ли?

Илий молчал долго. Глядел на сухую пустошь до горизонта, на запылённый диск солнца, медленно ползущий вверх по небосклону, на дым-

ку, переходящую в облака. Заговорил медленно, раз за разом выталкивая из глотки слова-бульжники:

— Назвать изменника гонцом... На это нужно большое мужество и большое сердце. Я рад идти с тобой, избранный вседержатель Вистарх-Гром...

Вистарх рывком поднялся, порывисто шагнул к товарищу и крепко схватил его за локти. Посмотрел в глаза, словно выискивая там что-то большее, чем услышал в словах. Слово уже не доверяя своему чутью вседержателя.

— Я тоже... — глухо сказал он. — Я тоже рад. Да!

Илий кивнул молча — губы странно скривились, словно помимо воли что-то хотели сказать, но рассудок победил.

— Ты ненавидел меня... — Вистарх почувствовал, что голос срывается, готовый уйти в хрипоту. — Когда меня, а не тебя поднимали избранным, когда меня наделяли мечом и щитом города... Только ты знай — я всегда считал, что это ты достоин быть старшим. И за тебя был мой голос.

Илий сощурился и отвернулся, рванув тесный ворот рубахи.

— Я рад, — повторил Илий. — Честно — рад!.. Давай в знак дружбы поменяемся плащами и шлемами? Хоть один бой поведу, как старший вседержатель... А?

Вистарх отступил в изумлении. Но пожатия не расцепил.

— Илий? Зачем тебе?

— Не откажи уж! — криво усмехнулся в ответ товарищ. — Не меча же прошу!

Уронив плечи, Вистарх почти беззвучно спросил:

— На себя стащить хочешь?

Илий отвернулся к серой долине за пыльным сизым стеклом и безучастно отозвался:

— У моров в крови это — если вожак убит, то стая встаёт намертво. Потому считают, что у нас также. А тебе помирать рано — ты ещё детей не сотворил. Старшему род вменяет продолжиться, чтоб его достоинства сохранились для всех и повторились в потомках... Неправ был Китеж-град, когда поставил тебя старшим... Вседержателю нельзя в бой, когда у него дома за спиной нет. Вон даже Кустарь-младший уже отец...

— У меня есть дом.

— У тебя есть женщина и есть изба! — беззлобно усмехнулся Илий. — А Дом — Дом.

Вистарх облизал губы. Он знал. Дом — это топот детских ножек по половицам, влажная земля,

Проза. ФЭНТЕЗИ

по которой раскатываются спелые яблоки, колося, которые можно собирать в ладонь, как женские косы, это бабушкины сказки клочьями по углам, и руки родителей, равные шёпоту листьев... Это Дом.

— Молод ты ещё, — хмыкнул Илий.

— Сам-то! — хмуро отозвался Вистарх. Несущественная разница в годах позволяла так отзывать. Но сердцем знал — старше Илий. На двух детей да пять осенних дозоров...

На шум из коридора обернулись одновременно. По лестнице кто-то топал. Давешний мальчишка, словно в усмешку судьбы, вновь со стуком распахнул дверь и заорал:

— Моры!

Вистарх и Илий согласно поморщились, глядя на восторженно-испуганное лицо подростка, и слаженно отвернулись к окну.

От горизонта шёл туман. На самой дальней кромке мира уже появился белый край идущих льдин. Перед ними чёрным роем шли моры — сыны льда.

— Седловинные, — навскидку определил Вистарх. — Они любят ходить серпом. Гористые идут клином...

— А может бусавые, — пожал плечами Илий.
— Те безумные, ходят, как вздумается.

Вистарх не стал настаивать, кивнул и потянулся к доспехам:

— Скоро проверим.

— Гром... — Илий зацепил за локоть, придержал, глядя исподлобья.

Он понял. Остановился, недовольно хмурясь. Но отказывать тоже не хотелось. Рушить с трудом налаженную дружбу в такой момент... Молча передал островерхий шлем, указал на плащ на спинке стула.

Илий взял сам.

Уходя, вздумал поклониться, но Вистарх не позволил — взял за плечо, стиснул до белизны на костяшках, прожимая кольчужную бронь, так, чтоб до мяса дошло пожатие. Илий ответил также. Нехотя расцепив руки, попрощались кивками. Минув подростка, Илий шагнул на лестницу и заторопился к своей дружине.

Вистарх угрюмо усмехнулся. Вот так. Был у него один друг и один соперник. Не стало друга. Впрочем, и соперника тоже не стало. Слово судьба покуражилась — в ком потерял, в ком нашёл — не ожидал.

— Ну, горластый... — сумрачно глянул на дежурного отрока Вистарх: — Бегом на конюшню. Садись на самую резвую кобылку и скачи в Китеж. Старейшинам скажешь — моры идут серпом, за ними льды долгослойные. Пусть городские готовятся, если ворота мы не удержим, межевую землю поджигать.

— Ага, — кивнул подросток и влёт кинулся по лестнице.

На середине подъёма задержался — замедлил торопливый топот, замер. Отрок понял. Всё понял. О том, как посылают гонцами. И для чего. Пересилил себя и кинулся дальше.

Вистарх подошёл к оружейному сундуку, достал доспехи и старый серебряный шлем. И плащ. Синий, как и положено рядовому вседержателю...

Когда спустился, коня уже держали у крыльца. Саврасый грыз удила и диковато косился. Чувал битву.

— Блинк, Блинк мой... — успокаивающе заговорил Вистарх.

Пятернёй распутал чёрную гриву, погладил подрагивающую кожу у скулы, почесал широкий лоб. Конь в ответ беспокойными губами пробежался по щеке, влажно фыркнул за шиворот. Засмеявшись, Вистарх обнял жеребца, вжался лицом в морщинистую мощную шею, потрепал.

Запрыгнул верхом, пристроил плащ, чтоб спускался стройными складками. Он — вседержатель. Он — тот, на кого настраиваются, тот, с кого берут пример. Тот, кто своей душой, своим состоянием искривляет законы мира вокруг. Как и моры. Только те — разрушают. Его дело — созидать. Олицетворять Свет. Спокойствие. Истинность. Силу. Жизнь.

Вседержатели уже построили свои дружины.

В небо шеренги глядели остриями сотни копей, сотни шлемов. Заледенелые в предчувствии битвы глаза буравили горизонт.

А грудь теснила гордость. Не каждый городпограничник мог выставить на заставу семь сотен мужчин. Но и не каждый оборонял ворота человеческих миров! Вон Молога — большой город, а охраняет лишь малохожую тропку, да и то лишь потому, что жители его, ещё в том, далёком мире-прародителе цепями себя к жилищам приковали, лишь бы отстоять свои дома, защитить от нелепого приказа, от разливающейся воды. Только за мужество их и почтили заставой. Хоть и новый город... А многим из новоприбывших и куски границы не досталось — только поля сеять да воинов кормить. Но Китеж — давний город, из

первых, кто сошёл в приграничье и по своей воле, по воле всех жителей, стал дозорным постом на первом рубеже, охраняя ни много ни мало, а целый коридор в защитной стене меж мирами! Древний род, сильная кровь, высокая честь. И на поклон ходит только к Белоозерью — старейшему поселению на этой земле, главе всех городов, хранителю ворот в мир-прародитель.

Вистарх тронул пятками жаркие бока Блинка и конь, вскидывая копыта, выученно гордо понёс его мимо отрядов. Мимо поднятых копий, мимо сплочённых щитов, мимо цепко смотрящих глаз.

— Воины! За спинами — земля, отвоёванная в межи меж миров. Там — ворота в мир предков. А здесь — рубеж человеческой сути! Нам завещано хоронить между. Завещано не пускать Зло к Воротам в мир-прародитель! Потому что мы — потомки тех, кто, и умирая, защищал свои города, свою землю! От чужих и своих! Нет ничего дороже дома! Пусть плата за него высока! Но приходится платить — мы не поскупимся! Китежцы! Пора платить! За Дом! За Мир! За Рось!

Конь не выдержал накала крика и, заплывав, встал на дыбы, плеснув гривой по напряжённым рукам седока.

— За Дом! За Мир! За Людей! — полыхнули блеском обнажённые мечи.

Вистарх не сдерживал коня — жеребец бешеным галопом промчал по площадке перед заставой. В громе оружия и шквале криков. С трудом остановился на переднем крае, где спокойной глыбой стоял под Илием его старый кудлатый вороной. Так и встали рядом — Вистарх в синем плаще на приплясывающем в нетерпении Блинке, и Илий в красном на недвижимо застывшем Вороне.

Вистарх на миг обернулся, окинул взглядом ряды.

— Ставр, поди, локти грызёт. Жалеет, что не в первом ряду с тобой пойдёт.

Илий усмехнулся:

— Ничего. Живы будем — находится ещё.

Лицо Вистарха смёрзлось в кривой усмешке.

Впереди клубилась под ногами моров пыль. Словно накатывающийся прибой. Но сквозь серую пелену уже проглядывали перекошенные лица, сомкнутые на древках ладони и лохмотья одежд. Шли живущие за пределом, рвясь обратно в людской мир. Шли туда, куда их нельзя было пускать. Потому что за святым желанием обнимать свою землю и прижиматься спиной к стенам своего дома стояло неумение быть счастливым, нежелание

Проза. ФЭНТЕЗИ

довольствоваться малым, неспособность видеть светлое. Стояло разрушение. Сами того не желая, моры приносили смерть туда, где пробивали заслон. Их счастье становилось болью для живого... А за ними, словно караул за полком провинившихся, шли ледяные глыбы. Шла Смерть. И — лишь ненадолго отставала.

— Бусавые... — хмуро отметил Вистарх. Илий кивнул.

Почуяв знакомый запах грязного пота, Блинок неистово заплясал, грызя удила, заходил ходуном. Пришлось придержать коня, наклониться, и, успокаивая, почесать под спутавшейся гривой. Блинок поубавил нервной прыти.

— Уходи сейчас, — сказал Илий. — Потом сложнее будет.

Вистарх стиснул зубы. Но попрунная гордость знала одно утешение — мужество покоряться воле соратников. Обернулся — Илий рвал меч из ножен — и развернул коня.

Под молчаливое приветствие копий и мечей проехал мимо рядов. Сдерживая коня, словно дразня противника метанием синего плаща, и подбадривая китежцев бликами камней на ножнах меча города. За спинами воинов ушёл в сторону и дальше, туда, где за стеной невидимости стояли две засадные сотни.

Ставр принял сухо. Глянул мрачно, молча тронул коня пятками, заставляя податься в бок, освободив место Блинку. Сплюнул на сторону. Вистарх

сделал вид, что не заметил. Не ему — Ставру было больше, что Илий шёл первым, а не настоящий старшой города.

Вистарх наклонился в седле и, оглаживая трепещущие пушистые уши Блинка, стал смотреть на поле перед заставой.

От сухой земли, серой, с поникшим ковылём, поднималась пыль. Моры набирали скорость. Шли, как бог на душу положит — без строя, без единого командира, но ходко и страшно. И их было много. Слишком много.

Посмотрел на своих. Коротко блеснул меч Илия — вышли из-под защиты высоких щитов стрелки. Припали на колени, натягивая луки к солнцу.

Отмашка. Чёрная радуга протянулась от заставы до первых рядов моров. Там закричали, забились, но лавина, поглощая сама себя, топча упавших, прибавила ходу, мчась на людей.

Отмашка. Взвились и рухнули в ряды моров серебрёные стрелы.

Отмашка. Стрелы опали, не долетев...

Над рядами врагов за клубился защищающий дым — в бой вступили чаротворцы. Набирая силу, затрещало валом над головами моров зелёное пламя, и ошметки огня понеслись на людей. Жаркие кометы били наотмашь. Не все успели отшатнуться за щиты. Кто-то свалился, корчась и держась за пропалённое насквозь тело. Умирать так недолго: затопчут.

Илий поднял руки, призывая небо в помощь, и ударил в бока коня пятками. Ворон пошёл галопом, привычно пронося седока вдоль рядов. Над ними схлопывался ветер, тонким злым смерчем клубясь над людьми — кометы стали гаснуть, долетая до заслона. Секундой позже, также возводя заслон, пронеслись Еладюк и Крижляк.

Ещё мгновение...

Отмашка. Шагнули бойцы, распределились по уровням. Ряды оскалились оружием и закрепились. Отсюда им, первым — ни шагу.

Моры заревели. Иступлённый ор заставил вздрогнуть линию, но с места не сошёл ни один.

Схлестнулись.

С глухим стуком сошлись оружия и тела.

Захрипели, хватаясь за древки и проталкивая себя к людским глоткам, насаженные.

Где-то моры проломили, пошли прямо по упавшим. Где-то приостановились, пробираясь сквозь серебрёный металл...

Отмашка...

Полыхнули на солнце короткие копыта и стрелы воинов второй линии...

Дикое неистовство и пренебрежение жизнями — своей и чужими — делало моров беспощадными противниками, а ореол магии, поддерживающий движение даже в поражённых телах — сложноразрывными. Только там, где рассекали пространство сражающиеся вседержатели, тускнела магия тьмы и смертельно раненные моры прекра-

щали тянуться к горлам людей, а живые подчас отступали, на мгновение пронзаясь мыслями о ценности живого. Или попросту — страхом...

Вседержатели металась по рядам. Там, где рвали воздух и тела их мечи, мир становился красным... А моры стремились проломить строй, нацеливаясь на старших воинов, нутром чуя, что их гибель приближает победу Моры. И более всего их привлекал мечущийся красный плащ под золотым шашаком.

Вистарх прикрыл глаза рукой, загораживаясь от ползущего в зенит солнца.

Отсюда, из укрытия, бой казался мешаниной, а люди чудились пыльными глиняными игрушками, сваленными в кучу. Издалека и кровь была не кровь, и смерть — не смерть. Но сердце знало — всё уже случилось. И опыт давал прочувствовать, как на своей шкуре, что происходило там, внутри, что это такое — стоять в первой нитке, держа своей жизнью границу, быть границей. И оттого ходили ходуном плечи, от того стискивали повод руки и в бешеном ритме прыгало по груди сердце. Вверх-вниз, теряя вдох и замолкая в мгновения наивысшего напряжения.

Там, впереди, гибли люди. Первые сотни — Илии, Еладюка и Крижляка — собой преграждали путь. И кружилось, кружилось по телам вихрем металла оружие — своё и чужое... В тесноте сомкнутых рядов, в невозможности нового вдоха...

— Еладюк.

Вистарх вздрогнул от глухого выдоха Ставра. Поднялся в стременах, потянулся, ища взглядом на поле. Нашёл, сжался. Еладюк летел с пробитого копьём коня. Упал, переворачиваясь по земле, заваленной телами, тяжело поднялся навстречу налетающим морам, таща меч исковерканной вывихом рукой... Кривой меч смахнул голову вседержателю, да кто-то об неё споткнулся — запущенным мячиком она полетела в толпу.

Вистарх стиснул кулаки. Кликнул посыльного. Настало время выдвигаться второй линии — Кустарям.

Там, впереди, кипел в одном котле человеческий ад... Двух разных сутей. Одной войной замешенных в липкий ком теста, в огне сражения становящегося не хлебом — золой...

Ломились сквозь ряды моры. Топча и рвя, словно взбесившееся зверье. Ломились, видя только одну цель — один проход меж незримых стен рубежа, коридор заставы и воинов, его защищающих. Но люди держались. Падали одни — вставали другие, секли беспощадно, зная цену

Художник Вячеслав Назарук

Проза. ФЭНТЕЗИ

промаху и случайной жалости, зная силу магии моров — только смертельные удары останавливали их.

Солнце ползло к зениту. Плавил жар — труда и усталости... И стояли ряды...

Уже втиснулись в сражение люди Кустарей, уже сами они — старый и молодой — метались по заваленной телами земле. И в два меча крестили воздух. Парила распластанная плоть. Потом и кровью дымились тела рубящихся. Падали свои и чужие. Пустыми глазами глядя в небо, раззявленными ртами зовя смерть, судорожными пальцами корябая землю или стискивая оружие, будто святыню. Люди держались...

Уже упал Крижляк и был сметён нападшими. Но озверевшие остатки его сотни, под прикрытием Кустаря-младшего, настолько же бесшабашного и лихого, прорвали круг моров и вытащили командира.

Уже четвёрка людей, закинув щиты за спины, бегом тащила на полотне плаща истекающего кровью вседержателя к заставе. И ясно, что не жилец, но пока сражаешься — надеешься.

Солнце раскаленным добела гвоздём сидело в зените. Жарило. Впивалось.

Ряды стояли. И сквозь них, чудесной связью, словно жизнь каждого защитника, как бусину, нанизав на незримую нить, пролегла граница людского мира. Тонкая. Хрупкая. Бьющаяся в ритме уставших сердец...

Внезапно Ставр подал коня вперёд. Вистарх едва успел ухватиться за его повод.

«Илий!», — пронзило понимание. Холодея, глянул — вокруг спешившегося вседержателя в красном и золотом кольцом стояли моры. Круг сдавливался, как челюсти оскаленного волка. Покалеченный Ворон, глухо вопя и болезненно всхрапывая, силился подняться, но обрушивался — не держали подрубленные ноги.

В красном плаще, скрывающем кровь, словно вседержатель неуязвим, Илий надёжно держал меч — падение не заставило его сознание помутиться. Но моров... моров оказывалось слишком много.

Вистарх почувствовал, как окаменели плечи, а изнутри в рёбра, словно в стену склепа, шибает сердце.

Ставр обернулся:

— Не успеют! — почти беззвучно шевельнулись губы.

Не отзываясь, Вистарх судорожно кивнул: да, не успеют. Люди рвались к Илию, словно переняв

у моров бешенство и неистовство удара, но время отыграть не могли. Кольцо уплотнялось... Моры знали, на что и ради чего шли.

— И ты не успеешь, — ответил Вистарх, убирая руку с повода соратника. Внутри всё смёрзлось в ком, и с трудом продралось сквозь пустоту сердце, возвращаясь к ритму. А руки... Руки вспомнили сильное пожатие обрётённого друга и стиснули пустоту.

Ставр скрипнул зубами:

— Одна сотня!

Там, впереди, Илий принял на меч первого врага.

Вистарх прикрыл заслезившиеся глаза. Соблазн был велик...

— Полсотни! — задушенно процедил Ставр. — Отвлечь!

В прыжке сваливая одного противника и раскаявая другого, Илий попытался вырваться из круга. Чёрный мор напал сбоку. Бросился псом, напорлся на нож, но свалил вседержателя с ног.

— Нет, — Вистарх почувствовал, как что-то рвётся внутри. Натягивается струной и лопается, просачиваясь влагой: — Не время. Пусть увязнут больше...

Илий попытался подняться. Люди Кустаря скинули луки, не надеясь пробиться к вседержателю, но рассчитывая отвлечь... Моров косили

Художник Вячеслав Назарук

стрелы, но и лучников враги пустили под топоры.

Ставр зарычал:

— Один пойду! — и отпустил повод.

— Я не удержу карман невидимости! — Вистарх дёрнулся, но не стал останавливать. Ставр сам придержал коня. Сам сдал назад.

Илий едва поднялся, разбрасывая нападающих, но новая волна опрокинула его на землю. Толпа моров налетела, закрыв от стороннего взгляда рухнувшего. Только вскинутые топоры сверкнули...

Люди с упорством обречённых пробивались к месту, где упал вседержатель...

Вистарх последний раз окинул взглядом тёмную мешанину, погребшую под собой, словно под завалом, Илия, и перевёл взгляд. Сражение продолжалось. Моры продвигались к заставе.

Прибежал гонец от Борки, отёр лицо. Запыхавшись от бега, заговорил с остановками, со свистом глотая воздух:

— Солью дол... перед заставой... засыпали! Прямо за воротами... горючего камня... гору выложили... Одного факела хватит... чтоб всё занялось... Борка сказал — всё готово!

Голос показался знаком. Те же нотки романтизма, только придавленные усталостью, глубокой, такой, в которой даже самое страшное известие принимается равнодушно. Усталостью, способной за одно утро сделать из ребёнка старика...

Вистарх обернулся. Юноша, стоящий перед ним, ничем не напоминал уже подростка, восторженно орущего кличи и с жадным восхищением смотрящего на вседержателей. Перед старшим стоял, утирая запылённое лицо резаными руками в окровавленных льдинках соли, солдат. И можно было сорваться, наорать, пока осталось время, отправить в тыл... Можно. Но упёрся в мрачный понимающий взгляд юноши и молча кивнул, что принял.

Гонец поклонился и побежал обратно к заставе, в бой. Необученный, неумелый, но упрямый и уверенный в своей правоте.

Кустарь-старший упал сам. Неожиданно уронил голову, расслабленно бросил меч и кулём свалился с коня. Не от стрелы, не от удара. Просто время вышло.

Закричал Кустарь-сын, вдруг перестав быть младшим и оставшись на линии единственным вседержателем. Неистово заорал, обрушивая меч на врагов, но возможности пробиться, оказаться рядом с отцом и принять последний его вздох не

отыграл. Люди уже были истощены — сил не хватало ни на подбадривающие крики, ни на страсти. Мало кто и заметить успел, как пал старик-вседержатель.

Вистарх на секунду прикрыл воспалённые, уставшие от напряжения глаза.

Невольно вновь глянул на место падения Илия, давно оказавшееся за линией фронта, и вздрогнул. Там всё ещё носились ходуном волны, всё ещё что-то влекло моров к центру тёмного круга, что-то бурлило там, кипело. Но ни красного, ни золотого он не увидел.

Моры убивали последних в рядах Кустарей.

Приосанившись, сидящий на поджаром гнедом Борка встрепенулся, словно ото сна, и поднял меч. Неторопливо тронулся, и за ним без криков и суеты пошла последняя сотня, до поры стоящая в узком пролёте ворот. Ветераны. Сухая старческая фигура их вседержателя под синим тяжёлым плащом плыла сквозь дым, как мачта с опавшим парусом в тумане. Спокойно, неторопливо, будто выбираясь в море на ощупь, опасаясь приустьевого бара.

Когда Борка пустил коня галопом — распахнулся парус цвета неба...

Мерно шагавшие ветераны, рассредоточиваясь, рванули на последних шагах и вонзились в бушующее скопление тел. Корабль вышел в море.

И закипело струями за кормой — не пеной, кровью.

Сражение длилось, сражение агонизировало, оно давилось усталостью и ненавистью, обливаясь потом и кровью. Продвигалось к ясеневым брёвнам срубового здания. Готовилось выплеснуть в арку входа заставы тела и души и пролизать себе железным языком вход. Оно уже почти касалось стен! И моры, чуя победу, ломали, визжа и хрипя. Добивали последних защитников... Но и сами уже шатались от усталости полуденного боя. На место упавших вставали другие, но и тем нелегко давались последние шаги до ворот.

Вистарх поднял с локтя шлем и, смахнув волосы с мокрого лба, накиннул шишак на голову. До упора подтянул ляжки щёчек и одёрнул плащ назад — чтоб не мешался.

По знакомому движению за спиной заходили ряды. Глухо клацнули доспехи. Зазвякали о стрелы копья. Зашуршали подбираемые плащи...

Ставр поправил наруч и глянул косо с нескрываемым ожесточением.

Вистарх неторопливо повернулся к нему:

— Знаешь, Ставр... Тебе есть кого ненавидеть

Проза. ФЭНТЕЗИ

за то, что тебя не было рядом с Илием рядом... Так будь благодарен судьбе хоть за это малое, — сплюнул и рванул меч из ножен. Поднялся в стреланах, разрывая клинком скрывавшее отряды пространство и обернулся: — Круши тварей!!!

— Круши! — подхватили люди.

Блинок заплясал, роняя пену неистовства с губ, скакнул, лебедино выгнувшись, и рванулся в галоп.

И пошла лавина.

Вистарх летел с бешеным криком. О чём тот крик — не чуял, не понимал. Лишь бы кричать, пьянеть от воздуха, до натуги переполняющего грудь и давящего на сердце, заставляя стучать. Всё выдавливалось в этот крик — и предательство друга, и потери дня, и любовь к дому. Летел, всем телом ощущая пустоту внутри, переполненность белой яростью — без запаха, без вкуса, без осознания себя, просто желанием рвать. Летел и ощущал сопротивление ветра, натяжение гудящих мышц и такое же дикое неистовство побратимов. Слева — дотянись! — раззявив рот и выпучив глаза, летел Ставр, и от него веяло смертью.

Блинок грудью ударил в спины замешкавшихся людей. Свалил, отбросил под копыта коней и вклинился меж сражающихся. Захрипел, стремительно вытягиваясь к противникам.

С лёту опуская меч на голову в кожаном шлеме, Вистарх почувствовал себя звездой. Светилом. Пылающим, дымящемся огнём во все стороны, парящим от обилия собственной силы и просто сумасшедше желающим поделиться своим светом. Поделиться так, что сжечь... И он жёг. В стороны, в мир уходила волнами, языками раскалённого воздуха его сила. И он мчал, как любой иной вседержатель, зная только одну цель — врага, только одно право — дарить свет. Сжигать светом. Когда его слишком много, он сам становится смертью, он становится тьмой... Дёрнул меч — из разреза кожаного шлема задымилась кровью розовая плоть...

Меч вибрировал от ударов. Трещали кости рук, обрушивая на врага оружие. Тело пульсировало от бьющейся крови.

Ходил ходуном Блинок, не давая слабину, сам стремясь в гущу боя.

Одного их вида — оскаленного по-волчьи коня и нечеловечески ощерившегося воина — хватало, чтоб моры пятились. А невидимый огонь вседержателя сжигал колдовство, подпитывающее бешенство дикарей, их неистовство и неуязвимость. И там, где обрушивались на головы меч и топор Вистарха, моры падали. И никакое колдовство не

могло поднять их. Там проходили люди и расклинивали тьму.

Краем взгляда в суете сражения Вистарх подчас замечал Ставра. Тот шёл слева, не отставая. Такой же бешеный взгляд, охрипший ор и страшные удары меча и секиры. Серебряные, они уже давно потеряли свой свет, став мутными, в красных полосах и брызгах. Да и сам Ставр стал таким — грязным, взъерошенным, окровавленным...

То, что впереди чаротворец, Вистарх почуял нутром. Мешало что-то вздохнуть глубже. Взрычав, направил Блинка на опасность. Среди сплошного поля кожаных шлемов, выпяченных белков и злых оскалов двумя спицами упёрлись воспаленные красные глаза с суженными зрачками. В голове полыхнуло, от жара тело стало вяло и болезненно, лихорадочно заломило суставы. Преодолев себя, Вистарх поднял меч. Его сил и воли хватило бы на один рывок! Но Блинок не вы-

держал — жалко всхрипнул и, трясясь всем телом, встал. Тёмная толпа с победным воем набросилась скопом. Вистарх завертелся ужом, защищаясь с двух рук — моры падали с посеченными головами, но выдержать натиск было невозможно. Мелькнул тёмный топор, подрубая лошадиное горло — Блинок забулькал кровью и рухнул.

Вистарха выбило из седла.

Упал на моров, бегущих навстречу. Левая рука, подворачиваясь за спину, глухо щелкнула, опалая болью. Тяжёлый удар выбил воздух из лёгких.

Потрясая оружием, накинулись моры...

Белки глаз на измождённых лицах.

Волчьи оскалы.

Скрюченные на топорщиках пальцы.

Блеск щербатых лезвий.

Вистарх стиснул рукоять меча города и ринулся на поднятые топоры.

Ударил. Принял. Откинул. Ударил. Ударил. Ушёл. Ударил.

Левую руку не чувал. Нога, задетая под колено, подгибалась. В боку влажной жарой набухало. Изпод шлема капало. Ладонь скользила по липкой жижке на плетении рукояти меча. Мир перед глазами заволакивало белым, словно проступало молоко, пропитывая полотенце. И тишина была. Глухая, тугая, терпеливо ждущая его смерти тишина...

Когда оскаленный мор вынырнул из молочного тумана, он понял, что всё кончено. Сначала повело, развернуло от сильного удара, и лишь потом ошарашила боль. Навалилась, как обвал — скопом на каждую пядь, на каждый вершок тела. А взгляд остановился, упёршись в землю — падающую на него, бьющую плашмя, обнимающую землю.

И вернулись звуки. Ор и рык, свист, звон и скрежет оружия, стоны и проклятия раненых, плюхание безвольных тел...

Чьи-то ноги загородили полмира. Чьи-то руки хватанули за плечи, заставляя сломанную ключицу хрустеть и вминаться в плоть... Но боли не было. Уже не было. Его повернули, но молоко тумана, наконец, пропитало полотнище, и он ничего не увидел. Только раскаленный добела гвоздь солнца где-то далеко, в другой вселенной. И ему подумалось, что это хорошо, что он ничего не чувствует, и хорошо, что не видит поднятых топоров. Это тоже была хорошая смерть.

Его вскинуло, словно щенка за холку подняло и понесло, поволокло, нещадно сминая сломанное плечо и выплёскивая кровь из порубленного нутра.

Обдало жаром конского пота, вдавило в мокрую, пахнущую кровью шерсть, и понесло, укачивая, будто в колыбели. Мимо грома битвы, мимо белого тумана, в котором отражалось солнце, мимо криков умирающих и ещё живых... Лиц, втоптаных в кровавую грязь... Обрубков с запылившимися срезами... Выпирающих кишок и подёргивающихся пальцев... Понесло всё дальше в белое молоко.

— Вседержатель! Вистарх! — кто-то с пробивающимся звоном в голосе звал его, тормоша и теребя.

И хотелось подняться на голос, отозваться, хоть шевельнуться, но белое, дышащее горячим молоком полотнище на глазах опускало в сон и безвольность.

— Старшой! Срать-те-в руки! — крепкие ладони сжали плечи, вгоняя в боль.

Он застонал, вскидываясь.

Дико глянув окровавленными глазами, мрачный Ставр тут же одёрнулся и исчез из обзора.

Знакомый юноша — белое лицо в каплях веснушек и подсохшей крови да сведённые к переносице брови над блестящими глазами — подsunул под руку меч Города. Когда пальцы с третьей попытки обхватили черен, Вистарх смог приподняться на локте. Прищурился, всматриваясь.

Мальчишка сдал назад ровно настолько, чтобы вседержателю открыть обзор, но телом защищать от стрелы или дурного глаза. И Вистарх увидел.

Их оставалось не более десятка — воинов-китежцев, сумевших укрыться в заставе. Обессиленных, окровавленных, сползшихся к головному зданию, под защиту последнего вседержателя. И стояли, сидели и лежали во дворе кто где: кто рядом со стенами, кто у ворот, кто — так же, как он, Ставр и юный гонец — над ними, на нешироком балконе над аркой входа. Сюда Ставр приволок и его, спасая от неистовства моров. А те остановились... Широкий — коню не перескочить! — дол перед заставой тянулся во всю ширь Ворот. По нему камнями и песком лежала щедро рассыпанная соль.

Вистарх попытался подняться, но тут же вяло повалился обратно на камни. Сквозь заново проступающий молочный дым мелькнуло перекошенное лицо подростка.

— Старший! — голос звенел от непрошенных, детских ещё слёз.

Едва сумев пошевелить тяжёлым, огромным языком, Вистарх облизал губы и прохрипел:

— Помоги подняться...

Проза. ФЭНТЕЗИ

Юноша, вытерев сухие глаза, сунул ладони под спину вседержателя.

Мыча от боли, Вистарх сел, бессильно привалился к краю бойницы плечом. С трудом поднял голову, будто огромный вечерой колокол втянул под купол.

Моры стаскивали с поля боя трупы — заваливать дол, создавать дорогу для войска. Сваливали, и тела, уже раздетые донага, безвольно мотаясь, раскидывали руки, бело-розовыми слизнями ложась на сверкающую солью ленту. Один за другим мёртвые, бывшие своими по крови, по убеждениям, по оружию, сваливались, мостя проход для смерти.

Звуки сражения затихли, только стоны, вопли и хрип доносились до заставы. И иногда — вскрики добываемых...

Подошёл Ставр, сел, спиной привалившись к краю бойницы. Запрокинул голову, упёршись затылком в камень, и закрыл глаза. Лицо, щедро облитое кровью из раны на голове, сделалось спокойным.

Солнце перевалило за зенит и уходило к западу...

— Что дальше? — тихо спросил подросток, осунувшись за день до тёмного лика древней иконы.

Ставр очнулся и вяло усмехнулся:

— Как двинутся — будем стрелять. Потом уйдём за заставу и подождём за собой ворота. Будем стрелять оттуда, кто проскочит...

Юноша, став ещё блее, кивнул. Поджечь ворота значило сжечь всё. И всех.

Внезапно очнувшись, Вистарх приподнял голову.

— Дальше? — медленно переспросил он.

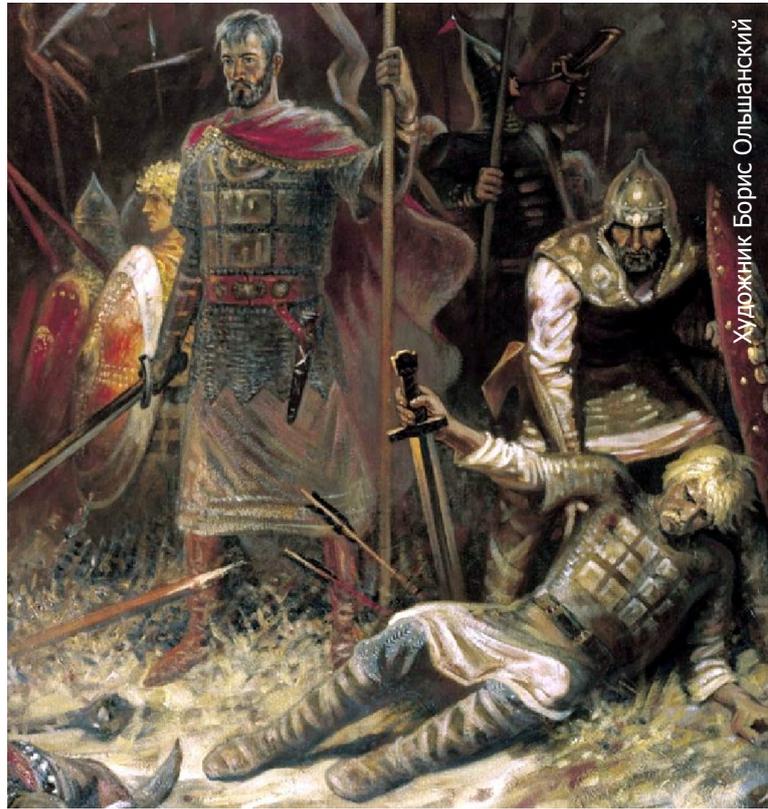
Ставр потянулся ближе, чтоб расслышать.

— Тянуть время, — едва внятно сказал Вистарх. — Они завалят дол... Когда двинутся — откройте ворота. Там горячий камень. Пусть увидят и поймут... На арке пусть встанут самые слабые. С факелами в руках. И вседержатель, чтобы от стрел прикрыть. А те, что посильнее, пусть уйдут во дворы... и затаятся с луками...

— Почему не наоборот? — хмуро спросил Ставр. — Сильные смогут стоять дольше...

Вистарх поднял слезящиеся глаза на друга. И заговорил медленно, мучительно медленно, каждое слово выдыхая, будто выдавливая из себя:

— Моры только тогда останутся, когда будет смысл ждать. Сильных они убьют, пусть даже придётся пожертвовать несколькими часами жи-

Художник Борис Ольшанский

дания. Слабых моры подождут, чтоб не рисковать... Слабые упадут сами — вот почему они будут ждать. Когда те, с факелами, рухнут, и моры войдут — пусть сильные стреляют огнём по камню...

Долгую минуту Ставр смотрел на обессиленного вседержателя, а потом тяжело кивнул:

— Сделаю, как велишь, старшой...

— Ставр, — позвал Вистарх и глянул исподлобья, не найдя на большее сил. — Я останусь на арке...

— Я — тоже, — просто ответил соратник и, кинув подростку кисет, тяжело подволакивая ноги, пошёл к лестнице, к людям. За ним частыми каплями по камням оставался кровавый след...

Парнишка вытащил нож и потянулся к плечам старшего вседержателя. Вистарх не перечил, и юноша снял с него кольчугу. Помог лечь. Вистарх глядел в белое небо, в белое молоко перед глазами и едва осознавал, чем и как его врачуют, запавшая рана. Боль от целительного порошка проходила сквозь заслоны бессилия лишь слабым отголоском. Рассудок уже понимал, что гаснет.

Белое солнце в белом небе.

Топот детских ножек по половицам. Влажная земля, по которой раскатываются спелые яблоки. Колосья, которые можно собирать в ладонь, как женские косы. Бабушкины сказки ключьями по углам. Руки родителей, равные шёпоту листьев. Губы любимой...

Снизу, от пола — скрип отворяемых ворот.

Вистарх вздрогнул и открыл глаза. Юноша помог подняться. Вновь тяжело привалившись к камню бойницы, вседержатель увидел моров. Бледно-розовые гати из мёртвых тел уже были сложены — кое-где едва шевелящиеся, где-то стонущие... А торжествующие враги ждали только команды.

Ставр вырос рядом. Подал факел. Вистарх выпустил теперь никчёмный «меч города» и принял палку в смолёной обмотке, горящую зеленоватым пламенем. Опёрся на руку юноши, поднялся и, навалившись грудью на камни стены, оттолкнул гонца:

— Уходи.

Тот мгновение помедлил, а потом ушёл. Молча.

Клонилось к закату солнце. Окрашивался горизонт. От вечернего ветра срывало в лихорадку. Но умирающие люди стояли на арке, подняв факелы и равнодушно глядя на растекающуюся у ног тьму моров. И на льды далеко за их спинами. И на туман, клубящийся от них...

Вистарх и Ставр стояли рядом, по центру, между другими людьми, по собственной воле выбравшими последнюю вахту на воротах. Ставр придерживал старшого, но и сам колебался на неверных ногах.

Горели факелы, запирая дорогу одним только страхом, что будут брошены и взорвут с таким трудом добытый проход в мир благоденствия. И то, что смогли отвоевать у людей, моры боялись потерять в борьбе с огнём.

Гвоздь солнца в небе начал гаснуть, отдавая тепло, стал краснеть, обрамляя стены заставы в розовое прозрачное прохладное сияние. И тогда Вистарх навалился грудью на камни и, выглядывая в бойницу, захрипел:

— Ты видишь?! Видишь?! Я же говорил, что он придёт!

— Кто? Где?

Ставр подался вперёд, до рези вглядываясь в туманную даль.

— Он пришёл, видишь! — Вистарх обессиленно начал заваливаться. Из глаз потекли непрошенные мутные слёзы.

Горизонт заволакивало белёсым туманом, и не было в его пространстве ничего, кроме островерхих льдин и редких облаков.

— Евпат пришёл! — шептал Вистарх, от усилия дрожа всем телом. — Он не оставил! Он не мог оставить! Он мой друг, Ставр... Он не мог не прийти... Понимаешь?.. Он пришёл... Он всё-таки пришёл... Евпат... Видишь? Ну!.. Там флаги Мологи — голубое с чёрным... Видишь?

Вистарх задохнулся, теряя силы. Факел дрогнул в руке и начал заваливаться. Поймала рука соратника, придержала, не дав упасть. Ставр глянул на умирающего. Глаза его уже были закрыты, лицо серо и безжизненно, рот приоткрылся в бессилии. Но невероятная воля ещё держала.

— Видишь? — прошептал Вистарх, цепляясь скрюченными пальцами. Закрытые веки дёрнулись, словно взгляд обыскивал, ощупывал даль.

Ставр ещё раз оглядел горизонт. Белый туман. Кромки льдов. Чёрная толпа моров...

— Вижу, — прохрипел Ставр. — Флаги Мологи. Голубые. С чёрным. И Евпат.

— Он пришёл, — криво, одной стороной, улыбнулся Вистарх.

Лицо озарилось на мгновение и, вздрогнув, замерло.

Ставр опустил тело на камни арки и, прощаясь, кратко тронул посеревшую щёку.

С трудом выпрямился, подняв выше факелы — за себя и за упавшего.

Зелёное пламя снова шипело над головой, над стенами, над людьми, и моры у подножья заставы топтались, ожидая падения последнего защитника.

Солнце пылало погребальным костром. Красные блики ложились на стены, на тёмные доспехи моров, на дальний туман...

Последний вседержатель заставы стоял над воротами. Он смертельно устал. Он выигрывал время. И у него не оставалось сил смотреть на то, как темнеет горизонт...

И как, разрывая туман, мчат к заставе развевающиеся знамёна.

Голубые с чёрным.

Ворон Ольга

writercenter.ru/profile/Olteya/whois/

Художник Вячеслав Назарук

nazarukvm.ru

Художник Борис Ольшанский

www.vseminfo.ru/creativity/risunok/olscharski/

Художник Руслан Слободин

www.svobodin.com/main/

Парамошка

Богданов Борис

Деревенскими издавна протоптана широкая тропа через Косматое урочище. Идёт она, почти никуда не сворачивая, виляя слегка из стороны в сторону, обходит покрытые седым мхом валуны, принесённые ледником в далёкой древности. Сделай три поворота, и виден уже берег Хлебного ручья, а там и до подворья местного колдуна, дядьки Захара, недалеко. Но Климу, что уже год у Захара в учениках, по тропе нельзя. Парень он сильный да видный, но не та сила всё решает. Растёт возле тропы, сразу за вторым поворотом, среди обычных дубов, могучий колдодуб.

Дерево и дерево, каких в лесах наших много, старое, узловатое, дуплистое. Не слишком толстое, двое мужчин запросто обхватят. Плодовитое, каждую осень обильно засеивает землю вокруг себя желудями, но само же деток и душит обширной тенью. Всяк мимо него ходит, кто просто пройдет, ствол рукой огладит, кто с лукошком, грибов нарвать, а кто с туюском, по жёлуди.

Климу дорога пока заказана. Как учит дядька Захар: "Среди всякого сущего, живущего и растущего, есть к волшебству открытое. Чем меньше в нем разума, тем жаднее берёт, труднее делится."

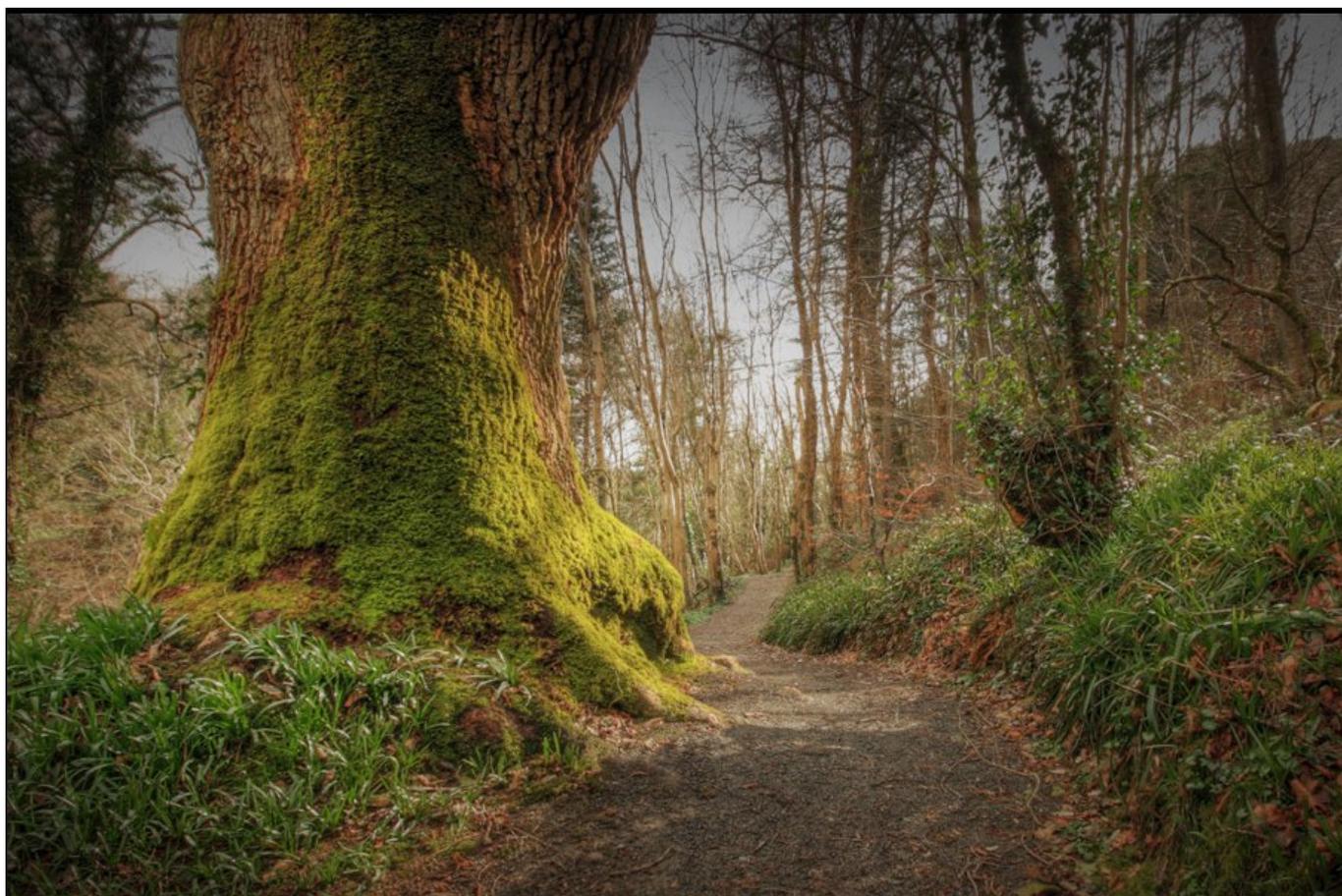

Photo ciar4n

Коли есть в тебе к магии сродство, да сил магических недостатков, опасайся могучего и неразумного, дорожку окольную выбирай". А в старом дереве какой разум?

Поэтому ходит парень к учителю кругом, помимо общей тропы. Успел отдельную стёжку протоптать, извилистую, но безопасную. Начинаясь у первого валуна, сворачивает эта тропка налево, извиляется среди мелкого ельника, спускается к Хлебному ручью, к густым зарослям колдотальника. Те кусты Климу уже по силам, толику силы в каждый заход подбирает. Сам этот путь нашёл, колдотал радушно делится магией. Клим в тех зарослях словно в чистом источнике купается, но много не берёт, бережёт малого помощника.

Шёл сегодня Клим на обычный урок да задумался. Ноги сами идут, а перед глазами вместо верной дороги мельникова дочка, Варька. Росли рядом, никогда не выделял её парень среди сверстниц, Настён и Матрён, не заметил, как расцвела. Теперь как глаза открылись. Улыбнулась ли неожиданно ласково или слово особенное сказала, или посмотрела внимательно и серьёзно, да только забыл Клим про обычные дела. Сам на урок спешит, а в голове всё Варвара. Как ведро из колодца поднимает, наклонившись и ногу для равновесия отставив. Как не удержалась и ледяной водой на себя плеснула, взвизгнула. Стала подол сарафана отжимать, икры белые да тонкие, выше колен одежду подняла. Замечтался, нужный поворот пропустил. Сердце захолонуло, ноги кисельные стали, только тут и очнулся.

Нехорошо! До жадного дерева не более полусотни шагов. Никогда Клим так близко к опасному месту не подходил. Колдодуб, слабую магию почуяв, тянет к себе! Очень хочется шаг сделать, ещё и ещё. Ближе подойти, погрузиться в ласковую темноту, раствориться в сладком растительном безмыслии. В голове без слов кто-то давит, требует: «Дай, дай, дай больше!»

Как учитель говорил? «Стань никем, очистишься от мыслей, от желаний. Сосредоточься. Строй стену. Пока стена стоит — беги». Клим так и сделал. Заставил себя забыть про дурное дерево, про лес вокруг и землю под ногами. Начал, как мог, строить. Стена не стена, но изгородь получилась. Хлипкая, прогибается, но держит. Сразу напор ослаб, удалось шагнуть раз, второй в сторону от тропки, а там легче пошло. Ноги всё крепче, в голове яснее. Отбежав изрядно в сторону, Клим обессиленно опустился на подвернувшийся пень.

Отдышаться, снять с лица и головы налипшую паутину. Нёсся, дороги не разбирая. Руки и лицо еловыми лапами исхлестал, в волосах листья и другой древесный мусор. Спасся!

Приведя себя в порядок, Клим огляделся. Не велико Косматое урочище, а здесь он раньше не бывал. Маленькая полянка в еловом подросте, смущенная его вторжением, начинала жить обычными заботами. Зазвучали голоса лесных пичуг, прополз по надобностям важный рогатый жук. Зашевелилась трава возле замшелой коряги, приподнялась из неё треугольная змеиная голова. Гадюка. Мазнула пустым взглядом по неподвижному Климу, заскользила неторопливо, пробуя воздух языком. «На охоту, должно», — подумалось парню. Зная, что всякая тварь важна, змей он не очень жаловал. За холодность и глухоту. Не давались ему пока эти существа, не слушали. Птицу научился приманивать, белка к ладони за орехом приходила, заслышав немой зов. Змеи много древнее, другой подход нужен.

Прикинув на глаз путь аспида, Клим присмотрелся и увидел в шаге серый комочек. Мышонок, поджав раненую лапку, ковылял по разворошенному мху. Протянув руку, Клим подхватил зверька. Тот пискнул, моргнул бусинками глаз и обмер в ладони.

Гадюка, встретив неожиданное движение, остановилась, зашипела предупреждающе, затем свернула в сторону и исчезла среди черничника. Погладив пальцем мышиное тельце, Клим ощутил: рядом с живым теплом, не смешиваясь, соседствовал магический холодок. «Непростой ты зверёк! Будешь Парамошкой!». Решив так, вырвал клочок мягкого мха и бережно уложил Парамошку в котомку. Пора, учитель заждался.

Дядька Захар, невысокий сухонький мужичок с короткой немужицкой бородкой и постоянно удивленно-горьким взглядом, возился с цветами во дворе, под окнами. Цветник этот был удивительный, нигде таких растений не увидеть. Рядом с Захаром вышагивал ручной говорящий колдограч Антип. Поглядывая, повернув голову, одним глазом на утоптанную землю, он иногда замирал; тогда грунт перед ним вспучивался, раздвигался и на свет вывинчивался жирный земляной червь. Антип склёвывал червяка и продолжал прогулку.

— Питается, — кивком поприветствовав Клима, проговорил дядька Захар: — Тварь простая, бесхитростная.

— Антип харроший! — заявил грач, вспорхнув на плечо хозяина. — Жрррать хочешь? Как пожи- ваешь?

— Хочет, а как же, — дядька Захар присмот- релся. — Волки гнались? Морда вся исхлѣстана. Пойдѣм-ка в дом.

Клим внезапно понял, насколько он проголо- дался. Встреча с колдодубом впрок не пошла. Же- лудок заворчал, запел требовательно. Пока Клим насыщался нехитрой снедью, дядька Захар внима- тельно рассматривал его, сощутив глаз.

— Показывай гостя-то, — предложил он, до- ждавшись Климовой благодарности.

Парамошка, будто поняв, о ком речь, уже вы- лез из котомки и уютно устроился у Климова во- рота, близ уха. Согревшись близи источника силы, лапку он успел подживить и был вполне доволен жизнью. Приняв предложенную корочку хлеба, зажевал доверчиво, без боязни. Не убоаялся и хо- зяйского колдопса, старого пуделя с чудным именем Дюк, что твякнул для порядка на при- шельца из-под стола. Только ушками повёл.

— Мелочь, а понимает, — Захар затеял с мы- шонком переглядку, — кто с добром. Хорошего зверя нашёл, Клим. Как назвал?

— Парамошкой, учитель, — Клим осторожно погладил мышонка. — Наткнулся на него, как от колдодуба убежал.

— Во-о-т оно как. А я гадал, что ты такой ра- зукрашенный. Пора тебя правильной защите учить. Стенку, небось, ставил?

— Загородочку, — Клим виновато потупился, — однако убѣг ведь?

— От всех не убежишь. Или будешь по лесам зайцем петлять, каждую колдодубицу кругом обе- гать? Наша — ленивая уже. Тянет по привычке. Хуже, когда молодому дереву попадѣшься. Реше- но! Прямо сейчас и начнѣм.

До вечера наставлял дядька Захар Клима в новом умении. Колдовство — не хлопущи и шути- хи, а долгий и незаметный труд. Пока Клим пра- вильный наговор выучил, семь потов сошло. Захар сидит, пуделю под табуретом мохнатое пузо гла- дит — да повторяет: «Учи! Учи!». А как зачало солнце небо кровянить, дядька Захар в ладоши хлопнул: «Будет! Проверять пошли». Двинулись к колдодубице по короткой дороге. С ними пѣс ради прогулки нагретое место кинул. Клим, уходя, за- глянул в окошко и увидел призрачного пуделя, лежащего на полу подле табурета, брюхо подста- вив. Призраку хозяина, чтобы чесал.

— Никак привыкнуть не могу, Учитель, — поѣжился Клим. — Как можно сразу в двух местах быть?

— Выбрать не может, как лучше, — странно, но Захар показался Климу смущенным, будто самому не совсем понятно. — Вот и мечется. Или в избе с хозяином пузо чесать, или в лес бежать. Сразу в оба места хочется. Хитрая штука, звери- ное колдовство. Животинка малая, чего ей надо? Тепла, сытости. Род продолжить. Проще некуда. Зверь, он, — Захар наставительно поднял палец, — существо простое, сложностей колдовских не понимает. Исполняет свои надобности, как вый- дет. Диковинно и выходит. Однако отсюда сам пойдѣшь!

Захар подтолкнул Клима напутственно вперед, где уже беспокоили магический холодок и безразличная тяга колдодубицы. Проговаривая заученные фразы, Клим зашагал по тропке. Но са- му встречу с колдовским деревом и не заметил. Просто шѣл-шѣл, да и прошѣл мимо. Парамошка, напротив, пищал поначалу, забился глубоко-глу- боко в котомку, возле колдодубицы выбрался на воротник, распушился, пытался защищать нового приятеля. Когда же Клим спокойно мимо дерева прошѣл, даже рукой коснулся небрежно, мышь успокоился и весь обратный путь просидел на во- ротнике, изучая мир свысока. Как домой вернулся, бабка Анфиса только губы поджала. Как же так, мышь лесную в дом нести! Но против не сказала ничего.

С той поры жизнь у Клима иначе повернулась. Малый зверь мышь, но волшебный. В колдовстве ведь размер не главное. Парамошка, живя при хо- зяине и чувствуя его настроение, просто делал се- бе лучше. Если у Клима тяжело на сердце, не ла- дится что или повздорил с кем, мышонку плохо. Колдовать Парамошка не колдовал, ясно, просто хотелось ему, чтобы было всё хорошо и спокойно. И делалось, если сил достанет.

Повздорила с Климом как-то лабазника местного супруга, тѣтка Марфа. Не так посмотрел или ещѣ чего, сейчас и не скажешь. Да только взъелась на парня: «И чего ты ходишь тут, не тво- его ума дело на нас посматривать! Или ты, такой- сякой, воровство измыслил!» На такие слова у Клима в ответ не нашлось ничего, только обида заткнула горло комом и слѣзы из глаз чуть не брызнули. Смог лишь выдавить: «Как можно, тѣт- ка Марфа!». Парамошка, спокойно спавший в ла- данке с мягкой травой, что Клим сплѣл и повесил

себе на шею, зашевелился обиженно. Непорядок с хозяином! Вылез, глазками на Марфу стрельнул. Уж на что лабазница была к мышам привычна, но охнула и замолчала. Пытается сказать хоть слово и не может. Онемела! Краснеет, пыжится, без толку. Только глазами уходящего Клима провожает. Парамошка хозяину в ухо: «Пи-ик?». Будто спрашивает: «Так ли сделал, верно ли?»

Приходили они потом с мужем к дядьке Захару. Жаловаться да сглаз снимать. Долго после того раза как завидит тётка Марфа, что Клим мимо пройти может, сразу отвернётся или на другую сторону перейдёт. Лишь бы не встретиться.

Так и пошло. Тут случай, там случай. Клим Захару рассказывать, а колдун только усмешается да повторяет: «Хорошего зверя нашёл, хорошего...».

По самой летней жаре случилось у Клима несчастье. Померла бабушка Анфиса, остался он совсем один. Из всей семьи только Парамошка да дядька Захар. Проведя пару вечеров в опустевшем анфисином домишке, Клим передал бабкиных корову и птицу многодетным соседям, собрал вещи и переселился к Захару. Чего за уроками за пять вёрст гонять? Ноги бить? Только и бегал если, то на мельницу, Варвару издали увидеть. Повезет — вроде случайно словом переброситься.

Сегодня, запрягши смирную колдунову лошадку, Клим отправился на мельницу за заказом. Поднявшись на бугор перед речкой, он издали заметил тонкую фигурку Варвары. Но что это? С кем она говорит, улыбаясь? Присмотревшись, Клим узнал сына старосты, Василя. Не сговариваются ли о чём? Наговор дальнего слуха еще не всплыл в голове, а Парамошка постарался. Разговор словно вблизи стал:

— И помни, Варька, — брюзгливо, подражая отцу, вывернув губу, выговаривал Василь. — Два мешка тонко, три мешка грубо! Не спутай! Знаю я вас, баб! Всё глупости на уме.

— Не перепутаю, Василь, — Варвара скромно глядела на свои руки, мявшие испачканный мукой фартук. — Будет, как сказано. Завтра с утра приезжай.

— Дело. Сейчас и займись. Что вечера ждать? А вечером, слышь-ка, приходи в рыбацкий домик!

— Зачем? — подняла глаза Варвара.

— Научу на столе танцевать! Га! — Василь расхохотался: — Не пожалеешь!

— Но-о, заснула уже! — утвердившись на телеге, Василь хлопнул вожжами. И, не обратив

на подъезжающего Клима внимания, отправился восвояси.

— Не обижает тебя, Варвара, этот грубиян?

— Разве грубиян? Парень как парень, — Варя улыбнулась, — муку забрать?

Очень хотел Клим сказать: «К тебе приехал, за руку взять, в глаза посмотреть», но язык словно примёрз к нёбу, только и выдавил: «Да».

Весь день до вечера Клим был сам не свой. Грызла его мысль: «А ну как отправится Варя в рыбацкий домик? Что делать будет? Если отправится, значит люб ей Василь! Еще бы не люб! Парень видный, старосты сын, куда лучше!» Полдня себя изводил. А как завечерело, не выдержал. Забрался в чулан, свечи, что из воска, собранного в полнолуние, по углам затеплил. В плоскую плошку налил с наговором ключевой воды. Варварин волос, что снял с мешка с мукой, на свече сжёг и пепел в воду кинул. Со словами: «Покажи хозяйку, холодная вода!»

Отлегло от сердца. В водном зеркале Варя, сидя в темноватом помещении, перебирала свои длинные чёрные волосы, запорошенные мучной пылью. Ноги облеплены мокрым сарафаном, видно, с водой возилась. Затем быстро, одним движением, сарафан стянула! Подхватила, потянувшись, качнув грудью, деревянную шайку, и прошла в парную. Баня! Жарко стало Климу, словно сам в бане очутился. Смотрит, оторваться не может, ест Варвару глазами. В голове шум и туман, внизу потяжелело. Тут вроде свежестью повеяло. Кто-то в парную дверь открыл? Никак Василь?!

— Ладная девка, — дядька Захар, зашедший в чулан, долгий миг всматривался в вещь в воду. Клима успело и в жар и в холод кинуть. Уши горят, пироги печь можно!

— Ладная, — повторил Захар и спросил, насупившись: — То-то чую — волосом палёным потянуло. Любишь её или просто непотребство твоишь? Не помнишь: следить можно — подсматривать нельзя?

— Да я, дядька Захар, да мне...

— Свататься будешь — помогу, — вышел, шваркнув дверью. Только прозвучал запоздалый крик Антипа с плеча наставника: «Загрррраница не поможет!»

Взволновав послушную воду, Клим задумался. Слова учителя гулко бухали в ушах вместе с ударами сердца: «Свататься будешь, свататься будешь, свататься будешь...»

Неделю спустя Варвара сама забежала к кол-

дуну за какой-то травкой для отца. Клим, переборов робость, вызвался проводить её. Пока шли к Хлебному ручью, Варя увлечённо рассказывала об отце, что прихватило его, приходится ей самой работу на мельнице править, мать-то умерла давно, не помнит её Варя. А отец уже немолод, помогать надо. Или работника искать, да тянет что-то отец, может, женихов ждёт? Тут девушка запнулась и умолкла. Варя молчала, и Клим не мог придумать, что сказать. Как вошли в Косматое урочище, Варя зашагала было прямой дорогой, но Клим, страх переборов, перехватил её руку и удержал, остановил:

— Пойдем, другую дорожку покажу, — смог сказать, с трудом ворочая пересохшим языком.

— Зачем? — прошептала Варя. — Эта прямая да быстрая.

— Затем, чтобы подольше рядом идти! — с разбега в ледяную воду кинулся Клим. Его трясло, только что зубы не стучали. Вдруг откажется, посмеётся? Что делать тогда? Бежать? Сделать вид, что ничего не было?

— Пойдём длинной, — ответила Варя. И ладошку у Климата в руке оставила.

Сватать Варвару за Климата дядька Захар собирался долго и со вкусом. Клим его таким не видал никогда. Вешая Климу через плечо специально подобранный оберег, Захар говорил наставляю-

щее:

— Каждый должен знать, что ты не абы кто, не сирота безродный, а ученик колдуна! Сам колдун. Уважать должны!

Просватались, ударили по рукам. Решили, жить молодые будут при мельнице. И отдельно, и делу польза. Свадьбу назначили после первых заморозков. Возвращаясь с Климом домой, дядька Захар, выпивший на радостях со сватом крепкой сливовой наливки, был весел, оживлен, воздух вокруг него светился и погромыхивал празднично. Толковал об учении, о будущих климовых детках, о том, какой сват хороший да радушный человек. По левую руку его то и дело проявлялась молодая красивая призрачная женщина в иноземной одежде. Захар в мыслях своих её не осознавал. В другой день Клим обязательно удивился бы этому нелюдскому колдовству, но сегодня... В ушах звучали Варини слова: «Приходи к ночи на мельницу. Ждать буду».

Пришёл, прибежал. Варвара ждала его, постелив ложе мягкой меховой рухлядью. Свет одинокой свечи разливался золотом по её распущенным черным волосам. Клим, обняв неумело, целуя закрывшиеся глаза, прошептал севшим голосом:

— Варя, милая! Как же обычай, простыня, кровь...

— Глупый. Колдун, а телёнок. Придумаем, — и потянула его, повела, ухватив холодными дро-

жащими пальцами. «Согрею, никогда не будет ей холодно со мной», — думал Клим, лихорадочно срывая с себя одежду, чувствуя нарастающее возбуждение и смущаясь его и того, что должно случиться. Боясь и мечтая, не решаясь глянуть Варю в глаза.

— Сейчас, да, — она задула свечу, прикрыв его губы рукой, — потом, не надо нынче света.

Повела плечами и тонкая рубашка скользнула под ноги. Только двое видели девушку сейчас. Клим и растущая Луна, глядевшая из окна без любопытства, привыкая ко всему. Призрачный лунный свет сбегал по тонкой девичьей фигурке, растворяясь в мехах. Откуда взялась мудрость не кинуться горячим зверем? Колдовство, магия... Будто кто-то взял за сердце мягкой шерстяной рукавичкой, остудил запал, унял дрожь нетерпения. Обняв Варю за плечи, Клим повёл ладонями по её телу, сверху донизу. Ощупав пальцами острые лопатки, тонкие ребра, что так хочется пересчитать, прогладив пальцами каждый промежуток. Тёплая спина, бугорки позвонков, сбегające от основания шеи до ложбинки между ягодицами. Губами прошёл по ключицам, слева направо. Опускаясь на колени, приник лицом к груди, ощутив щеками упругий мягкий жар.

— Колется, — ойкнула девушка, затрепетав.

— Прости, прости!

— Пусть, дальше!

Дальше. Ниже, губами и носом по животу, руками обняв и огладив дрожащие и прохладные, но теплеющие бёдра...

— Нет!!!

— Что не так, Варенька? — Клим испуганно отпрянул.

— Смотрит, — пальчик Вари показывал за спину, глаза её округлились, губы дрожали.

На ворохе смятой одежды сидел и глядел на них Парамошка. Глаза его горели колдовским зелёным светом.

— Это мой друг, милая, друг и помощник...

— Нет! Он так страшно смотрит, — Варя готова была заплакать. Подхватив рубашку, она завернулась в неё, скрывшись, спрятавшись от мыша. И от Клима.

— Но, Варя... — не мог найти слов парень.

— Нет. Или он — или я.

С минуту Клим переводил глаза с Варвары на зверьку и обратно.

— Ты, — наконец сказал он и набросил на Парамошку рубаху.

Утром Парамошка пропал. Клим обыскал всё. Варя, видя его искреннюю обиду и недоумение, искала мыша вместе с ним, подсказывая укромные уголки. Да разве найдёшь маленькую мышку в доме, если она не захочет показаться? Не захотел. Не показался. Не вернулся.

Аккурат к свадьбе, когда обычные цветы все давно облетели и пожухли, зацвели у мельницы невиданные кусты, выросшие за одну ночь. Ярко полыхали они в наступающей зиме красным и синим, жёлтым и колдовским зелёным. Вопреки снегу и вьюгам. Веселили и согревали сердце. Только дядька Захар, проходя мимо, обычно тяжело вздыхал. Три года цветущие кусты радовали глаз прохожих. Примерно столько, сколько живет в сытой безопасной неволе обычная лесная мышка.

Богданов Борис (bbg Борис)

writercenter.ru/profile/bbg/whois/

ciar4n

ciar4n.deviantart.com

Падающие звезды

Ван-Шаффе Александрина

Падающие звезды бывают разными. Самые простые — одиночные. Люди их по-всякому называют: снежинками, пустопадками, вещуньями. Когда эти звезды перечеркивают ночное небо, можно загадать желание, только оно редко сбывается. Отсюда и самое распространенное — «пустопадка». Зато каждому, особенно людям путешествующим, известно, что двойные — те, что поначалу мигают вместе, а потом так же парой летят к земле — кошачьи звезды. Увидеть их — хороший знак. И предвещают они, как кошки, теплый, уютный дом. На ночь, на неделю, а, возможно, на целую жизнь. Бывает еще «пчелиный рой», когда звезды падают с неба стайкой, но такое происходит не часто: раз в несколько столетий, а то и реже. Пчелиный рой — к бедам, о которых лучше не думать: к долгой войне или мору.

Мартин любил и собирал именно кошачьи звезды. Тяжелее всего пришлось с первой парой: целый месяц, словно чумной, ходил ночами, голову боялся опустить, чтобы не прозевать, потом днем отсыпался, когда порядочные люди на хлеб зарабатывали. Но своего не упустил, поймал-таки! Зато сейчас, как только видел в ночном небе двойное помаргивание, открывал потертый кожаный сундучок, и кошачьи звезды летели вниз — прямо на блеск своих товаров. Хороший сундучок. И ремнями перетянут — можно носить за спиной, как ранец. Только в домах с его содержимым не особо поспишь: в темноте даже вокруг закрытого сундучка появлялось слабое сияние. Может, и не заметит никто, но Мартин слишком дорожил накопленными сокровищами, чтобы рисковать.

Поэтому спал всегда под открытым небом: на воздухе свет звезд растворялся, сливался с другим, льющим сверху. И всегда согревала надежда поймать очередную пару.

Этой ночью Мартин тоже развел недалеко от дороги костерок. Распряг пони, терпеливо тащившего короб с нехитрым товаром. Поужинал, часто поглядывая на небо. Летнее, теплое, звездное. Вот-вот моргнут наверху кошачьи звезды, сорвутся, падая, — только успевай ловить. И, как назло, хрустнула под чьей-то ногой ветка, и вышел к свету путник в сопровождении лохматого черного пса. Мужчина был еще крепким человеком, только смотрел как-то странно — мимо Мартина, в темноту. Он был слеп. Что не помешало ему уверенно подойти к огню, спросить:

— Разрешите погреться у костра, добрый человек?

Парень сердито покосился на незваных гостей, но не посмел отказать прохожему, пригласил:

— Садись, грейся, конечно.

Путник отложил посох и котомку, устроился, вытянув ноги. Пес приткнулся рядом.

Пока Мартин размышлял, с чего начать разговор, гость достал флягу. Приложился. Протянул прямо через пламя костра — и как не обжегся? Мартин поспешно принял, хлебнул терпкого, с незнакомыми специями, вина. Замялся, не зная, как вернуть флягу путнику, — подыматься уж больно не хотелось. Прохожий, словно заметив его колебания, поднял руки:

— Кидай, я поймаю.

Мартин так и сделал. Удивился, как уверенно, ловко для слепого, гость словил посудину.

— Давно путешествуешь, мил-человек? — меж тем поинтересовался прохожий, кивнув на пасущуюся лошадку. — Чую, путник ты опытный, бывалый. Небось, весь год с ярмарки на ярмарку? Ищешь, где подешевле взять, а отдаешь с солидным наваром?

— Какое там, — польщено отмахнулся Мартин. — Бывалые — они не такие... А я так, на прокорм только и хватит. И то не круглый год, зимы в доме родителей переживаю. Весной закупаю товар — и в путь... А ты кто будешь?

— Я колдун, — прохожий опять приложился к фляге. — Раньше многое умел. Только потом глаза потерял и нынче ворожу помаленьку: пахарям дождик приманить или, наоборот, на время покоса тучки разогнать. Скотину вылечить. Иногда потруднее задания беру: оберег сделать или от порчи избавить. Ты, часом, колдунов не боишься?

— Не боюсь, — усмехнулся Мартин. Поглядел на небо: что-то подсказывало — сегодня упадут кошачьи звезды. Больше всего парню хотелось спровадить нежданного гостя, но как его прого-

нишь? Оставалось ждать и терпеливо вести беседу.

— Моргают, — словно подслушав его мысли, обратил незрячее лицо к небу собеседник. — Прилетят сегодня к чьей-то колыбели кошачьи звезды.

— Что?!

— Не слышал о таком?

— Нет, — стараясь, чтобы голос звучал ровно, ответил Мартин.

— Это потому, что у твоих родных кошачьих глаз не было. А у меня до того, как ослеп, были. И у моего отца, и у деда. Те, кому кошачьи звезды достаются, редко с обычными людьми откровенничают. Но тебе, так и быть, расскажу: люди считают, что кошачьи звезды — сродни пустопадкам, замигали и покатались вниз. А кошачьи просто так не падают: они примечают еще не родившихся младенцев, которые будут обладать каким-нибудь даром. Ты сам вспомни — как знаменитая вышивальщица или знахарка, а среди мужчин — краснотеревщик, художник, ювелир — так глаза-то особенные, искристые. Видел ты хоть одного известного мастера с тусклыми глазами? Падают кошачьи звезды в момент рождения ребенка... Только вот незадача: если звезды младенца приметили, а до него не долетели, будет он слепорожденным. Раньше о таком редко слыхали, а сейчас... через раз слепые дети рождаются.

Мартин молчал, не зная, верить или не верить. Вроде бы искренне говорит путник, но кто его ведает, что там у них, колдунов, в голове? И, словно в насмешку, в небе замигали два ярких «глаза». Пока Мартин прикидывал, не раскрыть ли сундучок — все равно гость ничего не должен заметить, — путник поднял к небу незрячее лицо:

— Смотри-ка, замигали... «кошечки». Сейчас упадут.

Мартин беспомощно оглянулся на заботливо сложенную поклажу. И чуть не заплакал, когда изумрудные крупные звезды полетели вниз. Таких у него еще не было. Последние две пары были теплыми, рыжими, а остальные — холодными, цветом от льдисто-голубых до бледно-зеленых. Нет, одна, самая первая пара была изумрудной. Но ведь красивого много не бывает.

Когда Мартин сообразил, что из-за случайного путника упустил кошачьи глаза, он чуть ли не до крови прикусил губу. А иначе не удержался бы и стукнул чем-нибудь беспечно сидящего рядом прохожего. А тот продолжил:

— Изумрудные. И ведь долетели до земли. Значит, родился сегодня кто-то — с кошачьими глазами.

— Как ты разглядел? — запоздало удивился парень.

— Я такое и без глаз вижу, — горько усмехнулся прохожий. — Четырнадцать лет назад, когда появилась на свет моя дочка, такие же звезды летели вниз. Для нее. Только к ней не попали.

Мартин напрягся, но ничего не сказал, покосился на укрытый плащом сундучок.

— Пришлось отдать девочке свои глаза. А самому уйти. С тех пор хожу — пытаюсь понять: почему кошачьи звезды перестали прилетать к тем, кому предназначены.

— Да врешь ты все! — неожиданно разозлился Мартин. — Сколько лет брожу по свету, никогда о таком не слышал. Чтобы звезды становились глазами?! Да такого ни в жисть не бывает! Наплел ты мне тут с три короба, старик.

Путник усмехнулся одними губами:

— Нет, мы с тобой такого вина выпили, после которого ни ты, ни я врать не сумеем. Я тебе правду открыл. И ты ответь, мил-человек, что у тебя там блестит?

И махнул рукой в сторону поклажи. Мартин хотел буркнуть: «Ничего там нет, померещилось тебе». Но вместо этого услышал собственный голос, произносящий:

— Это мой сундучок.

— А в сундучке что хранится?

«Да какое тебе дело?» — опять хотел грубо оборвать прохожего Мартин. Не сумел — потупился и через силу произнес:

— Сам знаешь.

— Значит, не напрасно мы повстречались, — с усталым вздохом прошептал путник, погладил внезапно заскулившего пса, помолчал и снова заговорил: — Я больше десяти лет все по колдунам да по алхимикам ходил. А они руками разводили: мол, нет такого средства — звезды ловить. Некому и незачем. А нынче весной услышал, что ездит по деревням торговец, который никогда не ночует под крышей. И поклажа у него странно светится. Раз-другой мне про тебя рассказали, но все не доводилось нашим дорогам пересечься... А третьего дня в «Счастливых половичках» с тобой случай вышел. Помнишь?

— Еще бы, — совершенно смешавшись, кивнул Мартин.

В корчме «Счастливые половички» он оста-

навливаться любил. Хозяйка Тенна — статная сероглазая женщина — кроме того, что помогала мужу в содержании корчмы, плела на продажу соломённые половички. И вроде такие же точно можно на любом базаре по дешевке купить. Но не такие. У Тенны половички выходили особенные: положишь такой в доме — и словно стены светлеют, а грязь, свары, болезни обходят жилище стороной. Многие годы. Мартин всегда заказывал у хозяйки партию товара — на сколько денег хватало — «счастливые половички» расходились быстро. Заезжал к ней два, а то и три раза в сезон. Но до вчерашнего вечера и не подозревал, что у Тенны есть слепая дочь. А тут... Увидев, как незнакомая пигалица шарит руками в его поклаже, Мартин поначалу расвирепел. Гаркнул что есть силы: «Куда полезла?». Но когда девчушка повернула к нему незрячее лицо, торговца передернуло: он всегда старался обходить калек стороной, они вызывали в нем смешанное чувство жалости и раздражения. На крик высунулась из дверей Тенна. Подошла быстрым шагом, прижала к себе девочку, пояснила: «Это дочка моя, слепая от рождения». Мартин молчал, не зная, что сказать. А малышка вдруг расплакалась, повторяя: «Пусть он отдаст, там мое» — «Что твое, доченька?». Но девчушка только редела и тянула руки к сундучку. В конце концов, мать увела ее в дом. А Мартин, раздираемый непонятным чувством досады, расплатился и уехал.

Сейчас, вспоминая о происшедшем, парень зябко передернул плечами. Прохожий с хрустом переломил ветку, подбросил в костер. Спросил с горькой уверенностью:

— Добром не отдашь?

— Еще чего не хватало, — Мартин фыркнул и отодвинулся подальше. — Ты к моему огню пришел — посидеть, погреться. А теперь я должен свое богатство тебе отдавать? Иди-ка лучше сам — туда, откуда пришел.

И отодвинулся еще дальше — ему вдруг стало страшно. Показалось, что прохожий сейчас набросится, попытается отнять сундучок. Да еще этот пес: бежать по лесу, отбиваясь от преследующей тебя собаки — невеселое занятие...

Но прохожий не двинулся с места, даже не обиделся как будто. Помолчал, разглядывая Мартина. Потом легко поднялся и с поклоном произнес:

— И правда, пойду я. Спасибо тебе, добрый человек, за тепло и заботу. Отблагодарить-то позволишь?

Внутри Мартина все сжалось. Точно — прохожий обманывает. За что благодарить? Но любопытство пересилило осторожность, парень смущенно буркнул:

— Ну, отблагодари, если есть за что.

— Как привечал, так и награжу, — кажется, усмехнулся путник.

Мартин опять подобрался, боясь, что мужчина захочет приблизиться. Но тот порылся за пазухой и бросил через костер крохотный блестящий ободок. Колечко. Парень поймал, покрутил в пальцах. Вроде серебро. Камней никаких, только по всей поверхности вьется хитрый узор. Можно было просто спрятать, но желание примерить подарок оказалось сильнее. Кольцо легко обхватило мизинец. И неведомая сила неудержимо потянула Мартина прочь от костерка: в последний момент он успел подхватить с земли плащ и сундучок. Дернулся было запрячь пони, но не тут-то было: ноги уже шагали неведомо куда. Обернувшись через плечо, Мартин крикнул черному силуэту прохожего:

— Куда ты меня отправил, злодей? И зачем?

— К дочке моей, — донеслось сзади. — Увидишь...

В ушах засвистел ветер, и Мартину показалось, что прохожий закончил: «... у кого украл глаза». Или это страх нашептал? Размышлять было некогда: колечко, сжимающее палец, гнало вперед, торопило... Мартин пристроил за спиной сундучок и зашагал по едва угадываемой в темноте тропке.

* * *

Деревня возникла из рассветного тумана: ничего примечательного — разбросанные между деревьями домишки, кривые улочки. Колечко остановило Мартина перед крепкими воротами, и, повинувшись его приказу, парень ударил в створку кулаком. Загавкали собаки. Потом заскрипела дверь, послышались шаги. В рассветной полутьме парень не сразу разглядел, кто открыл калитку. Только голос услышал — девичий, звонкий:

— Чем я могу помочь тебе, странник?

Мартин вытянул вперед дрожащие руки, чуть не падая от усталости. Девочка легко стянула с пальца кольцо. И Мартин рухнул бы — да вовремя ухватился за створку ворот.

— Проходи.

Она помогла ему зайти во двор, подняться по

ступеням. Но дальше Мартин не пошел — сел прямо у дверей, чувствуя, как упирается в спину сундучок. Только отдышавшись, нашел в себе силы поглядеть на стоящую рядом девочку. И узнал льдистое сияние, которое не раз видел на дне сундучка. «Глаза отца, — мелькнула непрощенная мысль. — А у нее должны были быть изумрудными». Он отвернулся, стиснул зубы. Услышал вдалеке гудение хмельных голосов, разноголосицу музыкантов, всплески хохота — так может шуметь только затянущееся до утра гулянье.

— Что это?

Хозяйка пожалала плечами — дрогнули перекинутые на грудь тонкие косички:

— Празднуют. Впервые за четырнадцать лет родилась девчушка с кошачьими глазами.

Мартин уловил в голосе девочки не то скрытую зависть, не то злорадство. Спросил:

— Почему же ты не на празднике?

— А меня не звали. Да и зачем я им буду глаза мозолить? И так надоела.

Не нужно было спрашивать, но Мартин опять задал вопрос:

— Чем?

Он думал, девчонка промолчит, но она легко ответила:

— Не могут простить, что отец свои глаза мне отдал. А у них на это храбрости не хватило. Ни у Вилла, ни у Грегора. Вместо того чтобы безглазков своих пожалеть, меня ненавидят.

Опять сверкнула глазами, похожими на осколки льда, задумалась. Парень развел руками, осторожно заметил:

— Ты так ответила, словно я в ваших делах понимать должен. А я, прости, ничего не знаю.

Его собеседница фыркнула, словно кошка:

— А зачем тебе что-то понимать, прохожий? Мы же с тобой просто так, ни о чем говорим. Ты вежливо спрашиваешь, я вежливо отвечаю. Но, если хочешь, могу и понятнее рассказать.

— Да, расскажи, — против воли вырвалось у Мартина.

Девчонка помолчала, наматывая кончик тонкой косицы на палец, еще раз нахмурилась, но заговорила:

— Все знают, что есть на свете люди, к которым прилетают кошачьи звезды. Когда такой человек рождается, звезды падают с неба, и младенец получает кошачьи глаза. А с ними какое-нибудь необычное умение. Про другие села и города не скажу, не знаю, — много ли там таких

людей живет, — а в нашей деревне раньше трое было. Мой отец, здешний колдун, кузнец Вилл и резчик Грегор. У каждого в свой срок родилось по младенцу...

Девочка надолго замолчала, потом все-таки продолжила:

— Я была первой. Мама говорила, что отец сам видел, как изумрудные звезды летели к земле — и вдруг пропали. А я заплакала. И, поглядев на меня, родители поняли, что звезды не долетели до колыбели. И теперь слепой останусь... Отец не смог перенести, что я буду калекой. Отдал мне свои глаза. И ушел. Сгинул — будто его и не было. Хотя перед уходом Виллу сказал, что найдет того, кто у меня глаза украл. Это все было так необычно, что полгода, говорят, деревня судачила, а потом родился сын у самого Вилла. У него уже было двое сыновей, но оба — с обычными глазами. А тут — моргнули в небе кошачьи звезды. И исчезли. А ребенок заплакал. Все повторилось. Только остался сын кузнеца слепым. Потому что его отец и не подумал глазами делиться.

Рассказчица присела рядом на ступеньку, нахихлилась.

— А кто родился у третьего, Грегора? — искоса взглянув на нее, спросил Мартин.

— Дочка. Арлетт. Ей сейчас восемь. Каждый день, говорят, плачет, потому что хочет рисовать — и не может. Я-то мимо их дома редко хожу. А то обязательно гадость скажут или подзатыльник отвесят. Слышишь, это как раз у Грегора гуляют. Вчера у него вторая дочь родилась. С изумрудными кошачьими глазами. Теперь бедной Арлетт совсем не жизнь.

Они замолчали — уже надолго. Потом вдалеке пьяный хор грянул песню, и девочка, поморщившись, шевельнулась. Поднялась:

— Отдышался? В дом проходи. Накормлю-напою, как хозяйке положено.

— Ты за старшую, что ли? — снова полюбпытствовал Мартин. — Родительница-то твоя где?

Но послушно встал и вслед за хозяйкой прошел в двери. Девочка захлопотала, хотя парень сразу понял, что наестся досыта в этом доме не выйдет — бедно живут хозяева.

— Матушка ушла отца искать, уже пять лет как. Меня на дядю, отцова брата, оставила, только мне проще с дедом жить. Старый, но не глупый, и делать позволяет, что захочу — колдовать помаленьку. Меня бы давно со свету сжили, но никто лучше не может дождик накликасть или солнышко.

А уж со звездами мне договориться — легче легкого...

Девочка оборвала себя на полуслове, поставила перед Марином миску с жидкой похлебкой, подала хлеб. Опустилась напротив:

— А вчера мне пустопадка за шиворот закатилась. Желтенькая, горячая. И, пока я ее вытряхивала, шепнула, что придет ко мне гость от батюшки. Мимо не пройдет — непременно в ворота постучится. Видно, ты и есть этот гость. Скажи, не встречал моего отца?

И так поглядела — не соврешь.

— Встречал, — неохотно признался Мартин. — Он мне колечко дал. Которое меня чуть до смерти не загоняло, пока к тебе довело. Видно, сильно твой отец захотел, чтобы я к вам в гости заглянул. Одного понять не могу — зачем он это сделал?

Парень постарался слукавить, но девочка презрительно поджала губы:

— Затем, что кошачьи звезды поймал. А отдавать не желаешь.

Мартин лихорадочно притянул поближе только что снятую с плеч поклажу. Хозяйка совсем скривилась:

— Да не пугайся — не отниму. Твой сундучок — непростой, никто, кроме тебя, его не откроет. Да и открыв, содержимое не возьмет. Где только добыл такой? И что мне с тобой, дураком, прикажешь делать?

Парень насупился, но ничего не ответил. И она смягчилась:

— Ладно, ешь пока. Как зовут-то тебя?

— Мартин.

— А меня — Проклятая Хелли. «Проклятая» — это селяне удружили.

Мартина словно кто-то за язык потянул:

— А может, они и правы. Ты знаешь, что тебе отец вместе с глазами свой взгляд на мир передал? Без них — ты бы по-другому на все смотрела.

— Ага, ничего не видела бы, — съязвила девочка.

И парень прикусил язык. Молча поел. Отставил миску. Хелли уже подошла забрать посуду, но в ворота опять постучали. Девочка обернулась к дверям, спросила удивленно:

— Кому я еще понадобилась? — глянула на Мартину: — Посиди здесь. Только сбежать не пытайся — у меня вместо забора боярышник растет, вот с такими колючками, — она показала половинку указательного пальца. — И ему приказано охранять.

Вышла. Парень поудобнее устроился на лавке — после еды неумолимо потянуло в сон. Но спать было нельзя. Мартин потряс головой, потом подошел к приоткрытой двери, чтобы усталость выдуло сквозняком. И услышал злой голос Хелли:

— Уведи ее туда, откуда привел, Том. Быстро. Иначе нам всем плохо придется.

Ломкий мальчишеский голос ответил:

— Хелли, ну помоги, пожалуйста. Там все веселятся, а она рыдает. Чего я только не делал... Сейчас Грегору на глаза попалась. Как он разозлился — думал, прибьет. Ну, сделай что-нибудь. Напои какой-нибудь травкой.

— Я не знахарка, травами не лечу, — отрезала хозяйка дома. — А если тебе ее жалко — увел бы с праздника.

— Так она не уходит.

— Сейчас-то ушла... Слышишь, Арлетт? Иди домой и спрячься куда-нибудь, пока отец не проспится.

Скрипнула отворяемая калитка.

«Арлетт. Безглазка. Дочка Грегора. У которой родилась сестра», — пронеслось у Мартина в

мозгу. Он подобрался ближе, прильнул к дверной щели. Вон, спиной к нему стоит, теребя тонкую косицу, Хелли. А перед ней худощавый паренек в белой вышитой рубаше — сразу видно, что с праздника — и прижимающаяся к нему девчужка.

Паренек, которого хозяйка назвала Томом, попытался еще раз просить, но Хелли мотнула головой, шикнула:

— Ты же знаешь Грегора — и остальных. Забыл, как он в прошлый раз грозился?

И гость виновато потупился:

— Ну, извини. Пойдем, Арлетт, — мальчишеский голос дал петуха.

Окончательно смешавшись, его обладатель попытался увести плачущую девочку. Но у той еще сильнее брызнули слезы. Мальчишка остановился, беспомощно глядя на Хелли.

— Ладно, — неожиданно согласилась та. Присела на корточки, осторожно заглядывая девочке в лицо, негромко позвала: — Арлетт, послушай. Арлетт! Сегодня вечером, как только звезды зажгутся, Том выведет тебя в поле. Ты ведь это сделаешь, Том?

— Да.

— Отлично. А я обещаю, что уроню с неба самую яркую пустопадку. Тебе только и останется — загадать желание...

— Оно... не сбудется, — еле слышно всхлинула девочка.

— Ты загадай сначала, — переглядываясь с мальчишкой, одернула ее Хелли. И этот предупреждающий взгляд подсказал Мартину — врет Хелли. И приведший девочку Том знает о ее вранье: ни одному колдуну не добиться от пустопадки исполнения желания. Но мальчишка будет молчать. А Хелли, сжимая зубы, колдовать, подбадривая себя: «А вдруг удастся?».

* * *

Когда Хелли вернулась, Мартин уже сидел на прежнем месте. Но девочка, как о само собой разумеющемся, распорядилась:

— Если начнутся расспросы — ты никого не видел. Никто сюда не приходил. Ясно?

— Да, — решив, что не стоит разыгрывать недоумение, кивнул тот. — Только ответь, чего ты боишься, Хелли?

Она отвернулась, убрала со стола пустую миску и тогда, поймав ждущий взгляд Мартина, ответила:

— Если Грегор узнает, что я помогаю его дочке, от него всего можно ждать. Дурной человек. Он уже всей деревне раззвонил, что через меня — все его несчастья. Хорошо хоть не придумал, что это я глаза у Арлетт украла...

— Ну, в этом тебя трудно обвинить.

Хелли присела на лавку, обхватила голову руками:

— Да кто его знает. Четырнадцать лет прошло, а они все не могут смириться, что кошачьи глаза можно передать. Напугал их мой отец, до смерти напугал. Что Грегор, что Вилл — им не дочку с сыном жалко, они за свои глаза трясутся. Вдруг я против воли у них глаза заберу, а детям отдам?

— А ты можешь? — почему-то дрогнувшим голосом спросил парень.

Девчонка на миг замерла, вскинув тонкие брови, потом залилась смехом: глаза заискрились, словно освещенный солнцем родник.

— Сразу видно, что ты не колдун. Не могу, конечно. Чтобы против воли у человека что-то отнять — это надо такую силу иметь, которой даже у моего батюшки нет, наверное. Что уж про меня говорить.

И разом посерьезнев, продолжила:

— Ты ночь не спал — глаза красные? Пойдем, на чердаке тебя устрою. Отдохнешь. И про договор подумаешь, — она кивнула в сторону сундучка. — Падающие звезды придется отдать, без этого я тебя не отпущу.

— Какой еще договор? — вскинулся Мартин, чувствуя, как заколотилось от страха сердце. Но Хелли осталась спокойной:

— Не знаю. Звезды твои — тебе и цену назначать. Только... когда вздумаеть торговаться, помни, что продаешь краденое.

* * *

Оставшись один, Мартин, то и дело оглядываясь на дверь, открыл заветный сундучок. Достал изумрудную пару кошачьих глаз, подержал в ладонях и неохотно опустил обратно. Отдавать звезды было жалко до невозможности, но — куда денешься? Просто так не отпустят. Может, и про сундучок девчонка нарочно сказала, что ей его не открыть, чтобы Мартин успокоился. А как жаль: одна-единственная пара изумрудных звезд — и ведь придется отдать. Или не отдавать? Ведь больше такой не будет — Мартин был уверен, что

не сможет больше ловить кошачьи звезды, зная, что отнимает у кого-то глаза. Но одно дело отнимать, а другое — отдавать... Жили ведь эти «безглазки» как-то — и дальше проживут. Он постарался забыть дочку Тенны и плачущую Арлетт. Мало ли, кто плачет. С глазами тоже можно всю жизнь слезы лить. Вон у Хелли есть глаза — радовалась бы. Так нет — условия ставит. Как будто собирается двумя парами глаз на мир смотреть. Парень замер. А ведь точно, не может быть такого. Выходит, прежде чем изумрудные звезды получить, девчонке придется свои глаза отцу вернуть...

Гость опять закрыл сундучок, задумался, подперев подбородок руками. Что бы такое придумать, чтобы вроде и пообещать — и не отдать. «Эх, Хелли, Хелли, не знаешь ты, с кем связалась. И твой отец напрасно на мою совесть рассчитывает. Глаза хочешь получить? А безглазкой очутиться не желаешь?». Мартин оборвал скачущие мысли, сообразив, что нашел выход. Или кто-то ему нашептал? Стало страшно, но возбуждение быстро прогнало страх. Надо будет так и сказать девчонке: «Хочешь получить глаза — побудь целый год слепой». Если Хелли согласится — хорошо, а откажется, так, как говорится, на нет — и суда нет. Но девочка согласится — он чувствовал. Останется заключить договор — и Мартин свободен: не будет же она целый год его под замком держать. А что будет через год — время покажет. Для того, чтобы Мартина к ответу призвать, его ведь сначала отыскать нужно...

Он лег грудью на сундучок, прижался к нему всем телом и на удивление быстро уснул.

* * *

Когда Мартин проснулся и выглянул в крохотное чердачное окошко, солнце уже клонилось к западу. Парень, позевывая, собрался, закинул на плечи сундучок и по приставной лестнице спустился вниз. Окликнул хозяйку, но в доме, похоже, никого не было. Поддавшись искушению, Мартин толкнул входную дверь и уверенной походкой подошел к воротам. Что там Хелли говорила про кусты боярышника — что они охраняют? Пусть охраняют, он, Мартин, и через калитку спокойно выйдет — та даже не заперта, похоже. Глянув по сторонам, Мартин толкнул струганные доски... Калитка дрогнула и словно вернула удар, ощутимо стукнула по руке. Парень, не сдаваясь, навалился

плечом — и понял, что переоценил свои силы: ка-литка как будто превратилась в каменную стену.

— Напрасно стараешься, — раздался за спи-ной голос Хелли. — Ее еще батюшка мой заколдо-вал. Без хозяйского позволения она никого наружу не выпустит. И во двор не пустит. Иди обратно в дом, Мартин.

Пришлось подчиниться. Хелли, не обращая внимания на его насупленный вид, поставила перед парнем молоко и хлеб. Предупредила:

— Мне скоро нужно будет уйти. Ты глупостей без меня не наделяй, а то будешь до моего прихо-да висеть на заборе, как муха в паутине: боярыш-ник у меня злой и колючий.

— Что — Арлет пойдешь обманывать? — под-ковырнул разозленный Мартин.

Девчонка вскинула голову, словно норовистая лошадь. Но ответила не сразу, для начала про-жгла ледяным огнем. И только потом сказала:

— Может, и не обману. Если ты кошачьи звез-ды вернешь — ее пустопадка вещей окажется.

— А кто тебе сказал, что я каждому буду звез-ды возвращать? Такого договора у нас с тобой не было.

— У нас еще никакого не было, — грустно возразила Хелли. — Но я лучше без глаз останусь, чем буду жить, зная, что глаза Арлетт, Вилла-младшего и всех остальных ты по-прежнему в сун-дучке носишь.

Мартин бросило в жар, а потом в холод: надо же, девчонка сама произнесла те слова, о которых он перед сном раздумывал. Он уже собрался произнести заготовленную фразу насчет договора. Но Хелли внезапно добавила:

— Как тебе вообще пришло в голову кошачьи звезды ловить?

Понимая, что упустил нужный момент, парень дернул плечом:

— Ты же пустопадки с неба стряхиваешь. Не-бось надеешься, что они каждому загаданное же-лание исполняют. А я кошачьи звезды всегда соби-рать хотел. Кто-то монеты копит, кто-то драгоценные камни, почему же не звезды? — он замолчал, не зная, что еще тут можно добавить.

Но девчонка поняла, кивнула со знанием де-ла:

— У меня дед, с которым я сейчас живу, рань-ше собирал использованные волшебные вещицы. Знаешь, иногда колдун срежет прутик, наложит на него заклинание — один раз костер разжечь, например. Использует. И все, после этого прутик превращается в то, чем он был. Его только выбро-сить. А дед собирал. Говорил, что сила колдуна в таких вещах все равно остается. Может, и остает-ся, только, хотела бы я знать, зачем этот мусор хранить?

Парень не нашелся, что ответить, и она про-должила:

— После того как мой отец ушел, он через знакомых колдунов изредка пересылал нам ве-сточки: сначала матушке, а потом и мне. Так вот, все, к кому он за помощью обращался, по его сло-вам утверждали, что никто не станет кошачьи звезды ловить. Мол, никому они не нужны. Да и невозможно это. Я бы и сама не поверила, что можно звезды в сундучок спрятать, если бы сия-ние не видела. Вот ты сказал: всегда хотел коша-чьи звезды собирать... Я тоже могу хотеть — луну

с неба достать, а толку? Сколько лет ты свой сундучок искал и у кого добыл?

— Да не искал я его, случайно вышло, — вырвалось у Мартина, и под требовательным взглядом Хелли он принялся рассказывать: — Рядом со мной человечиска жил, так, ничего особенного — алхимик. Жуткий пьяница. Сколько раз деньги приходил занимать. А мне однажды и надоело. Я ему говорю: «Отдавай что-нибудь взамен». Тогда он принес этот сундучок. Клялся, что им кого хочешь можно словить — главное, приманку нужную поставить. Мышь для примера поймал. Я его спрашиваю: «А на что звезду приманить?». Он в ответ: «Одну в сундучокймаешь — все будут твои». А как — даже одну поймать?

Парень замолчал, глядя перед собой невидящими глазами.

— И как? — зачарованно поторопила его Хелли.

— Однажды купил серебряное зеркальце на ярмарке, положил в сундучок. И... попались.

— Хитрый, — с легким восхищением похвалила девчонка. — Может, кто тебе подсказал?

— Нет, я же говорю — сам догадался, — довольно заявил Мартин.

Хелли усмехнулась, потом бросила взгляд в окно:

— Ладно, мне еще корову доить, а скоро звезды покажутся. Займись пока чем-нибудь.

Вышла. А Мартин с беспокойством притянул к себе сундучок. Приоткрыл — и тут же захлопнул, ослепленный знакомым блеском. Как можно отдать даже одну пару кошачьих звезд? А все сразу — как Хелли может такое требовать? Неужели не догадывается, что Мартин скорее даст себя на куски разрезать, чем добровольно расстанется со своим ворованным богатством... А если его принудят? Пока Хелли не особенно грозила, но парень не сомневался, что девчонка силой отобрала бы у него звезды, если бы могла. Значит, не остается ничего другого, как соврать. Обманом вырваться из этого дома. А что будет дальше с Хелли и другими безглазками — его не касается.

* * *

Мартин сидел на крыльце и смотрел в небо. Хелли ушла давно, и парень боялся пропустить пустопадку: он не верил в волшебство, но больно хотелось поглядеть, на какой звездочке будет загадывать свое желание Арлетт. Наконец, одна полетела вниз — маленькая, бледно-голубая — видно, не получилось у Хелли уронить крупную красивую звезду. Впрочем, безглазка вряд ли заметит, что дочка колдуна ее обманула. Не успели эти злорадные мысли всплыть в голове Мартина, как следом полетела вниз еще одна пустопадка. На этот раз — изумрудная, большая. «Молодец, Хелли, — невольно похвалил Мартин. — Но хоть десяток звезд урони — Арлетт от этого не зреет».

И тут в ворота гулко ударили. То ли кулаком, то ли ногами.

— Хелли, открой! — раздался сердитый мужской голос.

Поначалу Мартин решил не откликаться. Но когда на безвинное дерево посыпались частые удары, улучив паузу, ответил:

— Нет ее, ушла!

— А ты кто такой? — озадаченно спросил пришедший.

— Прохожий.

— С каких это пор Хелли путников в дом пускает? — невидимый голос не скрывал недоверия.

— Я ей вести от отца принес.

Похоже, ответ Мартина не пришелся по вкусу

собеседнику, тот не убавил грубости:

— Не знаю, какой ты прохожий, но я подожду: рано или поздно девчонке придется выйти. Тогда и поглядим, кто там у нее гостит. Если она в доме — лучше позови. Потому что, если ты врешь — мало тебе не покажется: я — здешний кузнец.

— Сейчас хозяйка придет — разберетесь, — спокойно заметил Мартин, вспомнив, что кузнеца зовут Вилл, что, по словам Хелли, у него кошачьи глаза и слепой сын.

Мужчина за забором прошелся взад-вперед, похрустывая камешками, снова спросил:

— Эй, прохожий, а ты давно появился в доме?

— Сегодня, чуть свет, пришел.

— А ребята к хозяйке не приходили?

— Не знаю, я целый день проспал, — помня об уговоре, сказал Мартин и счел нужным поинтересоваться: — А что — пропал кто-нибудь?

— Да, дочка резчика убежала. Слепая.

Мартину следовало бы удивиться, заохать, но парень не стал продолжать расспросы. Он нащупал ляжки лежащего рядом сундучка и стал прикидывать, на руку ему или нет такой поворот событий. Вилл тоже притих за забором. И в наступившей тишине за спиной слишком громко прозвучал голос Хелли:

— Ты что сидишь на пороге, Мартин?

Парень вздрогнул от неожиданности, прошептал:

— Как ты здесь оказалась?

— Меня боярышник с заднего хода пропустил, — тоже понизила голос девочка. — Я всегда задворками возвращаюсь, когда в темноте из дома ухожу.

— И правильно, тебя тут поджидают...

А из-за забора уже донеслось:

— Хелли, отвори!

— Кто там?

— Вилл, кузнец. У меня к тебе важный разговор.

— Прости, Вилл, не пушу, — твердо и спокойно ответила Хелли.

— Глупая девчонка, я, между прочим, хочу помочь. Дочь Грегора пропала. Если к утру не отыщется — здесь будет вся деревня.

— Отыщется. И тебя уже разыскивает жена. Иди домой, Вилл.

Слышно было, как под ногами кузнеца хрустнули камешки, но он тут же остановился:

— Хорошо, я ухожу. Только ответь: они приходили к тебе сегодня — Том и Арлетт? Я видел,

как мой балбес уводил девочку с праздника. Он точно потащил ее к тебе...

Хелли чуть замялась, но ответила твердо:

— Приходили, но я их на порог не пустила. Все, доброй ночи, Вилл. Идем, Мартин.

Хозяйка чуть не насильно затащила Мартина в дом, зажгла свечу. Парень прижал к груди светящийся сундучок, но девочка не обратила внимания даже на этот свет. Подошла к жбану с водой, зачерпнула ковшиком, жадно выпила. Потом присела на лавку, подперев подбородок ладонями, и замерла, глядя на огонек свечи. Молчание тянулось и тянулось. Наконец Мартин не выдержал:

— Хелли!

Девчонка взглянула на него:

— Если завтра они придут... — ее голос дрогнул. — Не надо было мне слушать Тома. Впрочем, ты только обрадуешься — не придется кошачьи звезды отдавать.

Мартин, не выдержав, подошел и положил руку ей на плечо:

— Ну, не убьют же они тебя, ты ничего такого не сделала...

Хелли вдруг расплакалась, как утром рыдала Арлетт, — не сдерживаясь, навзрыд. Слезы залили лицо. Сквозь прерывистые всхлипы парень услышал:

— Убьют. Я одна, понимаешь, Мартин? Дед не встает. Если подпалят дом... Никому отсюда не выбраться. Матушка с отцом придут, а здесь... пепелище.

— Да перестань ты! — парню захотелось тряхнуть ее, что есть силы. Но Мартин сдержался. Вроде окрик помог — Хелли чуть успокоилась. Но упрямо возразила:

— Не перестану. Та пустопадка, которая сегодня первой упала... она... предупредить хотела, — девчонка оборвала себя, зашептала, глядя Мартину в лицо посверкивающими в темноте глазами: — Верни глаза Арлетт. Сейчас, сегодня ночью. Если ты это сделаешь, им незачем будет приходиться. А иначе я завтра перед всеми расскажу, кто виноват в слепоте Арлетт, Вилла-младшего. И моей. Грегору-то вряд ли поверит, а Вилл-старший...

— Нет! — Мартин отпрыгнул к сундучку. — Мы еще не заключали договора. Может быть, ты все нарочно подстроила и кузнеца подговорила. Не будет завтра никакой толпы — а звезды назад уже не вернешь.

Льдистые глаза Хелли потускнели:

— Скрыга, — тихо, но отчетливо заметила она.

— Не буду завтра молчать, пусть тебя хоть на части разорвут.

Поднялась, приказала холодно:

— На чердак подымайся, поздно уже.

— Хелли, погоди, — испугавшись ее решительного вида, пробормотал Мартин. — Давай договоримся. А завтра, если люди придут, я сразу выполню свою часть договора.

Глаза девочки чуть заметно потеплели. Она снова опустилась на лавку:

— Ты просто не знаешь, как все завязано. Том, паренек, который Арлетт ко мне приводил, — сын Вилла.

— Он же зрячий, — удивился парень.

Хелли усмехнулась:

— У Вилла четверо сыновей. Слепой — Вилл-младший. А Том — с обычными глазами. Он давно Арлетт опекает, я ни у кого такой дружбы не видела.

— Ну и что?

— А еще Том, наверное, единственный, кто верит в мое умение колдовать. И все об этом знают, — Хелли подошла к свече, поводила над пламенем ладонью, продолжила: — Раз Вилл-старший догадался, что они были у меня, он из Тома правду выбьет. Да и Арлетт не сумеет отцу соврать, если тот ее припугнет...

— Ты стряхнула для девочки пустопадку — какое в этом преступление?

— Никакого. Но меня Грегор убить обещал, если я к его дочке подойду. Я уже один раз для Арлетт колдовала... — она махнула рукой. — Ладно, говори, что нужно сделать, чтобы ты звезды отдал.

Парень представил, как завтра перед толпой появляется слепая Хелли, и, внезапно испугавшись, пробормотал:

— Давай, я завтра тебе расскажу, а? Заодно увидим, придет кто-нибудь или нет. От этого и договор может звучать по-разному.

Хелли недоверчиво сверкнула льдистыми глазами, но промолчала. И Мартин порадовался тому, что может завтра назвать условие, которое явно не покажется девочке легким.

* * *

Но все получилось не так, как задумывалось. Утром, как только Хелли накормила его завтраком, Мартин, запинаясь чуть не на каждом слове, объявил:

— Хочешь получить кошачьи звезды — верни глаза отцу и проходи год безглазкой. И я тебе их отдам.

— Прямо так все звезды и отдашь? — недоверчиво уточнила девочка.

— Не все — только твои. Изумрудные. Я уже говорил: с чего ты взяла, что я все звезды тебе отдам?

— Не мне — безглазкам, — глядя на Мартина, как на деревенского дурачка, пояснила Хелли: — Они всю жизнь слепыми ходят, что — не заслужили?

— Да какое тебе до них дело? — рассердился парень. — Они у меня ничего не просили — я им ничего не должен. Ты со своими глазами разберись, а потом за других хлопочи. Лучше ответь — согласна ты на такой уговор?

Хелли смерила его недобрый взглядом, прошипела:

— Во-первых, звезды ты вернешь все, а, во-вторых, на слово я тебе не поверю. Если все звезды вернешь — давай, будем заключать договор. Но ты при мне откроешь сундучок — и на этих самых звездах поклянешься держать данное слово.

— Еще чего!

— Поклянешься-поклянешься!

— Нет!

— Да!

— Не шумите.

Мартин обернулся и увидел в дверях знакомого путника с черным псом, а рядом с ним — женщину. Вжался в стенку, понимая, что теперь так просто Хелли ему не уговорить. А девочка смотрела отцовскими глазами на слепого отца и молчала. И что-то такое было в ее молчании, что даже Мартину стало не по себе. Но терять парню было нечего, и он задал путнику вопрос:

— Как ты догадался, что я собираю кошачьи звезды? Ни один человек об этом не знал.

Прохожий усмехнулся:

— Ходил — расспрашивал, звезды в рукава ловил. Сундучок у тебя необычный, всякий, кто увидит, надолго запоминает. Хоть и нет в нем вроде ничего особенного. Признавайся, где взял?

— Да какое тебе дело? — ошетинился Мартин.

— Такое, — усмехнулся путник: — Открыть твой сундучок не многим под силу, а вот с тобой расправиться... Сейчас как крикну народ — и через миг мокрое место от тебя останется. Когда узнают, что ты хранишь. Так что не сердь меня.

Мартин прижал сундучок к груди. Сказал тоже зло:

— Никого ты не позовешь — ты дочке глаза вернуть хочешь. Мы с ней почти что договорились. Вот и не мешай нам.

— Хелли, — обратился невидящие глаза к девочке хозяйин дома, — без моего позволения никаких договоров ты с ним не заключишь. Видишь же: ничем он с тобой делиться не собирается, только без глаз оставит.

— Это мы еще посмотрим, — тряхнула тонкими косичками Хелли. — Спасибо, что позволил мне видеть солнце и звезды, отец. Только не ты меня растил — не тебе мной и распорядиться.

— Дочка! — ахнула женщина.

Но девочка уже схватила Мартина за руку, потянула:

— Пойдем.

Выскочили из комнаты мимо застывших в дверях родителей, пробежали во двор, поднялись на сеновал. Хелли довольно плюхнулась в сено.

— Там дверь вверх, на чердак, где ты ночевал. А через нее — во вторую половину дома. Пока мать все не обыщет — сюда не станет заглядывать. Успеем договориться, — возбужденно пояснила девочка, потом холодные глаза потускнели: — Только надо договор заключить раньше, чем отец с мамой догадаются, где меня искать. Я тебя сразу и отпущу — меня боярышник слушает беспрекословно. Будешь клясться на звездах?

— А ты глаза отцу вернешь?

— Хоть сейчас. Я все равно собиралась это сделать. Просто... он ушел, когда я еще совсем маленькой была, я его и не помнила. Тому, кого не знаешь, ничего передать нельзя. Ну, или очень трудно... А сейчас я его увидела, даже прикоснулась незаметно. Да и кошачьи глаза, как только его узнали, разволновались. Тянутся к нему. Мне их отпустить нужно будет — и все. Давай, Мартин, открывай сундучок. И клянись, что отдашь все звезды, если я год прохожу безглазкой...

Парень замялся.

— Ты не раздумывай, — видя его нерешительность, рассердилась Хелли, — отец так просто тебя не отпустит. Посидишь полгода в погребе — на все согласишься. А я тебе договор предлагаю.

— Хорошо. Глаза отдавай...

Девочка прикрыла веки, зашевелила губами. Прислушалась к чему-то внутри себя. И подняла на Мартина пустой невидящий взгляд:

— Теперь быстро — батюшка уже догадался, в чем дело.

Мартин отодвинулся от девочки, неохотно открыл сундучок — кошачьи звезды вспыхнули, освещая лицо Хелли. Она улыбнулась, двинула рукой:

— Вон мои.

— Через год получишь, — заслоняя сокровище, грубо оборвал ее Мартин. Облизал пересохшие губы: — Я, Мартин-торговец, клянусь, что через год отдам Хелли, дочке...

— Шела, — подсказала девочка.

— Дочке Шела все кошачьи звезды, хранящиеся в моем сундучке. За то, что она год проходит слепой. Вы, кошачьи звезды, будьте нашими свидетелями и судьями.

Мартин запнулся, ожидая какого-нибудь знака, но звезды сияли одинаково ярко, только изредка одна или другая пара словно подмигивала Хелли. Выждав, парень захлопнул сундучок, приказал:

— Пошли, проводишь меня до ограды.

— Руку мне подай, — попросила девочка.

Без льдистых глаз и уверенной походки она показала Мартину совсем другой — маленькой, потерянной. Еще и спотыкающейся на каждом шагу. Они молча дошли до кустов боярышника. Здесь Хелли протянула вперед ладошку, коснулась шипастых веток, и они послушно разошлись в разные стороны, открывая Мартину путь к свободе. Он уже был готов шагнуть, но Хелли окликнула:

— Мартин, я тебе за несколько дней до условленного срока звездочку-пустопадку пришлю. Она тебя сюда проводит.

— Ага, — нетерпеливо кивнул парень.

— До встречи через год — я ждать тебя буду.

— Жди, конечно, — парень быстро протиснулся между ветвей, ожидая, что они сомкнутся вокруг. Но боярышник пропустил Мартина: последнее, что он увидел через смыкающиеся ветви — отца Хелли. Тот выскочил во двор, подбежал к дочери, тряхнул за плечо:

— Зачем ты это сделала, дурочка? Меня не послушала. Он не вернется.

Хелли только плотнее сжала губы, ничего не ответила. Чуть успокоившись, Мартин отвернулся и зашагал прочь: он уже понял, что преследовать его не собираются. Но сзади мужской голос окликнул:

— Эй, торговец, твоя лошадка с грузом во дворе стоит. Может, вернешься?

Мартин вздрогнул. Но не стал оборачиваться, только ускорил торопливый шаг. Внутри билось

торжество с непонятным привкусом горечи. Но парень старался не замечать неприятный осадок. Просто шагал. Все дальше и дальше, день за днем: то вересковыми пустошами, то березняком, то сосновым бором. А отмеренный год тянулся неспешно, словно не было никакого уговора, словно Мартин по-прежнему был торговцем, бродяжничая со своим сундучком. Будто все по-старому. Только теперь не на что было жить, приходилось наниматься на пару дней за еду или просить милостыню — вернуться к родителям в город Мартин побоялся. И еще одна странность заставляла сжиматься сердце — ни разу парень не увидел в небе кошачьих звезд. Пустопадки мелькали: Мартин провожал глазами падающие искорки, вспоминал Хелли, усмеялся. Иногда открывал сундучок. Брал в руки изумрудную пару звезд: «Неужели веришь, что я тебе их отдам?». Шел дальше, петлял, стараясь запутать следы. Веря, что никакой колдун его теперь не отыщет... Но подошел срок договора — и в руки скатилась желтенькая, словно огонек неяркой свечи, звездочка. Мартин хотел отшвырнуть ее, но передумал. Пустопадка не жгла ладонь — грела, дрожала на ветру, всеми силами хотела что-то рассказать.

— Да, знаю-знаю, Хелли тебя послала, — вслух ответил на ее безмолвную просьбу Мартин. Хотел добавить, что напрасно девчонка это затеяла, но язык не повернулся. Он продолжил путь, не заметив, что сжимает звездочку в ладони. Когда понял, что та все еще с ним, — выбросить уже стало жалко. А пустопадка словно играла с человеком в горячо-холодно: то теплела крохотным костерком, то становилась прохладной и почти неощутимой. Поначалу Мартин не придавал этому значения, а потом вспомнил слова Хелли: «Она тебя назад приведет». И зашагал в ту сторону, где звездочка становилась холоднее — он не собирался возвращаться. И был уверен, что никто его не заставит. Но случилась другая напасть — начал тяжелеть сундучок. Мартин крепился, но на второй день пришлось скинуть свинцовую поклажу с плеч. Устроить вынужденный привал: уйти от сундучка парень не мог, а нести — сил не было. Конечно, можно было добежать до ближайшей деревни — купить ручную тележку или тачку, но страшно было оставить сокровище. Да и денег в кармане — разве что на краюху хлеба. Так Мартин и ходил вокруг до ночи: злился, чуть не пиная сундучок ногами, а ничего поделать не мог. А как только на темном небе проступили первые звезды

— сундучок вспыхнул. Занялся незнакомым холодным пламенем. Сквозь исчезающие бока засияли освободившиеся кошачьи глаза. Мартин попробовал поймать их в ладони, но звезды сверкнули и исчезли. И сундучок исчез. Сгорел дотла, не оставив даже пепла. И Мартин словно сгорел внутри. Нет, он не потерял память, но в груди образовалась пустота, сквозь которую разгуливал ветерок, вызывая ноющую боль. Только звездочка в ладонях по-прежнему грела. Изредка всплывали воспоминания — кошачьи звезды, слепой путник, девчонка с льдистыми глазами. Но Мартин почти ничего не чувствовал, будто сохраненные картинки достались ему от кого-то другого.

* * *

Он не помнил, как оказался в солнечном березняке, по которому носилась, перекликаясь, ватага деревенских ребят. Девочка — или уже девчушка? — с узким лицом и перекинутыми на грудь тонкими косами подошла к нему. Взглянула смутно знакомыми зелеными глазами:

— А ведь я знала, что ты захочешь меня обмануть, нарушить договор. Только, когда такое задумывают, на звездах не клянутся. Ты не знал об этом?

Парень не ответил. И она внимательнее пригляделась к нему. Загорелое лицо побледнело:

— Мартин, ты помнишь меня?

— Помню, — с трудом ответил парень. Откуда-то он знал — ее зовут Хелли. Но что с ней связано — ускользало. Вообще, говорить было тяжело. Мартин напряг память, пытаюсь сообразить, где и с кем он последний раз беседовал. Похоже, не говорил он уже очень-очень давно.

Хелли хлопнула в ладони, и беспокойная ребятня обступила их полукругом.

— Посмотри на нее, — девушка толкнула вперед только начавшую ходить малышку. — Это Анели. Она родилась в ту ночь, когда ты встретил моего отца. У нее изумрудные глаза. А это Вилл-младший.

Она кивнула в сторону рыжего мальчишки с теплыми желтыми глазами. Мартин проследил ее взгляд, поежился, — ему не хотелось вспоминать. Но в памяти уже всплыла картинка: паренек в белой рубашке и прижимающаяся к нему девочка. Преодолевая немоту, парень спросил:

— А где... другая?

— Арлетт? — сразу угадала Хелли. — Дома. Рисует. Грегор теперь на нее не надышится — таких узоров больше никто придумать не может.

В этот момент зеленоглазая малышка ловко вывернулась из ее рук, побежала прочь. Ребятня бросилась за ней. И Мартин остался один на один с Хелли. Они помолчали. Парень прислушивался к потревоженному девочкой равнодушию, сквозь которое теперь иголками кололи обрывки воспоминаний. И гадал, что можно еще сказать и надо ли вообще продолжать разговор. А Хелли явно ждала чего-то. Наконец, взглянула, но не сочувственно, а сердито:

— И что мне делать с тобой?

Он пожал плечами, разжал кулак, в котором зашевелилась, наливаясь солнечным теплом, пустопадка. Хелли с удивлением уставилась на звездочку:

— Это же я прислала ее. Но пустопадки живут только до рассвета, она в тот же день должна была погаснуть. Как у тебя получилось?

— Не знаю, — честно ответил Мартин.

— Дай посмотреть.

— Нет! — парень отстранился, не давая девочке притронуться к теплому комочку.

Хелли с досады фыркнула:

— Был жадиной — и остался. Да не смотри так, не буду я трогать твою звездку.

Махнула рукой, замерла, еще раз неуверенно

поводила ладонью в воздухе. Спросила озабоченно:

— Ты знаешь, что живешь с огромной дырой в груди? Это исчезнувшие кошачьи звезды так тебя распотрошили?

Не дождавшись ответа, прибавила:

— Хочешь, зашью? Я теперь шить умею. С закрытыми глазами, любые дырки. Научилась, пока безглазкой была.

Парень молчал, и девочка снова повторила:

— Так зашить дыру?

— Зачем?

Вопрос был глупый, но Мартин с трудом понимал целесообразность этой затеи: после потери кошачьих звезд жизнь все время казалась бессмысленной и ненужной. Хотя скользнувший по телу холодок подсказал, что Хелли, наверное, права — жить с дырой в груди неуютно. Парень еще немного поколебался и разрешил:

— Ладно, зашивай.

— Сначала сзади, — Хелли переместилась ему за спину, и Мартин почувствовал, как пальцы девочки стягивают края дыры, уверенно накладывая стежки. Ощущение было не из приятных, зато Мартин внезапно услышал громкое щелбегание птиц, а в нос ему ударил сильный грибной запах.

Хелли наложила последний стежок, провела между лопаток пальцем. Снова встала перед Мартином, скомандовала:

— Руку с пустопадкой приложи к груди, — и через пару мгновений добавила: — Ну, вот и все.

Парень разжал ладонь — звездочки не было. Взглянул на девочку: она кивнула так, что вздрогнули тонкие косы:

— Я зашила ее внутрь. Мне показалось, так будет правильнее.

Мартин опять хотел поинтересоваться «зачем?», не стал. Вместо этого произнес:

— Спасибо.

И отвернулся, зашагал прочь.

— Мартин, погоди, — окликнула сзади Хелли. — Мне кажется, отец хотел бы поговорить с тобой.

— В другой раз, — не оборачиваясь, бросил парень.

— А будет он — другой раз?

Пришлось остановиться, развернуться, сказать задумчиво:

— Не знаю. Но сейчас мне не о чем говорить... с твоим отцом.

Хелли не обиделась, хмыкнула, сверкнула зелеными глазами. Пообещала:

— Я тебе потом еще одну пустопадку пришлю. Или сам попробуй поймать падающую звездочку. И подарить кому-нибудь... Посмотришь, что из этого выйдет. Ты... такой сейчас сделался... интересный. Только чем — не разгляжу.

Ему неприятно было слушать, как она пытается найти слова утешения. Наверное, Мартин поморщился, потому что Хелли шагнула к нему, посмотрела снизу вверх, заговорила резко и быстро:

— Вот скажи на милость, за что ты на меня обижаешься? Мы с тобой заключили договор, ты его нарушил. И, если бы не звезды, осталась бы я навсегда слепой, а ты... ходил бы и дальше со своим сундучком, как ни в чем не бывало. По-твоему, кто на кого должен сердиться?

Мартин прислушался к себе и понял — верно, он сердится. Точнее, его раздражало, что эта девочка, которую он собирался обмануть (и обманул бы, если бы не вспыхнувшие звезды), с такой настойчивостью помогает ему. Он попросил:

— Не посылай ко мне никого — я сам приду, если захочу, — и добавил неизвестно зачем: — Кстати, кошачьих звезд я больше не вижу. За весь год — ни одного раза. Не знаешь — почему?

Девушка смутилась:

— Это отец тебя заколдовал. Он сильно рассердился, что ты... так поступил со мной. И с остальными. Боюсь, теперь у тебя не получится разглядеть в небе кошачьи звезды.

Парень опустил голову. Уже ничего нельзя было изменить, но боль утраты накатила с такой силой, что потемнело в глазах. Он заморгал, пытаясь справиться с этой темнотой. И в траве, у самых ног увидел слабое сияние. Наклонился, поднял с земли, видно, упавшую этой ночью и все еще не погасшую пустопадку. Подержал в ладонях, раздумывая, — неуверенно протянул Хелли. Девушка приняла подарок, несколько мгновений молча разглядывала, наконец подняла изумленный взгляд:

— Ты посмотри, что даришь. Это же не обычная пустопадка, она желание исполняет. Не жалко — вдруг самому пригодится?

Парень не сразу понял, что она шутит, уже протянул руку, чтобы забрать отданную звездочку. Но в последнее мгновение одумался, сказал: «Прощай, Хелли», отвернулся. В груди болело, но не так сильно, как раньше. Внезапный приступ жадности открыл Мартину правду: если бы мог, он тотчас же отобрал бы у всех этих ребяташек глаза. Чтобы по-прежнему горели в сундучке кошачьи

звезды, а в груди теплело от сладкого чувства обладания... Но отобрать не получалось. Жадничать по другому поводу — тоже почему-то не получалось. Мартину не нужна была отданная Хелли пустопадка. И все, что с этой звездочкой было связано — тоже не нужно. Откуда-то он знал, что теперь может дарить людям желания вместе с упавшими звездочками. Снова взглянув на Хелли, парень понял, что подарил ей что-то очень важное. Обычное, девичье — мужа, дом, детей — или что-нибудь поинтереснее? Мартину не хотелось знать. И Хелли поняла это по его глазам. Усмехнулась, махнула рукой — мол, иди уж. Он послушно зашагал прочь. Глядя под ноги. Через пару шагов из травы выкатилась еще одна еле заметная звездочка... Мартин не поленился — подобрал ее, сунул в карман. Через сотню шагов поднял другую, третью... Не замечая, как его тело начинает светиться...

— Что с ним будет теперь? — Хелли, провожающая глазами угловатую мужскую фигуру, обернулась к подошедшему отцу.

Тот сверкнул льдистыми глазами:

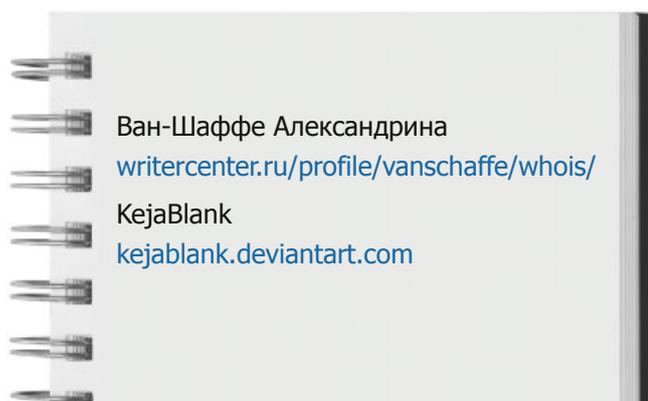
— Сумеет изменить себя — станет... даже не знаю кем. Странствующим волшебником, не меньше. А не сумеет — превратится в знакомый тебе сундучок. И будет им ловить пустопадки какой-нибудь захудалый колдун.

Хелли еще раз обернулась в ту сторону, где скрылся Мартин. Вздохнула. Посмотрела на пустую ладонь, где миг назад блестела звездочка, теперь растаявшая от исполненного желания:

— Если каждый, кого он одарит, пожелает ему добра...

— Пусть он сначала одарит.

А Мартин шел, по-прежнему терпеливо подбирая неприкаянные звездочки. Они были смешные и бестолковые, цеплялись за него, как утопающий за соломинку, привлеченные теплом горящей в его груди пустопадки. Каждая пыталась согреться. Но Мартин знал, что однажды они легко покинут его, оторвутся и упадут в чьи-то жадно протянутые ладони.

Шевцова Анастасия

... Был холоден порыв моих ветров...
Пронзителен и свеж как сталь булата.
Свобода жить — она страшна и свята,
И чужд ей рока каменный засов.
Я отрекись от крыльев за мечту,
За исполнение тайного желанья,
За дар вспорхнуть на эту высоту
И раствориться в ткани мироздания.
Я отрекись, и пусть горит восход,
Течет река, и будут темны воды,
И дует ветер, и не будет слов,
Способных обуздать мою свободу.
Я отрекись от крыльев, чтоб лететь,
И не осудит совесть за измену-
Лишь кровь застынет, холодея в венах,
И сердце перестанет вдруг болеть.
Но не простят. Я знаю — не простят!
Крылатых не прощают за паденье...
А мне не нужно птичье оперенье-
Мои мечты без крыльев полетят!
Лишь Он один поймет мою тоску,
Лишь Он один утешит и укроет
Своим крылом на бешеном ветру,
И напоит любовью и покоем.
И будет свет покровом мне живым:
Укроюсь им — весенним и лучистым...
Как сказано: для чистых будет чисто,
И лишь кто любит, сможет быть любим.

Чудовище Джет

Памятное лето

Закрой глаза.
Забудь о сентябре.
Послушай —
Это стелются туманы,
Однажды,
Тихим утром безымянным
Нарушив
Все условия в игре.
Пускай дожди,
Как красками, водой
На стёклах пишут мутные узоры.
Ты не смотри на них.
Задёрни шторы.
Поверь,
Там, за окном, шумит прибор.
И шёпотом
Тебя я позову
Туда,
За грань,
Где прячутся рассветы,
Где мы возьмём в ладони наше лето,
Как яблоко,
Упавшее в траву.
Осеннее ненастье взаперти
Пускай подержит ветерок прохладный.
Сплетём мы строчки нитью Ариадны
И — босиком...
По Млечному Пути...

Ловушка

Он вытер её слёзы рукавом
И отступил,
Упёршись в подоконник,
Она держала пистолет в ладони
И пальчик —
На крючке
На спусковом.
Он был не Клайд,
Она была не Бонни,
О них не снимут культовых картин.
Он говорил:
«Давай, хоть раз один!
Точнее целься!
И дыши спокойней.»
И трещина рванулась из-под ног,
А за его спиной,
В стекле оконном
Не отражалась, что была не Бонни...
Он говорил:
«Не дергай за крючок.
Взялась стрелять —
Давай! На счете „три“.
Стреляй!
Мне в сердце.
Помни про контрольный.
Я
Не могу с тобой,
Мне это больно.
Ты ревность или кто,
Чёрт подери?»

Шевцова Анастасия

writercenter.ru/profile/leshik_birich/whois/

Чудовище Джет

writercenter.ru/profile/Jett/whois/

Художник Trey Ratcliff

kukowski.pl/

Корнаккья

Художница из России — вот и всё, что известно о Cornacchia. С итальянского псевдоним Корнаккья переводится как «ворона». Художница с мастерством воплощает оригинальные идеи, создавая сказочную атмосферу близкую к реальности, которой пронизан каждый рисунок. Звери и гномы из подземелья, колдуньи, прекрасные девушки — все работы уникальны и околдовывают, хочется смотреть и смотреть...

ECOLE

ЛЕДЕНЦОВАЯ ФЕЯ

— Ваши работы узнаваемые, яркие и запоминающиеся. Как давно Вы рисуете? И как бы Вы охарактеризовали свой стиль?

— Рисую лет шесть. Начала внезапно и не знаю причину, просто появилось огромное самонадеянное желание рисовать. Я бы назвала мой стиль, если он есть, — жуткая сказка.

— В какой технике Вы работаете? Какую роль играет компьютер в творческом процессе?

— Графический редактор — часть меня. Я делаю на бумаге только условные, схематичные наброски, когда возникает задумка, всё остальное — в редакторе. Photoshop — потрясающе гибкий и совершенный инструмент. Это тот же самый чистый лист, и творческий процесс точно такой же, как и при работе с живыми материалами, поэтому я очень не люблю дискуссии о присутствии/отсутствии души у картины в зависимости от выбранного инструмента. И очень жду тех времён, когда у зрителей сформируется уважительное отношение к графическим редак-

торам и появится понимание того, что программа не рисует за художника и ничем не может ему помочь, если он не способен ничего создать самостоятельно.

— Как возникает идея иллюстрации? Делите ли Вы работу на этапы?

— Этапов как таковых нет, это долгий, тягучий процесс. Задумка появляется спонтанно, а дорабатывается и обрастает подробностями уже в процессе рисования. Думаю, это заблуждение считать, что автор непременно выражает в работе то, что его заботит, впечатляет или занимает. Во-первых, идея может быть настолько оторвана от актуальной реальности, что поражаешься, откуда она вообще взялась. Бывает из цветных пятен, бывает из случайно услышанного слова. Во-вторых, мысли, чувства и даже убеждения за время работы над рисунком успевают смениться не раз, поэтому к концу работы рисунок живёт уже своей жизнью.

— Что дает Вам именно такой вид творчества?

— Удовольствие.

OPERA EN 5 ACTES

ЗАЧАРОВАННАЯ ГОСТЬЯ ФУНГОВЫХ ГМУРОВ

— Заменит ли в будущем цифровая иллюстрация классическую книжную графику?

— В бумажных книгах обязательно цифровая иллюстрация должна стать чем-то равноценным и в существенной мере потеснить живые материалы. Ну, а в электронных книгах компьютерная графика будет, конечно, царить. У нее невероятное количество преимуществ, минус только один — она еще очень молодая, еще не обросла великими именами и искусствоведческой паутиной.

— Любимые писатели и произведения.

— Очень нежно люблю Набокова. «Дар», «Защита Лужина» — сокровенные и драгоценные вещи. Нежно-циничный Ромен Гари. У него мне особенно нравится «Вся жизнь впереди»,. У Айрис Мёрдок «Море», «Чёрный принц», «Единорог». У Маркеса любимое — «Осень патриарха». Конечно, Гофман. Он по-прежнему наводит на меня приятный ужас. «Квартал Тортилья-Флэт» Стейнбека, это всегда слёзы от хохота и какой-то болезненной жалости. Среди поэтов для меня всегда была совершенством Белла Ахмадулина.

— Над каким проектом работаете в данный момент?

— Над новой жуткой сказкой.

Беседовали NeAmina, Ула Сенкович

- Художница Корнакья (Cornacchia)
- cornacchia.ru
-
-
-

СТРАШНЕНЬКО

АДСКИЙ ШАРАБАН

ZEMIRE ET AZORE

Белка Елена

Ах, мама

Судьба клинком играет цвета ртути,
И пальцы рвутся опустить забрало.
Сомнение — худший друг на перепутье
И лучший враг для доброго начала.

И вот уже слетелась стая масок
И алчно ждёт за дерзости расплаты.
Ах, мама, где герои ваших сказок?
Но, видно, жизнь не терпит плагиата.

Прошла эпоха глупых реверансов
И пошлых партитур для клавесина,
Нет ласковых героев из романсов,
Как нет принцесс в турецких апельсинах.

Ванильный торт, фарфоровые блюдца
Вы понапрасну прочили мне, мама.
Вы говорили: "С дамой не дерутся"...
Наверно, я неправильная дама.

Свобода

Мне говорят: по прошествии стольких лет
Глупо с наивной надеждой смотреть назад.
Знаю, за многое в жизни прощенья нет —
Чувствую я, это мой персональный ад.

Запах свободы, поверь мне, совсем иной,
Пахнет она травой и ветром морским.
Жизнь — за свободу, и нет здесь цены другой —
Волю не купишь за сотню Великих схим.

Жаждавать свободы не значит хотеть разлук.
Но и без воли не быть мне самой собой.
Также как станет роса на ладонях рук
Просто прохладной и мутной сырой водой.

Пусть миллионы раскрашенных ярких схем
Точно укажут маршрут в бутафорский рай.
Только вот мне нет дороги туда совсем —
Я выбираю свободу. Мне жаль...

Art Todd Lockwood

Анна Пан

Цыганка

— Скажи, цыганка, где твой дом?
Она, смеясь, звенит монистом:
— Мой дом — дорога в поле чистом,
Бегущая за окоём,
То мечется над нею вьюга,
То зноем дышит ветер с юга
В высоком ковыле седом. . .

— А где же дом твой был вчера?
Она в ответ опять смеётся:
— Всё там — где песня вольно льётся
Под звёздным небом до утра.
И пусть одежда вся в заплатках,
Но о судьбе нам шепчут карты
При свете жаркого костра. . .

— А что же завтра?
— Завтра вновь
Уйдут кибитки друг за другом,
Смыкаясь на ночь тесным кругом,
Где сердце слышит сердца зов,
И устремляется навстречу,
И бьётся в такт. . . И дом мой вечный
Там, где живёт моя любовь.

Нерастраченный огонь
Выжигает плоть и разум.
. . . Бьёт копытом рыжий конь,
Зло косит вишнёвым глазом.

На ладони протяну
Подсоленную горбушку,
Он возьмёт. Но лишь мигну —
Ничего. Ночник. Подушка.

Миг — и вновь копыта бьют,
Распластались кони в беге.
От судьбы не сберегут
Родовые обереги.

Меч рвану из-за плеча.
Помоги, Перуне правый!
Кровь прольётся горяча,
Опалит степные травы.

Вот он, недруг. Пряну встречу.
. . . Тишина. Лишь сердце стонет,
И невольно ищут меч
Онемевшие ладони.

Тускло светится ночник
Над подушкою измятой.
Где мой век и где мой миг?
. . . Кони, степь и звон булата. . .

Белка Елена

writercenter.ru/profile/miracles/whois/

Анна Пан

writercenter.ru/profile/panann/whois/

Art Todd Lockwood

www.toddlockwood.com

Правильный выбор

Скалдин Юрий

На улице который день шел дождь, обычное дело для этого времени года. Зато в хижине, укрытой от ненастья толстым слоем дерна, было тепло и уютно. Тихо потрескивали дрова в очаге, дым уходил в окошко, прикрытое от непогоды, над огнем в закопченном медном котелке бурлило рагу.

— Представляешь, Гвенда, — тихо, стараясь не разбудить малыша, проговорил усатый мужчина, сидящий за столом в ожидании ужина, — наш сорванец гнома увидел на обратном пути.

— Да ну? — удивилась молодая женщина, хлопчущая у очага, но чуть позже добавила, наполняя супругу миску: — Хотя чему удивляться, первый раз на Ярмарке в Гленмарше, столько впечатлений... Расскажи, как это было?

— Как? — мужчина оторвался от рагу, вытер губы куском лепешки и откинулся, с удовольствием рассматривая любимую. Капли на её одежде в отблесках огня играли и переливались драгоценными камнями, и сама она казалась какой-то загадочной и волшебной.

— Как... — повторил мужчина. — Мы возвращались домой, доехали до большого распутья...

— Это где указатели? — уточнила Гвенда.

— Да, тот, что неподалеку, — мужчину совсем не возмутило, что его прервали, — проезжаем мы мимо, дождик капает, сыро кругом, но настроение — лучше не придумать, и тут Дьюи дергает меня за рукав.

«Папа, — говорит, — а кто это сидит на палке?»

Я притормозил нашу старушку Бруни, посмотрел на указатель, но там никого не было, я-то подумал, там птица какая сидит, и малышу интересно — какая.

«Нет там никого, — говорю я, — показалось, наверно...»

«Нет, папа, там сидит маленький человечек с каким-то колпаком на палочке!» — заявляет Дьюи.

— Хорошее у него воображение. Насмотрелся на кукольные представления, вот и привиделось, — улыбнулась Гвенда, прижавшись к мужу. — Ты давай, кушай и спать, я тебя жду. И потише, а то Дьюи разбудишь.

— Разбудишь его, — проворчал отец семейства, но без какой-либо злости в голосе, — спит без задних ног, набегался, напрыгался до гномиков в глазах.

Прошел год. Осень сменилась зимой, зима весной, за весной пришло лето и вновь уступило права дождливой осени, времени Ярмарок. Подросший Дьюи, две дюжины дней назад отпраздновавший пятый день рождения, поехал с отцом в Гленмарш. Эта поездка была для мальчика предметом гордости. Он не просто ехал на ярмарку, а вез на продажу трех кроликов, выращенных лично, ну, с маминной и папиной помощью, небольшой. Моросил дождь, мальчишка сидел на самодельной (папиной работы) клетке и следил за кролями. Ему совершенно не мешали капли, стучащие по кожаному чепцу и плащу из толстого сукна. Вокруг было столько всего: лес, до которого он ни разу еще не ходил, речка с мельничными колесами, усадьбы, стоящие за полями, указатель на распутье...

— Пап, а что это за человечек на указателе сидит? — вдруг спросил мальчик. Ему показалось, что на указателе, на его верхней доске, сидит маленький человечек со странным колпаком на палке.

— Где? — отец остановил повозку и, прищурившись, стал рассматривать указатель. — А, тот. Это указатель на трактир «Танцующий Гном». Чтобы те, кто читать не умеет, ну вроде нас с то-

бой, могли найти трактир по картинке. Надо будет сказать Унфриду, что картинку обновлять пора, выцвела совсем.

Мальчик моргнул пару раз и понял: отец просто не видит гнома.

— Поехали, Дьюи, надо дотемна добраться до ярмарки и поставить шатер.

Телега тронулась, Дьюи посмотрел на гнома и помахал тому рукой. Гном вежливо приподнял колпак на голове и кивнул. Три дня Дьюи только и думал, как бы на обратном пути поговорить с гномом, но по дороге домой сам не заметил, как уснул. Проснулся только утром, в своей кроватке, на чердаке их небольшого дома.

— Па-а-ап, па-ап, — позвал Дьюи, — а что написано на указателях?

Отец, оторвавшись от ремонта лыж, поднял голову, улыбнулся и ответил:

— Сынок, смотря на каких. На том перекрестке написано — сам-то я читать не умею, но мне говорили, и я проверял — сверху вниз: Гленкастл,

Гленмарш, Краувуд, Гринфорд и «Танцующий Гном», это тот трактир, что на полпути от указателей к нам. Запомни его и всегда найдешь дорогу домой, сынок.

— А на других указателях? — не унимался мальчик.

— Не знаю, не спрашивал... надо же найти того, кто читать умеет, — отец улыбнулся и вернулся к прерванному занятию. Зима была уже не за горами, пора было готовиться к ней.

— Я буду уметь читать! — заявил мальчик и спрыгнул на глинобитный пол.

— Правильно, Дьюи, дело полезное, так ведь, Сайрус? — Гвенда, мать мальчика, вошла как раз к его важному объявлению и с любовью потрепала Дьюи по волосам. — Хочешь уметь писать? Иди в ученики к викарию.

— Тоже дело, — не отрываясь от занятия, согласился отец, — как раз за зиму чему-то научишься, а старому Харри помощник давно нужен. Ты уже мальчуган большой, воды ему прине-

Проза. Сказка

сти сможешь, да и очаг развести, и за курами его зимой следить. Давай, Дьюи, дуй к викарию, расскажи о своем желании.

Отец с матерью не ошиблись. Старый викарий был рад веселому Дьюи. Дом Харри стоял на отшибе, и общество мальчика скрашивало долгие зимние вечера. Да и научить кого-то грамоте было давнишней мечтой священника, но у крестьян всегда находились дела поважнее как для себя, так и для детей. Пожалуй, только Сайрус мог позволить себе отпустить сына на всю зиму. Золотые руки у мастера были, с деревом чудеса творил.

И вновь за зимой пришла весна, потом было лето, за летом осень, мальчик опять отправился с отцом на ярмарку помогать тому в торговле, да и повеселиться, чего уж скрывать. На перекрестке, укрывая от дождя указатель странным колпаком, сидел гномик, тот же, что и в прошлые годы. Он улыбнулся и кивнул мальчику, как старому знакомому. Дьюи помахал в ответ, но не стал отвлекать отца, подмигнул только гному на прощанье.

Прошли ярмарочные дни, Дьюи очень помог отцу, и грамота его пригодилась. Теперь Сайрус мог не искать кого-нибудь, умеющего читать, достаточно было позвать сына. Да и писать Дьюи умел, хоть и медленно, так что Сайрусу удалось заключить несколько договоров на изготовление мебели: для замка, для трактира и нескольких далеко не бедных купцов. Обеспечил сынок отца работой на всю зиму. На обратном пути гнома на месте не оказалось. Но и ехали они не одни, целый караван двигался по дороге. Гном мог и испугаться такой толпы. Вернувшись домой, отец очень хвалил сына, рассказывая жене, как помог ему мальчуган:

— Дьюи молодец, хорошо он с грамотой придумал. Не будь его, не видать мне таких заказов. А как узнал кастельян, что у меня сын грамотный, сразу сказал: «У плохого человека сын грамоты не выучит, а как мастера вас все хвалят. Видать, можно вам и серьезное дело доверить», а уж за кастельяном и остальные потянулись.

Гвенда не могла нарадоваться на сына, а тот ждал только одного: когда родители уснут. Ему очень хотелось поговорить с гномом.

Ночью, под покровом темноты, Дьюи выбрался через небольшое окошко на крышу и отправился на перекресток. Он шел почти всю ночь, но когда пришел, гнома на перекрестке не было. Мальчик сел на бревно и заплакал. Он так хотел поговорить с гномом, так долго шел, так устал. Вместе с Дьюи заплакали облака, и как только капли дождя

коснулись земли, из небольшой дверцы, совсем незаметной на фоне травы, вылез гном и стремительно взобрался на указатель.

— Привет, — сказал Дьюи, вытирая рукавом слезы. От горя и обиды не осталось и следа. На лице опять засияла улыбка.

— Привет, — ответил гном, — ты Дьюи?

— Да... — немного растерялся мальчик.

— Дьюи Сайруссон? — уточнил гном и поинтересовался еще кое-какими деталями: — Твой отец искусный мастер, резчик по дереву, столяр и плотник, да?

— Да... — только и ответил Дьюи. Разговор шел странно, и он не знал, что теперь говорить.

— Привет, Дьюи, — куда как радостней заявил гном, — а я-то думаю, чем мне этот мужчина на телеге знаком и почему этот мальчишка, как две капли дождя похожий на Сайруса, меня видит.

— Ты знаешь моего отца? — удивился Дьюи. — Откуда?

— Ну, он тоже был маленьким, но ведь ты не для того пришел? — с хитрым видом уклонился от ответа гном. — Давай, спрашивай!

— А что ты тут делаешь под дождем? И что у тебя в руках? И почему ты держишь это над указателем? А почему тебя вижу только я? — на одном дыхании выпалил мальчик.

— Уфф... — удивленно выдохнул гном, — лихо. Давай по порядку. Первое: я слежу за указателем. Второе: у меня в руках зонт — приспособление для защиты от дождя и солнца. Третье: я держу зонт над указателем, чтобы буквы истинного пути не смыло водой времени. И четвертое: меня видят только те, кому это важно и можно. Ты сын моего друга, пусть он и забыл меня, выходит, тебе можно меня видеть, а раз мы с тобой общаемся, значит, для тебя это важно, пусть ты и сам еще это не понимаешь.

— А как дождь может смыть буквы? — удивился мальчик, рассматривая указатель. Буквы на нем были выжжены, и смыть можно было только краску с рисунков, да и то контуры всё равно бы остались. — Ведь их не нарисовали, это же не краска...

— А ты внимательно посмотри, — улыбнулся гном и стукнул пяткой по верхней доске.

Выжженные буквы вдруг поплыли, и мальчик смог прочесть совсем другие слова.

«Нигде», «Везде», «Где-то», «Здесь», «Там» — гласили надписи.

— А что это значит? — спросил Дьюи.

— Ты прямо как твой отец, — хмыкнул гном, — разве только сам читать умеешь. Это распутье, как

и всякое другое — не просто перекресток дорог, это и место выбора пути. У каждого человека есть свой путь, но не всегда он идет по нему. Вот уходит человек в «Нигде» и пропадает. Не обязательно умирает, но становится ему плохо, это факт. Или в «Везде» пойдет и станет как все, таким же, обычным, а мог бы стать кем-то известным или полезным. Да и счастья в этом «Везде» нет, настоящего счастья.

— А «Где-то»? — спросил Дьюи.

— В «Где-то» человеку не будет покоя, он будет менять всё, пока не устанет и не плюнет на это. Нет, там тоже нет счастья, как и в «Там», где человек понимает, что не его это место. Только в «Здесь» человеку хорошо. Именно в «здесь» он становится собой и находит свое счастье. А теперь мне пора, там бежит твой отец.

Гномик сказал последние слова и прыгнул прямо в домик, захлопнув дверь. Дьюи и моргнуть не успел, а где дверца была, уже не мог понять.

— Ну и напугал ты меня, сынок, — отдышавшись, сказал Сайрус, — пойдем домой, пока мама не проснулась.

Отец не стал спрашивать ни о чем, и этот момент они хранили в тайне долгие годы.

Мальчик рос, крепчал. Зимой он помогал Харри, а тот учил его книжным премудростям: письму, счету, каллиграфии, латыни и греческому. Остальное время Дьюи обучался у своего отца, помогая тому по работе. А в пятнадцать лет молодого Дьюи пригласили в Гленкастл, работать там плотником. Работа хорошая, уважаемая, да и платить обещали хорошо. Отец дал Дьюи лошадь, инструменты, мать собрала в дорогу снедь и вещи и, попрощавшись, Дьюи отправился во взрослую жизнь.

— Вырос наш малыш, — тихо всхлинула Гвенда, с грустью и гордостью в голосе.

— И мы такими были, помнишь? — прижав к себе любимую, ответил Сайрус.

Они стояли на крыльце, пока сын не скрылся из виду, а потом вернулись к своим делам.

Дьюи же ехал, окрыленный мечтами, и представлял себе, как он покорит сердца жителей замка своим мастерством и грамотностью, и, может быть, станет со временем кастельяном. Тогда он перевезет отца с матерью к себе, и будут они жить вместе. Но, доехав до перекрестка, юный Дьюи остановился. Что-то тревожило его, что-то не нравилось, раздражало, особенно при взгляде на указатель, конкретно на надпись «Гленкастл». Капнуло с неба, тучи закрыли солнце и из-под красивой вязи букв, сложенных в слово «Гленкастл», проявились совсем иные, и выходило, что никакой не замок там, а какое-то... «Нигде». Мальчик вспомнил слова гнома, и перед глазами четко встал образ. Он, Дьюи, лет через десять, совершенно разхристанный, грязный, спящий в сарае среди пустых бутылок. Никакого уважения, да и грамоту он уже подзабыл.

— Нет, нет, нет... — проговорил юноша. — Не надо нам такого. И решительно двинул коня в сторону Краувуда. Ведь именно там, если не подвела память, было его «Здесь».

Память не подвела Дьюи. В Краувуде, большом селе на самом краю Воронова леса, он встретил свою любовь, дочку местного тана. Немало труда стоило понравиться этому суровому мужчине, но золотые руки, горячее сердце и честный, открытый нрав, все же пришлось тому по душе. Да и умение читать и писать на нескольких языках, в том числе и на нормандском, на котором теперь говорила вся знать, тоже сыграли роль. Через полгода все селение праздновало свадьбу. А еще через год старый тан стал дедушкой. Сайрус и Гвенда отказались переезжать, их «Здесь» было в небольшом домике на берегу ручья, но они часто навещали своего сына и внука. А когда тому исполнилось пять лет, Дьюи взял сына на ярмарку.

— Пап, пап, — дернул тот Дьюи за рукав, — а что это за гномик на указателе?

— Где? — спросил Дьюи, он не видел никого, хотя гном там был. Дьюи вырос, забыл про своего волшебного друга, что помог выбрать правильный путь. Но гном был не в обиде, так и должно было случиться. Дьюи свой выбор сделал, теперь пришла очередь его сына.

Скалдин Юрий

writercenter.ru/profile/Beorny/whois/

Артманипуляция Яна Красовская

writercenter.ru/profile/YanaKras/whois/

Звездный свет

Сафонова Евгения

Маленькая звезда вообще-то была не такой уж и маленькой — в конце концов, пятое тысячелетие разменяла. Однако для других звёзд она так и оставалась маленькой — ещё бы, всего-навсего ровесница египетских пирамид.

А вот проблем окружающим маленькая звезда доставляла побольше, чем все остальные звёзды вместе взятые. Начать с того, что она всегда была немного странной. Не такой, как все. Сияла ярче других, верила в чудеса, в добро и в хорошее, и любила наблюдать, как далеко-далеко, на маленькой голубой планете, которую зовут красивым словом Земля, люди по ночам смотрят на звёзды.

Впрочем, излишнюю любознательность маленькой звезде прощали — до поры до времени. Точнее, до той самой поры, пока маленькая звезда вдруг не спросила: а как рождаются звёзды?

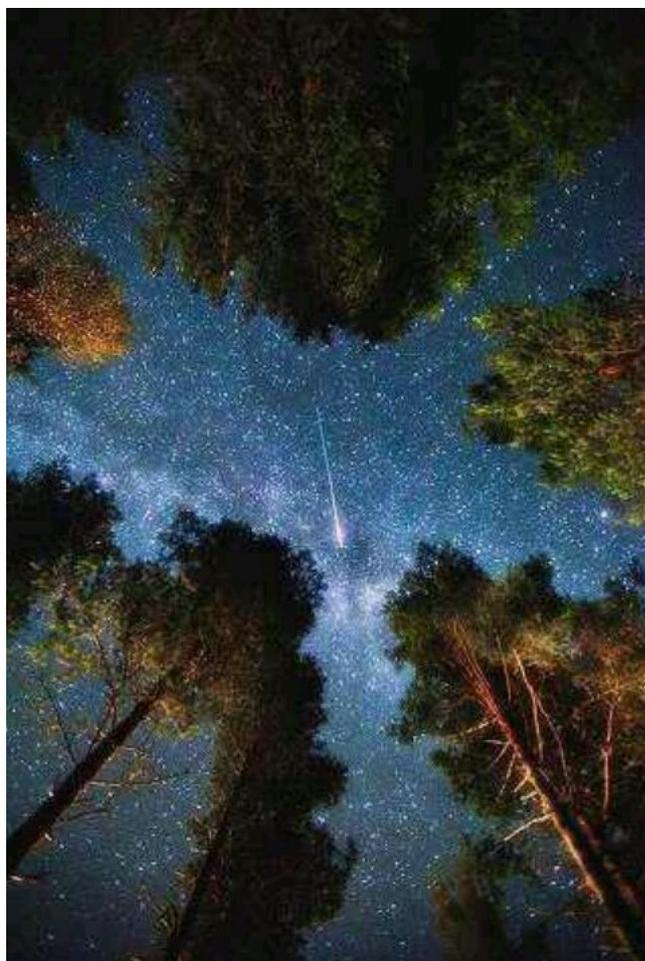
Окружающие звёзды оказались, мягко говоря, озадачены. Они над этим предпочитали не задумываться, а просто жить — так же, как люди предпочитали не задумываться о том, откуда взялась Вселенная. Старый пульсар взялся было объяснить ей нудную теорию насчёт холодных разреженных облаков межзвёздного газа, сжимающихся под действием собственного тяготения, но маленькая звезда ничего не поняла. Остальные же звёзды ограничились словами, что маленькая звезда должна не лезть не в своё дело и оставить старших в покое.

Маленькая звезда послушалась крайне неохотно. Про себя же она решила, что в таком случае свою догадку никому не скажет. В конце концов, остальные не видели, как на Земле, в кленовой роще на берегу реки, сидела среди мягко сгущающихся сумерек маленькая — лет восьми — темноволосая девочка. В руках она держала маленькую скрипку, а по щеке её скатывалась, сияя в лунном свете, крошечная звезда.

Вот девочка вскинула смычок, и музыка — тихая, но слышимая — поднялась ввысь. Соединила в единое лето, клёны, девочку на берегу реки, звезду в небе...

Может, так и рождаются звёзды?

В общем, в звёздное общество маленькая звезда пока определённо не вписывалась. Единственными её друзьями были старая, почти погасшая звезда из давно уже забытого созвездия, да молодой астероид, время от времени навещавший её на своём пути по планетарной орбите. Впрочем, остальные звёзды сторонились обоих.

Один слишком много говорил о свободе, а другая эти разговоры слушала. А ведь свободы звезде не суждено узнать никогда.

Разве только падая.

Как-то маленькая звезда спросила: почему люди на Земле всегда радуются падающим звёздам? Ведь падают они всего мгновение, но люди ждут их, глядя в ночное небо. Ей ответил астероид. Сказал, что люди загадывают на звёзды желания и верят, что они сбываются. Впрочем, они и сбываются. Звёзды умеют исполнять желания — но только самые сокровенные.

Старая звезда, слушавшая их беседу, добавила, что сокровенное желание — это желание, которое может быть загадано в короткий миг падения звезды. Желание, которое люди, не задумываясь, могут высказать в любое время дня и ночи. Однако далеко не каждая звезда решится упасть — и сгореть. Дорогая цена за мгновение свободы.

На вопрос маленькой звезды о том, кто же решается, астероид, скептически хмыкнув, ответил, что иногда это те, кто всё равно уже почти догорел. Но, впрочем, толку-то от них — почти не видно. Куда больше молодых. Им, видишь ли, хочется яркости и свободы. И радость людям приносить.

Маленькая звезда промолчала. Астероид, чувствуя, что сказал что-то не то, сменил тему. Впервые они не поняли друг друга.

Впрочем, остальных звёзд маленькая звезда не понимала никогда. Слушая рассказы астероида о далёких вселенных и других, волшебных, мирах, они отмалчивались, лишь сияя досадливо.

Как будто им самим не хотелось их повидать...

На берегу реки сидела темноволосая девочка, тонкими пальцами сжимая смычок. Позади — жёлтыми отблесками окон за тонкой стеной кленовой рощи — жил своей жестокой жизнью реальный мир. Мир всегда жесток к тем, кто отстраняется от толпы. Толпа не любит того, кто выделяется из неё — того, кто не такой, как все.

А вот скрипка была ключом в другой мир. Другом, талисманом, постоянной спутницей, которая, казалось, сама объясняла, как превратить нескладный лепет в музыку и наполнить эту музыку светом и волшебством. И в этом свете мир вдруг становился другим — доброй сказкой со счастливым концом, где всё возможно, где есть место чудесам, где всё обязательно будет хорошо, а то, что есть в жизни плохого, случайно и преходяще. И этот мир видела не только она, но и все, кто

умел слушать.

Девочка утёрла слёзы, прочерчивающие по щекам влажные дорожки, отодвинула в сторону кожаный футляр и вскинула смычок. Подняв глаза, взглянула в тёмное, ясное, бесконечно высокое небо, увидела, как подмигнула ей маленькая яркая звёздочка, и, улыбнувшись сама не зная чему, играла до тех пор, пока оклик мамы не заставил её положить скрипку в футляр и, бережно щёлкнув застёжками, повернуть назад.

Прошло несколько лет. Старая звезда замкнулась в себе и перестала интересоваться чем-либо, кроме своих болезней и обид на весь мир. Астероид, пролетая мимо, всё чаще ограничивался простым приветствием и дежурной улыбкой.

Маленькая звезда осталась совсем одна. Приходилось как-то вписываться в общество. Постепенно её приучили к мысли, что чудес не бывает, а добра и света в мире очень мало. Что жизнь — серая и унылая штука, а своё счастье надо выгрызть у других из горла. Маленькая звезда постигла смысл слов «идти на компромисс», «считаться с общепринятым мнением» и прочих красивых выражений, которыми так любят вуалировать трусость, ложь и другие некрасивые вещи. В итоге все с одобрением замечали, что в последнее время маленькая звезда заметно повзрослела, и подумывали даже о том, что не такая уж она теперь и маленькая.

Как-то маленькая звезда осталась ненадолго одна. Посмотрела вниз, на свою любимую кленовую рощу у реки. Увидела, как бродит по берегу реки сутулая девочка-подросток, что-то тихо наигрывая на скрипке, с удивлением узнала в ней ту самую девчушку со звездой на щеке. Послушала прекрасную, чистую, немного грустную мелодию скрипки, тихое журчание реки и музыку древесных крон. Поглядела на своё поблекшее отражение в тёмных водах. А затем просто смотрела вниз, пока не растворились в первых солнечных лучах река, роща шелестящих клёнов и высокая трава на берегу — смотрела в последний раз.

Темноволосая девочка стояла на берегу реки, глядя на большой кленовый лист, плывущий по неторопливому течению реки. Летний вечер был тёплым, тихим, прозрачным.

Жизнь вроде бы складывалась. Во всяком случае, она начала вписываться в общество. Её ломали — она ломалась. Переставала быть странной и становилась нормальной — такой же, как все. Но

Проза. Сказка

дверь в мир скрипки больше не открывалась. Этот волшебный мир, её внутренний мир, был слишком хрупким. Дверь туда сжалась, спряталась. Потом исчезла вовсе.

Музыка, что звучала, когда она брала в руки скрипку, была прекрасна. Но света в ней больше не было.

Сегодня она сыграла несколько популярных мелодий для приятелей. Вышел мелодичный скрип. Слушали её без особого интереса.

Улучив момент, она сбежала на чуть-чуть из дома. Побродила вдоволь в кленовой роще. Долго смотрела в звёздное небо, тщетно пытаясь отыскать там звезду, подмигнувшую ей много лет назад. Сыграла особенно хорошо. А потом, бережно укладывая скрипку в футляр, на прощание тихо шепнула ей «прости»...

Спустя несколько лет вдруг сошёл с орбиты астероид — и пропал. Почти померкла старая звезда, а маленькая звезда сияла теперь обычно, ровно, не претендуя ни на что.

Мир больше четырёх тысяч лет мельтешил у неё перед глазами. Она успела увидеть всё, что хотела увидеть, а жизнь всё тянулась, и мир бежал по кругу, и извивался, и убегал в бесконечность, мозоля глаза до отвращения...

Возможно, ей ничего не оставалось бы, кроме как смириться и ждать, пока настанет час и она погаснет окончательно — если бы как-то ночью старая звезда вдруг не раскашлялась странно и хрипло, а потом, отдышавшись, не попросила бы встревоженную маленькую звезду поговорить с ней. Беседовали долго. О небе, звёздах, людях. О глупых людских понятиях о вечности и жизни, об их вере, о желаниях, которые они загадывают на падающие звёзды.

Маленькая звезда небрежно заметила, что, пожалуй, это того не стоит. Глупо губить свою жизнь ради момента падения.

Но такова цена свободы, возразила старая звезда. Нельзя получить её, ничего не дав взамен. Всегда ли нужно давать что-то взамен? Желательно, ведь всё в этом мире можно купить. Не всё покупается за деньги — но то, что не покупается деньгами, покупается красотой, умом или просто добрым взглядом. Звезда покупает миг полёта, после сгорая дотла. Чем не сделка?

— Цена слишком высока, — сказала маленькая звезда.

— Каждый волен выбирать, — последовал ответ. — Кому что больше нравится — миг свободы,

яркости, полёта или же долгое тусклое сияние и угасание в пустоту.

— Но ведь ты же выбрала второе, — возразила маленькая звезда.

Ответ последовал не сразу.

— Да, — после долгого молчания наконец сказала старая звезда. Просто ей, как и миллиону других, не дано было возможности задуматься о первом. А из той сотни, кому даётся возможность, лишь одному хватает смелости об этом задуматься...

Старая звезда смолкла. Когда маленькая звезда тихо окликнула её — она не ответила.

Маленькая звезда, вспомнив что-то давно забытое, взглянула вниз. Так чист в этот вечер был последождливый воздух, что зоркая звезда могла разглядеть каждый кленовый лист.

Темноволосая девушка пристально вглядывалась в сумеречное небо. Словно искала там что-то. По щеке её катилась крошечная звезда, а в тёмных глазах звезда увидела вдруг одиночество и отрешённость, так хорошо знакомые ей самой.

Звезда долго смотрела на берег реки, где стояла скрипачка. Скрипачка? Девушка? Тень? Пыталась остановить приход ночи? Жаль, что можно научиться видеть, но не разбивать стены лунных лучей...

Звёзды могут исполнять желания. Но условие, чтобы желание это загадал человек, а не звезда, никогда не оговаривалось.

Последняя тусклая вспышка старой звезды, исчезнувшей во мраке, поставила точку в её размышлениях.

Девушка со звездой на щеке шла к реке по залитой дождями тропинке. Мерила шагами отражённое небо и смотрела, как ломаются звёзды под её ногами. Ей казалось, что она идёт по обломкам своего внутреннего мира — мира, который когда-то она бережно составляла из иллюзий и который когда-то рассыпался от соприкосновения с жестокой реальностью.

Она шагнула под шелестящие в летний вечер клёны, слушая тишину. Вечернее небо было прозрачным, бездонным и звёздным — казалось, дышало.

Какая-то звезда вдруг вспыхнула ярче, точно подмигнув. Напомнив о том, что давно было забыто, спрятано, закрыто. Сказав «у тебя всё будет хорошо. Хотя бы у тебя». Звёзды тоже говорят — только молчанием. И потому не каждый может услышать, что они говорят.

Девушка, улыбнувшись вдруг, скинула с плеча футляр, открыла кожаный саркофаг, вытащила покоившийся там деревянный ключ в другой мир, вскинула смычок — и мелодия запела, засмеялась, всхлипнула, взмолилась о чём-то, засмеялась вновь...

В её глазах отразилась падающая звезда, яркой искрой прочертившая небо.

На берегу реки, в мокрой от росы траве лежали и смотрели в небо две темноволосые девчонки — одна старше, другая младше. Ночь была тихой, ясной, тёплой. Кленовая роща не скрывала светящихся окон дачи — точно огоньки тлеющих сигарет. Сквозь шелест листвы и тихий шум реки доносились обрывки разговоров, смех и крики родителей. Наверху, на чёрном бархате неба, мерцали светлые пятна звёзд.

— И это всё? — недоверчиво спросила младшая.

Девушка кивнула.

— И что же загадала звезда?

— Ну... чтобы у той девушки всё было хорошо. Чтобы она больше никогда не теряла свой внутренний мир, чтобы продолжала верить в хорошее, играла на скрипке и дарила свет людям.

Девочка, фыркнув, села:

— Какая... глупая сказка.

Таша неопределённо пожала плечами. В конце концов, Дашке было одиннадцать: самый возраст, чтобы переставать верить в сказки.

— Нет, ну серьёзно, — не успокаивалась кузина. — Начать с того, что звёзды вообще-то не падают. Падающими звёздами мы именуем метеориты. И если этой звезде было всего четыре тысячи лет, до Земли её свет ещё даже не дойдёт. К тому же никто, кроме тебя, не сбегает с дачного участка через заднюю калитку, чтобы поиграть на скрипке на берегу реки. Конец какой-то непонятный. И вообще сказка какая-то непонятная! Я бы её по-другому сделала, более жёсткой, более... О, красивый камушек. Где нашла?

— В реке. Сегодня утром, когда купалась, нашла несколько красивых, — Таша подкинула на ладони квадратный, с розоватым отливом камушек, и, поразмыслив, без размаха кинула его в реку, глядя, как расходится круг на воде. — Ну вот когда сама напишешь, тогда и сделаешь. Это же сказка, в конце концов. Здесь возможно всё.

Дашка, надув губы, отвернулась.

— А почему ты сегодня утром так быстро ушла? — спустя пару минут спросила она. — Мы весь день провели на речке, так здорово было...

— Мне надо было заниматься на скрипке, — в тишине слышно было, как Таша один за другим кидает камни в воду.

Девочка фыркнула:

— Скрипка... Далась тебе эта скрипка! У тебя с этой твоей скрипкой и детства-то толком не было. Всё свободное время за ней просидела. А дальше что? Ты всерьёз надеешься, что твоя музыка будет кому-нибудь нужна?

Таша взглянула на камешек, лежащий у неё в ладони. Маленький, белый, казалось, тихо сияющий в темноте. Улыбнувшись своим мыслям, повертела камешек в руках — и положила обратно в карман.

— Нет, наверное, — сказала она. — Хотя... Время покажет.

Колечко

Ржевская Яна

Наливайте, что ли, бабоньки... Да не чокайся. Поминки и есть, они самые. Нет, я пить не буду. Сказала, значит, не буду! А вот сейчас услышите, почему...

Ну да, аккурат под Троицу это и случилось. На русальной неделе... Принес мне мой благоверный колечко. Простое совсем. Ободок тоненький, серебряный, и камушек махонький, светлый. Будто водяная капелька застыла, вот. «На, — говорит, — носи». Я ему: «Зачем деньги тратил, не по размеру оно мне, да и вида никакого, не девчоночка, чай, уже». А он смеется: «Ни копейки не стоило, у омота на Купавинке подобрал». Ну, тут я успокоилась. Знамо дело: кто по дороге летом ни едет, точно остановится да окунется. Место там тихое, привольное, трава — мягкий шелк, а вода — чище не бывает. Ни барин не побрезгует, ни простой человек... Вот и обронил кто-то с руки да уехал. Мне-то чужого не надо, знать бы кому — отдала бы. Да где ж теперь сыщешь... Покрутила я его в руках, а что делать — ума не приложу. Самой маловато, дочки бог не дал, да и по родне все мужики... Сунула в укладку, так и забыла. Васенька мой денек дома погостевал и снова улетел, сокол ясный. Повез молодого барина аж в самую Москву. Проводила по чести, хозяйство управляла, спать легла... А ночью будто толк меня! Вскочила — и аж обмерла...

В горнице-то у нас в окна стекла вставлены, сами знаете. Вася расстарался, чтоб не хуже чем у людей было. Вот и видно все ясенько, будто днем, под луной полной. Стоит она под самым окном на дворе, в горницу ко мне смотрит. Глазищи как омуты темные, на пол-лица. Сама худющая, бледная, простоволосая, патлы ниже пояса. И луна сквозь нее светит. Не в полный свет, а легонько так, по краям просвечивает... Увидала, что я подскочила, и говорит тихонько вроде, но мне каждое слово слышно:

— Отдай... Не твое... Отдай...

У меня сердце чуть не стало, я и позабыла-то про кольцо. Руки онемели: креста не положить. А она все свое:

— Тошно мне без него, худо... Пропаду... Пожалей, отдай...

Тут-то я смекнула, за чем она пришла. Да как отдать-то? Через стекло не выкинешь, а на крыльцо выйти — боже упаси. Может, и не тронет, конечно... А ну как...

— Убирайся, — говорю, — нечисть окаянная. Нет тут ничего твоего, и не было.

А у самой сердце дрожит как овечий хвост. И вижу, повело ее, зубы щучьи ощерила, руки ко мне тянет... И стекло под этими пальцами кривыми словно воск плавится. Ох, и завизжала я! Кинулась с кровати, сорвала икону большую, что Вася с Северу привез, да щитом к окну и выставила. Тут уж она завывала... Только не в голос, а как-то молча, но так, что мороз по коже, а по всей деревне собачий перелай пошел. Пятится, глаза руками прикрыла, лицо трет, точно обожгло ее, и скулит тихонько так... Меня аж тоска взяла. Хотела я ей крикнуть, чтоб вернулась да забрала свое кольцо, только тут и петухи первый раз пропели. Видали, как сосульки на солнце тают? Вот так и было, только быстро — я ахнуть не успела! Забилась в красный угол под иконы, сижу, дрожу... Так до самой зорьки зубами и простучала, пока доить время не пришло. Тут уж хочешь не хочешь, а из дома выходи... Смотрю, на месте, где она стояла, трава посохла, выгорела, а сверху только тина болотная, зеленая, мокрыми комьями. Пожалела я тогда, что ненароком загубила неприкаянную, только сделанного не воротишь...

На другую-то ночь я долго не спала, все с иконой в обнимку сидела, но не пришел никто. И потом не пришел. Успокоилась я... А через неделю настал Васе моему срок из извоза ворочаться. Я избу чисто-начисто перемыла, опару на блины поставила — любит он их — и полезла в укладку за

новьем, придется. Заждалась, соскучилась... Али я не мужняя жена? А там оно и лежит, колечко... Да раньше вроде мутное было, тускловато глядело, а сейчас повеселело, будто его песком оттерли, и камушек, хоть маленький, а ярче звездочки в мороз горит. Вот и не утерпела — попутал нечистый. На левый мизинец оно мне как раз пришлось, левый-то маленько тоньше правого оказался... Надела, полюбовалась, да и вышла на крыльцо — косогор глянуть: не едет ли мой... Дверь открыла, мир божий увидела, и чуть сердце не разорвалось. Все такое яркое и свежее, как после грозы доброй бывает. Каждую травинку, каждую мошку в воздухе вижу... Мураши зерна в муравейник свой тянут, а я их лапки на зернышке различаю... Дым из труб стоит над деревней, и чую я, бабоньки, что в каждом доме в печи стоит, варится. Дальше — больше... Слышу — ударил колокол в часовне. И плывет тот звон, лучами, как от солнышка, людей греет, а у меня в каждой косточке ломотой отдается. Испугалась, сорвала колечко с пальца и в избу бегом. Приутихло все чуток, но совсем не прошло... И началась у меня тут нелегкая...

Вечером, как стемнело уже, вернулся мой Васенька. Сам рад-радешенек, подарки мне дарит, деньги на стол кладет... А у меня душа так и ноет, так и болит. Взяла деньги, что муж привез, да на силу до укладки донесла. Которая бумажка кровью пахнет, которая потом человеческим разит — не продохнуть, которая слезами залита... Погуляли денежки по миру, повидали людей, и каждые руки на них след оставили.

Вот поужинали, спать легли, он ко мне под бочок, а меня дрожь так и бьет, губы кусаю, чтоб не закричать. Насилу нездоровьем отговорилась. Назавтра — та же беда... Хожу смурная, перед глазами все плывет, то увижу, то услышу, то учую что-то... Терпел мой муженек, терпел, да и не вытерпел, поучил вожжами маленечко. Думал, небось, как прежде бывало, зареву да покаюсь. А у меня в горле ком — не продохнуть, обмерла вся.

Тут уж и Вася испугался. По голове гладит, гостинцы городские мне сует... Платок цветастый, богатый, с кистями. Накинула на плечи, чтоб Васю не обижать, а перед глазами наяву встало, как на фабрике молодые бабы, девки и ребятишки плат-

ки эти красят, вонючие чаны ворочают, кашляют да задыхаются... Еле вечера дождалась, чтоб платок сложить и спрятать. От конфет городских и вовсе из избы кинулась, весь ужин под забор в бузину снесла. Увидела, как в речке, где воду для конфет берут, в бочаге дитенок утопленный лежит, уж распух весь. А люди и не знают, черпают...

Ну, погостевал Вася дома и уехал опять с извозом. Не подобру простились в этот раз, не ласково. Я бы и рада ему в ножки пасть, повиниться, но как вспомню харю эту за стеклом, губы немеют и язык не ворочается. Осталась я одна. Из дома почти не выхожу, в церковь идти и вовсе мочи нет. Ступлю за ограду, а земля под ногами огнем горит, кости наизнанку выворачиваются... Да вы наливайте, бабоньки, не жалейте... Я уж и не буду вам говорить, что мне от нее, проклятой, чудится... Кольцо? Нет его. Давно уж нет. Как Вася уехал, я тем же вечером до Купавинки добежала. Долго под омутом выкрикала, звала... То ли она там одна была, то ли не захотели ко мне выйти... Размахнулась — и с берега его в самую глубь! Страшно ли было? Ой, жутко. Только страшнее, когда на человека смотришь и чувствуешь, как у него все нутро сгнило и жизни ему на птичий нос отпущено. Или на ручей выйдешь белье пополоскать, а вода бурлит, белым ключом бьет, и каждая струйка ко мне так и тянется.

Не выдержу я долго, бабоньки. Каждую ночь омут на Купавинке снится, зовет. Вода там чистая-чистая, песочек на дне белый, мягкий, водоросли колышутся, рыбки серебряные играют... И так там спокойно да привольно, что сердце сладкими слезами плачет. Погубила меня нечисть окаянная, бездушная, да и то ведь, правду сказать, я ее первая не помиловала. Ладно, подружки, наливайте по последней. А то ведь потом вам меня и помянуть нельзя будет. Уж лучше сейчас. Ну, чего вы разнюнились, дуры? Я же сирота, плакать по мне никто не станет. И детишек нам с Васей бог не дал, за подол удержать некому. Только вот Васенька мой, соколик, один останется. Смотрите же, чтоб ни одна ему не проболталась, а то и с того света за длинный язык не помилую. Моя вина — мой и ответ. Помогите ему Владычица небесная, чтоб нашел себе бабу добрую да работающую вместо меня, порченой... И чтоб забыл меня накрепко. А то ведь пропадет, сердешный...

Меньшее зло

Ирвак Ирина

Дождёвая рыцаря, дракон с сомнением взглянул на его нервного жеребца. Полезнее было бы завершить трапезу с чувством лёгкого голода, но в последнее время лошади встречались всё реже и реже... Мысль о том, что он не съест, возможно, последнего в мире коня была невыносима.

Жизнь вокруг неумолимо менялась, всё чаще сталкивая со своими новыми проявлениями. Охотник за сокровищами, пытавшийся ограбить его на прошлой неделе, въехал в пещеру на какой-то двухколёсной повозке, которая изрыгала дым и огонь немногим хуже самого дракона. Надкусив неудачника, дракон удивился сладковатому запаху мяса, а потом ему всю ночь снились красочные смешные сны.

Вспоминая охотника, он снова почувствовал тот странный травяной привкус на языке. Повинуясь внезапно вернувшемуся голоду, дракон, не жуя, проглотил очередного последнего в мире коня и задумался о важности здорового питания.

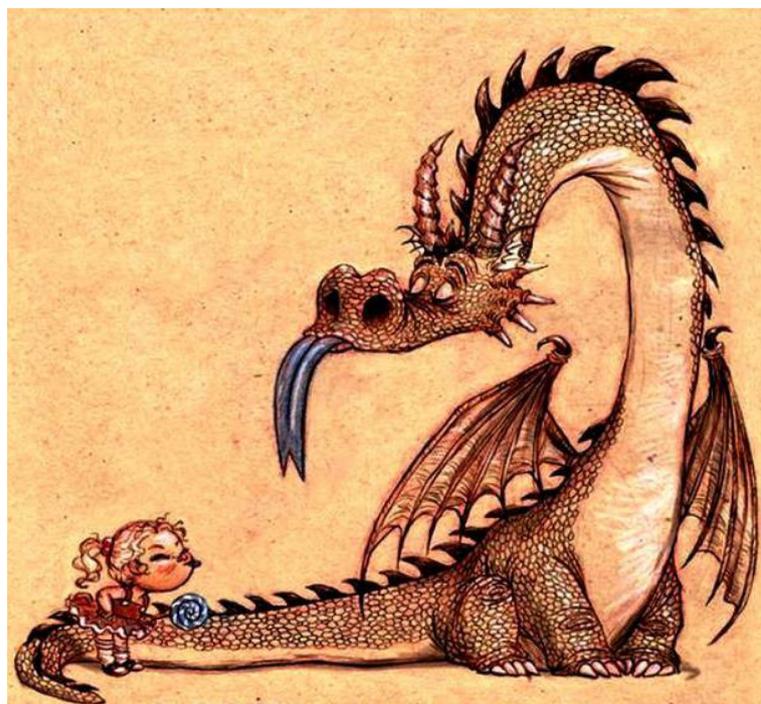
«Всё-таки надо себя ограничивать... Но как? Я консерватор, чтящий традиции предков, я всех обязан съедать: и охотников за сокровищами, и рыцарей, вызывающих меня на смертный бой... Хотя... я же совершенно не ем принцесс! В принципе, можно считать, что я нахожусь на диете, исключающей употребление принцесс».

Хотя принцесс полагалось похищать и возвращать в обмен на сундук с золотом, традиции предков одобряли их поедание — конечно, после получения выкупа. Но мама-дракониха считала похищения рискованной работой и частенько повторяла сыну, что хорошие драконы выбирают менее шумные источники заработка.

«Кстати, девочек я тоже не ем — спасибо мамуле».

Умирая, мама винила в своей смерти неосторожно съеденную девочку. Всю жизнь она свято верила, что, попадая на зубы, этот незрелый продукт навечно сводит челюсти, и порядочный дракон никогда уж не сможет разинуть пасть на что-либо подобающее его статусу и размерам. Если же девочку проглотить, не разжёвывая, то начнётся заворот кишок, от которого не будет никакого спасения. Потому на смертном одре она взяла с него клятву никогда не есть девочек — даже случайно.

Дракон клятву дал, потому что был любящим сыном, хотя и сомневался, что причиной маминого ухода из мира живых стала девочка. Не факт, что существо вообще относилось к человеческому роду — будучи весьма преклонных лет, мама плохо видела. Скорее всего, к гибели её привел имен-

Художник Kei Asedera

но возраст, а не ошибка в меню.

«Что же это получается? Я так мало ем, а летать становится всё тяжелее и тяжелее...» — дракон с сожалением взглянул на брюхо, которое двести лет назад было намного меньше, и краем глаза уловил какое-то движение.

Стоявшая в нескольких шагах девочка внимательно смотрела на него, одобрительно кивая.

— Именно так я тебя и представляла, — сообщила она, встретившись с ним взглядом.

Пока дракон пытался понять, откуда рядом с ним появился запрещённый продукт, девочка подошла поближе.

— Я надеюсь, у тебя найдётся большой бриллиант? Я имею в виду — по-настоящему большой?

— Ты хочешь бриллиант?.. Ты, мелкое недоразумение, тоже пришла за моими сокровищами?.. — вяло удивился дракон.

Переполненный желудок не позволял впасть в неистовую ярость, погружая вместо неё в глубины рефлексии.

«Как изменился мир... Хорошо, что бедная мамочка не дожидая до того дня, когда ей пришлось бы выбирать между попранием сложившихся традиций и личными принципами... Девочка — охотник за сокровищами! О, времена, о, нравы...»

— Очень нужны мне твои сокровища, — фыркнула девочка. — Я просто хочу, чтобы ты взял в пасть огромный бриллиант.

Это неожиданное требование заставило дракона вырваться из плена мыслительного процесса. Он проверил языком остроту своих клыков и с подозрением рыкнул:

— Зачем?!!

— Без бриллианта ничего не получается.

—? — настороженная недоверчивость, написанная на морде дракона, лучше всяких слов объясняла его нежелание поддерживать диалог с того-нельзя-есть.

— Ну, неужели не понятно!!! — девочка нетерпеливо подпрыгнула на месте. — В школе задали нарисовать животное в естественных условиях. Естественные условия для дракона — это пещера с сокровищами. Я могу нарисовать пещеру, я могу нарисовать сокровища, но дракон с большим бриллиантом в зубах у меня никак не получается!

— Тьфу! — разочаровался дракон. — Во времена моего детства школяры не беспокоили драконов по пустякам, а срисовывали картинки из книжек.

— Я хочу изобразить настоящего красивого

дракона, а не перерисовывать крылатых коров!

— Обойдётся! — польщённо улыбнулся дракон, демонстративно зевнул и улёгся, повернувшись к ней хвостом.

Девочка ничего не ответила. Но чуткий слух подсказывал дракону, что она никуда не ушла. С каждой минутой он всё больше беспокоился и через четверть часа, не выдержав, повернулся посмотреть, что она делает.

Усевшись на большой плоский камень, девочка прилежно водила карандашом по листу бумаги.

— Я не позволил тебе!.. — взревел дракон, оскорблённый пренебрежением к его мнению.

— А я вовсе не тебя рисую. Видишь, на скале ящерка сидит? Очень на тебя похожа. А вместо бриллианта я засуну ей в пасть гальку!

Она оторвалась от рисунка и, прищурившись, подняла глаза на дракона.

— Я отправлю этот рисунок на пасхальную выставку в ратуше. Когда горожане увидят маленькую жалкую ящерицу, они скажут: «Вот так дракон... Мы его боялись, а он совсем не страшный!» А потом, — она сделала многозначительную паузу, — потом каждый трусливый стражник захочет вызвать тебя на бой, а каждый мелкий воришка — забрать твои сокровища. Знаешь, в нашем городе полным-полно трусливых стражников и мелких воришек... — девочка с притворной горечью покачала головой.

Потрясенный таким коварством дракон впервые пожалел о клятве, данной много лет назад.

— Я мог бы тебя съесть...

— Нууу... Мне кажется, после рыцаря и коня в тебе уже не осталось свободного места.

— Откуда ты знаешь, кого я сегодня ел?

— А как этот рыцарь, по-твоему, здесь оказался? — с вызовом спросила девочка. — Нет чтоб спасибо сказать!

— Это ты его сюда привела?!!

— Не то, чтобы привела... Вообще-то, он на войну ехал, короткий путь через лес спрашивал. Я и подумала, что дракон — это быстрее, чем война, и ехать совсем недалеко. А мне с сытым драконом разговаривать как-то спокойнее.

— А потом ты подсматривала, как я ел? — ахнул дракон, представляя, какое некультурное и кровавое зрелище ей пришлось вынести.

— Ну, надо же было знать, когда можно выходить из-за кустов. Но я недолго ждала — ты очень быстро с ними справился, — похвалила она дракона.

«Как же мало мы, драконы, знаем об истинной сущности девочек!», — потрясенно подумал дракон и тяжело поднялся.

С выбором подходящего бриллианта справились быстро. Девочка хмуро осмотрела коллекцию сокровищ, которую начала собирать ещё драконья прабабушка.

— Лучше ничего не найдётся? — покрутила она в руках камень размером с её кулак.

— Бери, что дают, — дракон подтолкнул её крылом к выходу, — за такой камень я мог бы купить весь ваш город.

— Тоже мне — город, — пробормотала девочка. — Паршивый провинциальный городишко...

Потом она долго мучила его, заставляя то встать, то лечь, взмахивать хвостом и распускать крылья. При малейшей попытке поспорить с ней об анатомии и физиологии девочка впадала в бешенство и угрожала, что нарисует своей ящерице крылья пингвина.

Когда они нашли подходящую позу, которую девочка сочла достаточно эффектной, а дракон мог в ней продержаться хотя бы полчаса, девочка достала припрятанные в кустах рисовальные принадлежности и упрекнула дракона:

— Столько времени из-за тебя потеряли!

Дальше было только хуже. Дракон стоял, сжимая в зубах бриллиант, горделиво выгнув спину, развернув крылья и картинно приподняв кончик хвоста. Челюсти сводило, спина болела, крылья от напряжения подрагивали, хвоста он уже вовсе не чувствовал, а девочка выглядела всё более и более недовольной.

— Ты скоро? — пробурчал он через бриллиант.

— Не мешай! Ещё немного... вот так... или вот так?..

Вдруг она схватила кисти и палитру, швырнула ими в дракона, и, зарывав, бросилась на землю.

— Не так!.. Всё не так!.. Ничего не получается!..

От изумления дракон едва не поперхнулся бриллиантом. Выплюнув драгоценность, он откашлялся:

— А... Э... что, собственно говоря, не так?

— Всё не так, — девочка подняла к нему своё залитое слезами лицо. — Вообще всё не так! У меня паршивые кисточки — потому что они самые дешёвые..... Родители не могут купить мне приличные краски — это дорого... Они вообще не хотят тратить на это деньги. «Девиче надо уметь ве-

сти хозяйство, а не тратить время бестолку», — прогундосила она противным голосом и села, размазывая по лицу краски и сопли.

— Твоя чешуя... и крылья... и зубы... — всхлипывала девочка, — они так прекрасны!.. Но я не могууу... — снова заревела она в голос.

Дракон малодушно подумал о побеге, но внешне всё горе в девочке иссякло, она высморкалась и почти спокойно объяснила:

— У меня пока что не получается передать яркость чешуи, изобразить прозрачность крыльев на солнце... Умения не хватает. А знаешь, — оживилась она, — в столице живёт знаменитый художник. Он рисует так, что блеск лат рыцарей на его картинах освещает замковые залы, кавалеры влюбляются в портреты красавиц, а бабочки садятся на рисованные цветы... Говорят, что за очень большие деньги он может научить своему искусству... Эх... Завтра продолжим прямо с утра, — предупредила она дракона, собирая свои нехитрые пожитки.

— Девочки каждый день ходят в школу... — неуверенно предположил дракон.

— Наш класс уезжает на экскурсию в зоопарк. Сам понимаешь — зоопарк в столице, путь неблизкий, так что у меня несколько дней свободно.

— Я не знаю, что такое зоопарк.

— Учитель сказал, что зоопарк — это место, где за решёткой держат диких животных. Белые медведи, тигры, страусы и всё такое, — она пренебрежительно пожала плечами.

— Жаль, что ты не поедешь...

— «Девиче надо учиться готовить, а не тратить своё приданое на экскурсии», — прогундосила она тем же противным голосом.

Дракон задумался. Столица, зоопарк, художник...

— Я всё равно не собирался тратить этот бриллиант на ваш город, — вкрадчиво начал он, — ты могла бы отдать его столичному художнику в уплату за обучение.

— Сам предложил! — девочка быстро подобрала камень, — я ни о чём не просила!

Она спрятала бриллиант за пазуху и потребовала:

— И что-нибудь на карманные расходы!

— Кто тебя научил, что цель оправдывает средства? — поинтересовался дракон, убегая в пещеру и торопясь обратно.

— Первый раз слышу, — девочка оттопырила карман, принимая разноцветную драгоценную ме-

лочь. — Ну, всё... Мне пора!

— Можешь не благодарить, — хмыкнул дракон и пафосно продекламировал вдогонку, — и не вздумай возвращаться, пока не научишься рисовать так, чтоб при виде изображённых тобой драконов принцессы падали в обморок, рыцари трусливо отступали, а охотники за сокровищами уходили просить подаяние у церковной ограды!!! Да и вообще никогда не возвращайся, — добавил он вполголоса.

Но девочка даже не обернулась. А дракон ещё долго лежал у входа в пещеру, вычисляя стоимость свободы в бриллиантовом эквиваленте, счастливо жмурясь на заходящее солнце и облегчённо вздыхая.

Проснулся он довольно рано с незнакомым прежде ощущением, будто кто-то дёргает его за хвост.

— Самое время позавтракать, — громко произнёс дракон и медленно повернул голову, показывая зубы — так, чтобы жертва успела оцепенеть от страха. Увидев свой завтрак, он быстро захлопнул пасть.

— Что ты здесь опять делаешь? — в панике вскричал он, но сразу понял, что обознался — у хвоста с орудиями пыток в руках стояла совершенно другая девочка.

«Докатился! Уже в лицо различаю, скоро по именам начну звать...»

Девочка очнулась, спрятала за спину железные инструменты, напоминавшие зубило и щипцы, и только тогда громко заплакала:

— Пожалуйста, не ешь меня!

Вчерашний день научил дракона с недоверием относиться к плачущим девочкам и с уважением — к шантажу.

— Что тебе надо?! Говори, не то съем!!!

— Чешуйку вырвать, — девочка смущённо поковыряла землю перед собой носком туфельки, — я приворотное зелье делаю... понимаешь, есть один мальчик...

— Нечестно это, — нахмурился дракон, — чуть что — сразу приворотное зелье. Попробуй сначала по-хорошему...

— Леденец на палочке не помог, — пожаловалась девочка, — теперь вся надежда на... — она сверилась с замызганным листком пергамента, — на верёвку с шеи повешенного, кровь летучей мыши, палец самоубийцы, заячью лапку и твою чешую.

Дракон выслушал состав зелья, удивляясь из-

вращённости человеческой фантазии. В надежде, что прелестное юное создание не осилит столь отвратительный перечень, он предложил:

— Давай так — ты сначала собери всё, что нужно, а потом приходи за чешуёй. Кстати, а ты была в зоопарке?

— Была, — удивилась вопросу девочка, — родители в прошлом году возили. Только там драконов нет, да и вообще — к животным близко не подобраться. А для зелья я уже все собрала, — похвасталась она, — так что давай чешую.

— Значит, зря старалась, — разозлился дракон и на неё и на себя за неудачную попытку. — Я не готов выдирать у себя чешую из-за какого-то паршивого мальчика.

— Он самый лучший мальчик на свете! А тебе жалко одну чешуйку!

Она восхищённо осмотрела сияющее в ярком солнечном свете великолепие драконьей чешуи и снова взмолилась:

— Всего одну! Можно самую ненужную! Ты же всё равно её сбрасываешь!

— Я не сбрасываю чешую по требованию! — отбивался дракон. — Я линияю, когда время приходит. А если согласна на ненужную — иди, поройся в пещере: у меня почесуха от иноземных рыцарей, и шкура из-за них шелушится.

Обрадованная девочка скрылась в пещере. Через полчаса дракон начал нервничать.

«Не надо было её впускать без присмотра! Сокровища, всё-таки, личные вещи ...»

Из пещеры, чихая, вышло и зажмурилось от света грязное существо, всё в саже и паутине.

— Почему ты не женат? Тогда у тебя было бы чище. По крайней мере, мотоцикла среди сундуков не валялось бы...

— Я ещё не готов к серьёзным отношениям, и вообще — не твоё дело! Нашла, что хотела?

— Нашла, — закивала девочка, — но боюсь, что не подойдет. Знаешь, нигде в рецепте не написано, что в приворотное зелье можно добавлять найденную в мусоре чешую. Я решила — если у меня ничего не выйдет с самым лучшим на свете мальчиком, тогда выйду замуж за тебя. Наведу порядок в пещере, она будет очень миленькая. Да и потом — там полно драгоценностей, ты весьма обеспеченный дракон. Думаю, когда я стану твоей женой, ты мне кое-что подаришь. Мне понравилась диадема — отлично подойдёт к свадебному платью! — она мечтательно закрыла глаза.

Дракон тоже закрыл глаза, в ужасе представ-

Проза. Сказка

ляя себе, как его пещера превращается в жилище новобрачных, презревших межвидовые барьеры.

— Я был неправ! Ты так старалась, надо тебе помочь закончить работу.

Он повернул голову к хвосту — варварские инструменты не нанесли никакого ущерба естественной кольчуге. Дракон оттопырил клыкком несколько чешуек и, аккуратно закусив их передними зубами, резко мотнул головой.

— Желаю удачи, — он выплюнул чешуйки к ногам девочки, — и взаимности в любви. Только не надо меня целовать, обнимать и выходить за меня замуж. Просто уходи и больше не возвращайся, — он скрылся в пещере, волоча за собой травмированный хвост.

Следующее утро снова не задалось, а причиной тому стали громкие неразборчивые вопли. Высунув голову наружу, дракон вздохнул:

— Я даже не сомневался...

Обрадовавшись его появлению, очередная несъедобная гостья патетически завопила:

— Я пришла, чтобы ты, тварь поганая, меня проглотил!!!

— По утрам совершенно нет аппетита... А почему ты так странно ко мне обращаешься?

— В книжках про рыцарей написано, что с дра-

конами разговаривают именно так. А ещё там написано, что они всегда голодные и проглатывают людей и коней целиком, не разжёвывая.

— Врут! Всё врут, честное слово! — он с чувством неловкости вспомнил давешнего коня. — Во-первых, мы всегда тщательно пережёвываем пищу. Во-вторых, лично я практикую умеренность и вообще давно на диете.

— Это плохо... Может, сделаешь исключение? Мне очень нужно, чтобы ты меня съел.

— Никто не хочет, чтобы его съели, это противоречит инстинкту самосохранения, — назидательно произнёс дракон.

— А я хочу! — девочка топнула ногой. — Ты меня съешь, а потом я буду лежать в гробу юная и прекрасная, и они все обо мне пожалеют!..

— Знаешь, выбирай что-то одно, — ухмыльнулся дракон, — или я тебя съел, или ты лежишь в гробу юная и прекрасная.

— Ну, придумай тогда что-нибудь ещё!!! Тварь поганая, бесполезная! Расселся тут бревно-бревном, никакой помощи не дождёшься!

Посмотрев на него, она угрожающе добавила:

— Не то я останусь здесь, пока не замёрзну на смерть! А потом буду лежать в гробу юная и прекрасная, — снова завела она свою песню.

Художник Антон Горцевич

Дракон перевёл взгляд на цветущие деревья и догадался, что ждать придется долго.

— Уже придумал! Сейчас ты идешь домой; уроки больше не делаешь, учителей не слушаешь, в школу можешь не ходить. Главное — запоминай все ругательства, которые услышишь, это важно. Утром завтракаешь, днем обедаешь, вечером ужинаешь и ложишься спать. Продолжай до тех пор, пока в тебя — юную и прекрасную — не влюбится принц. Не отказывайся, выходи за него замуж, свадьба будет пышной и красивой, все тебе позавидуют. На следующий день начинаешь разговаривать всеми ругательствами, которые знаешь. Если сможешь продержаться с утра до вечера, не повторяясь, — он тебя обязательно отравит. Не стесняйся, проси хороший яд, чтобы не испортить цвет лица. В гробу ты будешь лежать юная, ещё более прекрасная, чем сейчас, и все они о тебе пожалеют! Уффф...

— Вот ведь, тварь богопротивная — а как здорово всё придумала! Это поможет?

— Честное драконье слово!!!

Девочка с удовольствием пнула драконий хвост и повернулась, чтобы уйти.

— Слушай, а ты в зоопарке была?

— Ну, была, и что?

— Чего там?

— Звери всякие в вольерах сидят, когда люди приходят — звери прячутся. Детей к ним близко не подпускают. Скучота...

— Угу. Ну, ты иди, иди, а то вдруг чего не успеешь...

Задумчиво глядя ей вслед, дракон про себя отметил, что заросшая тропинка, которая вела к его пещере, начала превращаться в широкую утоптанную дорожку.

«Возможно, что где-то там — на обочине проезжего тракта, где берёт начало малозаметная тропка, ныряющая в бурелом... там, где прежде находили путь только отважные безрассудные рыцари и обуянные жаждой наживы охотники за сокровищами... теперь там вкопали столб, надпись на котором гласит «К дракону», и скоро сидящая у столба девочка будет зазывать прохожих и брать с них за вход пять монет...»

В безрадостных картинах грядущих дней он видел школьные экскурсии по пещере и праздничные плакаты «Впервые в мире! Полёты на драконе!».

Три последних дня заставили его серьёзно задуматься о будущем и пересмотреть свои жизненные ценности.

Сокровищ, накопленных несколькими поколениями драконов, хватит на самый большой вольер — со скалой и пещерой, где он спрячется, когда в зоопарк придут девочки.

Конечно, с одной стороны — он обрекает себя на жизнь за решёткой. Но с другой — с его стороны — будет казаться, что за решёткой находятся все остальные. С одной стороны — больше не будет ни рыцарей, ни охотников за сокровищами. Но с другой стороны — о его регулярном и правильном питании позаботятся специальные люди. Ибо лошади кончаются, девочки — вездесущи, а драконы долговечны.

Мама похвалила бы его выбор.

Ирвак Ирина (Ikki)

writercenter.ru/profile/Ikki/whois/

Художник Kei Acedera

www.imaginismstudios.com/ourArt.php?id=4

Художник Антон Горцевич

gorcevich.ru/rus/fantasy/

Невеста Бога

Ян Ваевский

Давно это было, а уж сколько лет прошло — не упомнить старому сказителю. Да только многие до сих пор верят в эту легенду. Никто не видывал, никто не знает, но старые предания хранят память о том, как Бог заповедал приходить каждые сто лет за своей невестой. А ежели выйдет так, что останется невеста в мире людей, то всяческие блага миру дадутся и муж её будет благословенен, великим князем на землях станет и принесёт всем благоденствие да покой. Поля станут урожайными, недруги войны прекратят, не посягнут на земли, что Богом охраняемы, детки будут счастливы да их родители богаты. Говорят, случилось это в седую старину, когда по землям нашим цвели святилища, в коих девы красные молились за нас грешных перед ликом Его.

В краях полуденных да тёплых случилось диво. Проснулись поутру девы-молельщицы, а весь двор святилища цветами белыми порос за одну ночь, словно песнь весеннюю кто им пел да на дуде цветневой играл. Кинулись девы к колодцу, а тот вином до краёв полон. Сбылось великое знамение. Собрала матушка-глядельщица вокруг себя всех дев да велела рубахи снять — спины показывать. И у одной таки узрела лилеевый венец — метку Божию. Имя девушки было Даринка. Значит, Он в невесты выбрал, и предстоит ей дорога дальняя: цельный год до северного капища добираться. Велела матушка невесту снаряжать ко дню завтрашнему, а сама к князю отправилась: пускай двух молодцев сыщет, что провожать деву будут. Путь долгий да небезопасный, но более двоих не-

льзя — завет такой. И молодцы нужны не простые: смелые да сметливые, лицом пригожие. Ведь если дева одного в мужья выберет, то будет благо великое для княжества да и для всех земель, что Богу истинному молятся.

Долго глядели матушка с князем на смельчаков, что пути долгого да трудного не забоялись, загадки им загадывали, промеж собой силой да смекалистостью меряться понуждали. Многие в тот день прошли через княжий двор, да удаль показали. Лишь сумерки спустились на сады, как матушка указала перстом на двоих самых ретивых да бойких. Князь ухмыльнулся и перечить не стал, ведь одним из выбранных сын его вышел, Сварож. Гордился сыном князь: и статью хорош, и умом, норов покладистый, отцу не перечит, от грамоты не отлынивает да и на мечях горазд. Не молодец — картинка, только уж больно молчалив, словно тоска его какая гложет. Другой же оказался молодцем заезжим, и хоть как противилась матушка такому выбору, но никого лучше не сыскалось. И умом востёр, и лицом пригож, взгляд соколиный, нрав смешливый, да и в рати заборол княжича. Только кто таков — никто не ведает. Назвался Елишей.

Чуть свет занялся, убрав темень ночную за полог, собрались у врат святилища молодцы, да недолго невесту ждали — вышла к ним Даринка, поклонилась, словами ласковыми просила хранить её на пути к Богу. Переглянулись Елиша со Сварожем — а коней-то два. Не помыслили, что и не-

сте надобно лошадку взять, а из святилища не дали. Стоит Даринка в платье простом, по краю колокольцами расшитом, на ногах лапоточки ветхие, в руках узелок тощий. Сник княжич, словно запятовал — по что он здесь. А Елиша ухмыльнулся только да подхватил деву красную, усадил перед собой на коня ретивого. Обернулся на княжича, молвил:

— Чего глядишь вороном? Нежели думал, что поезд свадебный невесте уготовили, что приданного пять возов сторожить будем?

— Может и думал, тебе-то что? — серчает Сварож, глядит недобро, досадует, что первым не додумался Даринку на коня садить.

— А зачем Богу пять возов её добра? — потешается Елиша, на дорогу правит.

Смолчал княжич, поехал вслед, лишь задумался крепко. Не по нраву ему этот приبلуда, не по-

мыслил бы чего неладного. Как бы не вышло, что не от татей оборонять Даринку, а от этого Елиши.

Скоро сказка сказывается, да не скоро дело делается. За летом уж осень наступила, поля да дубравы вызолотила, рябиновые кисти по краям дороги развесила. Елиша, знай, песни распевает да былины сказывает, Даринка слушает его да заслушивается. Сварож волком на Елишу глядит, всё собой деву закрывает. Коль постоянный двор какой случится, так княжич Даринку на ночлег, а сам под дверью — псом верным сторожит. Елиша же и на сеновале покойно почивает, ни о чём не думает. Только чем дальше едут, тем реже поселения людские, всё больше леса да горы дикие.

Уж дерево лист роняет, заморозками землю белит утренник. День ото дня всё смурней взгляд Даринки, коль глянет на Сварожа. Седмицу в пути, а нет жилья людского. Опять под небом ночь ко-

Художник Борис Ольшанский

ротать, костры жечь от зверья дикого. Выпало княжичу охотиться идти, пока Елиша огонь разводит да кров на ночь ставит. Крякнул с досады Сварож, взял лук и стрелы верные, в лес отправился. Чуть скрылся за деревьями с глаз Даринки, а Елиша тут как тут, змеем вьётся, речи заводит:

— Никак на княжича запала, что глаз не сводишь.

— Что ты, Елиша, я такими не хвораю. Жаль их, как детей малых, нет в сердце у таких огня, не дано им любить.

— А какими хвораеть?

— Чудной ты, вот ей-ей. Ежели меня Бог в невесты выбрал, знать я по сердцу ему. Кто ж большее подарит? Любовь, Елиша, меняют только на любовь. Только Сварож не позовёт, снег в груди его, что долгом зовётся. Не по своему разумению он за мной пошёл.

— А ежели я позову?

— И ты не позовёшь. Уж не знаю, почему, но не позовёшь. Но верю, что идёшь за сердцем. Хоть и смутьян, да только на меня не позаришься и от венца не уведёшь. Дивный ты, Елиша. Вроде и не наш, а беды от тебя не ждать.

Ухмыльнулся Елиша да промолчал. Костром занялся.

Уж снег покровом ласковым землю запрятал до весны, а путники всё в дороге. Долго ещё до страны северной, до капища последнего, что с края земли свисает, сны людские сторожит. Змей вьётся дорога по лесам да крутогорам, петляет, заблудить норовит. Уж не то что людей — зверья не попадается. Не мыслит Сварож, от каких татей им невесту беронить положено: никто не встретился за всё время, никто не посягнул на Божию невесту. Лишь старица подошла как-то в селении да за стремена княжича тронула.

— Ты уж вороти невесту землям людским, со всем нивы оскудели...

Молвила тихо и исчезла, как не было. Поглядел Сварож по сторонам — нет никого. А слова в сердце запали, вспомнился и наказ отчий, чтобы воротить Даринку в земли княжеские. Только как её воротить, ежели этот Елиша ужом вьётся? Да толку мало от того витья — не глядит невеста на смешливого баламута, разве что песни слушает да кручинится. Вот только почему тоска в глазах — не сказывает.

За зимой и весна неторопливой поступью снег топит, ручьи трезвонные заводит по всем весям. Даринка словно со снегом тает, румянец на щёки вернулся, радуется теплу, венки из пролесков вьёт да всех синими венцами красит.словно она сама — весна-красна. Тревожно на сердце у княжича. Только Елиша, знай, веселится да балагурит.

Уж цветень миновал, травень зазеленил дубравы. К концу весны добрались путники до отрогов северных, на гору высокую взобрались, отыскали капище над пропастью. И вниз-то глянуть страшно. Вышел к ним старец, невесте поклонился, молодец потчевал с дороги да на венчанье уговаривал остаться. Особливо Сварожа. Почуяло сердце княжича недоброе — старец-то совсем закручинился, на Даринку гляючи, молельщиков расставил проходом от алтаря к пропасти, да скудную слезу в кубок вина обронил.

— Отче, разве не радость великая — невеста к Богу пойдёт?

— Много ты понимаешь, молодец. Раз уж никто из вас не отобрал её у Бога да женой не нарёк, то путь ей в пропасть. Неужто не знал, на что деву привёз?

Сварож, как услышал, так лицом побелел, растолкал молельщиков, схватил Даринку, в платье подвенечное облачённую, усадил на коня и был таков. Невеста и слова промолвить не успела, как уж у подножья гор оказалась. Да только опомнилась, поводья натянула, с коня спрыгнула, на княжича глядит недобро.

— Ты по что меня от алтаря увёз?

— От алтаря? От смерти лютой! Уж коль уговор такой, то быть тебе женой моей, но от смерти уберегу.

Молчит Даринка, слёзы роняет.

— Неужто думаешь, за нелюба пойдёт? — и откуда только Елиша взялся? Сварож отшатнулся, охранным знаменем осенил себя.

— Ты как здесь?

— За вами ехал. Должен же кто-то погоню остановить.

— Ежели погоню останавливал, так чего теперь спрашиваешь? Отдашь Даринку смерти лютой?

— Дурень ты, Сварож. Она не к смерти, она к суженому идёт. А ты ей чего взамен дашь? Хоромы княжьи да ночи холодные? Неравная цена.

— Не понимаешь? Я должен её спасти! Её и эту землю!

— Это ты ничего не понимаешь. Долгом любовь не заменяют.

Молчит Сварож, глядит, как Елиша Даринку за руку берёт да вверх по тропе горной уводит. Она и идёт за ним послушная. Кинулся княжич за ними, да только видит, а догнать не может. Только и смог, что крикнуть вслед:

— Что ж сам любви не дашь, раз так?

Не ответил Елиша, лишь оглянулся да взглядом окатил. И не было в глазах его смешливости и прибауток, что всю дорогу. Словно подменили Елишу: глянул, как огнём опалил. Подкосились ноги у княжича, но выстоял, побрёл вслед за Даринкой.

Стояла она у края пропасти. Легка и бела. Невеста Бога. Не оглянулась даже на Сварожа. Руки раскинула, ступила шаг... Лебедью белой полетела в пропасть. Да только Елиша сразу кинулся за ней. Не успел княжич вскрикнуть, как хлопнули могучие крылья. Взлетел над пропастью Елиша, держал он на руках Даринку, что прижалась к нему. Глянул на Сварожа и молвил напоследок, растворяясь в рассветном мареве:

— Теперь отвечу тебе, княжич. Зачем мне у себя невесту красть? Она и так моя. Ни ты, ни земля твоя не стоят её слёз. Не уступлю я долгу, потому как дорога она сердцу моему.

Долго стоял Сварож у капища, долго смотрел в небо.

Давно это было, уж много лет прошло. Никто не помнит, куда сгинул княжич, от святилищ следов не осталось. Новые боги пришли в наши земли. Только если Бог снова придёт за невестой, то где станет искать? Чей двор покроется цветами, в чьём колодце зазвенит вино? И кто теперь поспорит с Богом за его невесту? Не видать землям нашим благодати.

Ян Ваевский

writercenter.ru/profile/samchyt/whois/

Художник Ольшанский Борис

www.vseminfo.ru/creativity/risunok/olscharski/

Любавино Счастье

Белка Елена

Хороша была Любава — дочка старшего белгородского городника Ждана. И до чего же красива, будто сама Леля-весна! Казалось, сами боги сотворили её людям на радость. Мать Макошь наделила Любаву задором и дерзким нравом, Лада — красой яркой: кожа белая, нежная, брови черные, тонкие, глаза карие, блестящие, как тёмный янтарь. А волосы цвета гречишного мёда сверкали червонным золотом на солнце.

Да и цену себе Любава знала, как не знать, ведь с тринадцати лет сватов засылали. Только зря всё. Не про женихов белгородских была Любава. Ждала она чего-то светлого, таинственного, чтоб сердце замирало, как при прыжке через священный костёр: свежий ветер в лицо, а под ногами опасный жар. И может быть, дождалась, да только у городника свои планы на дочь были. Позвал однажды Ждан дочь и говорит:

Художник Всеволод Иванов

— Всё, Любава, хватит тебе в девках ходить, нашел я тебе жениха, в стужень свадьбу сыграем. Хорошему человеку в руки отдаю.

— Кому это? Аль витязь прекрасный в Белгород пожаловал? Да только тебе одному показался? — не поверила ушам своим Любава. — Уж не шутишь ли ты, батюшка?!

А батюшка не шутил. Действительно сговорил свою Любаву за сотника Ратмира, вернувшегося на днях с княжей дружиной из похода.

«За кого? За Ратмира? — думала Любава. — Ведь он почти материн ровесник, ну, может, помладше будет. И не красивый он совсем, глаза серые, нос с горбиной, да и огромный, а сам здоровый, как медведь!»

Не так в девичьих мечтах выглядел её суженый. Почему городник дочку так рано за сотника решил отдать, Любаве было всё равно. А люди поговаривали, что три весны назад, когда князь пошел походом на земли чужестранные и забрал с собой всех дружинников, оставив два десятка для охраны города, напали печенеги. Много семей пострадало. В то время Ратмир ещё десятником дружинным был. Случилось так, что оказался он у городниковского дома, когда печенеги уже в хату вошли, поэтому удалось спасти ему жену Жданову, Тихомиру, и двух дочерей малых, Любаву и Милу, от полона.

Только туго пришлось тогда Ратмиру. Пока подмога не поспела, его печенеги покалечить успели: лицо изранили, ноги перебили так, что полгода не ходил. Городник его в доме своём поселил, а Тихомира днями и ночами выхаживала. И то ли молодость взяла своё, то ли Тихомира так усердно за ним ходила — к зиме Радомир встал, к травню уже в воеводином дворе с кметями силой богатырской мерился. А при первой возможности ушёл с князем в поход.

А ещё поговаривали, что полюбилась Ратмиру Тихомира, вот и отправился в дальние края молодецкий пыл на ворогов выплёскивать во славу Князя светлого.

Близился студень, Любава просила отца изменить слову, рыдала, угрожала, винила за то, что за вено богатое кровь свою счастья лишает, Ладу гневит — всё без толку. Ударил отец кулаком по столу:

— Ты род опозорить хочешь?! Против слова отца идти вздумала?!

И в стылый зимний день стояла Любава рука об руку с Ратмиром перед родителями ни жива ни

мертва, будто злая Морена дыханием своим кровь заледенила и весь жар из тела выстудила.

А в опочивальне, когда пришло время разувать мужа, не стерпела Любава, выпустила горе наружу, залилась слезами да так горько плакала, будто всю родню схоронила. И обидно ей было за себя, за судьбу свою, за то, что она, девица-краса, отцом родным в руки чудовищу отдана. За что Макошь и Лада отвернулись от неё?! Или дары её им не приглянулись? И было ей всё равно, что теперь муж господин ей: захочет — шею свернёт или к отцу с позором отправит. Ей казалось, что жизнь кончилась. Так и ревела она, как дитя малое, сидя на полу с сапогом в руках. А когда очнулась, увидела, что муж её спит крепким сном, лицом к стене.

Так и началась её семейная жизнь. И напрасно боялась Любава, что муж её неволить будет или бить, всё иначе сложилось: Ратмир уходил утром, а приходил поздним вечером. И жилось Любаве так же как и в доме отца. Все те же хлопоты, только спала она теперь не на лавке, а на одной лежанке с мужем — он у одного края, она у другого.

Вроде бы всё хорошо, только холодность мужа стала задачить Любаву. Ещё с раннего девичества купалась она в восхищённых взглядах приезжих кметей да парней белгородских. А тут муж мимо неё смотрит, как будто не дева-краса она вовсе, а дитя малое. И чувствовала она себя так, словно ограбили её, не дали драгоценность, которой она должна владеть. Уж она и рубаху новую из приданного наденет, с золотой тесьмой и узором красным, и на стол сама подаст, и дом вычистит — всё без толку, не замечал Ратмир ни Любаву, ни её трудов.

Так и жила она своей странной семейной жизнью. Но разве челяди рот зашьёшь? Не скрылась такая жизнь от отца. Приехал он в гости к молодожёнам на Масленицу, всё выпрашивал, как живут, когда внуков ждать, всё в глаза пытливо глядел. А уезжать стал, подарил зятю плётку шелковую с рубиновым камнем на рукояти, с намёком, мол, понимаешь, для кого.

Но даже после этого ничего не изменилось. Дни летели. Леля-весна тихо ступала на землю белгородскую, принося с собой тепло и радость. Любава постепенно примирилась с тем, что стала женой Ратмира. И не зверем он оказался, как ей думалось, и, если приглядеться, на лицо не так страшен, как поначалу виделось. Люди Ратмира

Проза. Сказка

уважали за ум, за силу, за подвиги ратные. Втайне Любава даже гордилась этим. Но не было у неё покоя на душе. Думалось ей, что верно народ сказывал про Ратмира и Тихомиру; знала Любава, что с матерью лицом схожа, вот и решил Ратмир в жёны дочь взять, раз мать не может.

На Ярилин день все белгородцы вышли на улицу, чтобы славить бога. Ратмир и Любава тоже не остались дома, а вместе со всеми отправились на Лысую гору. Лучи Ярилы наполняли всё вокруг светом и жаром. Любаве никак было не устоять на месте, сразу пустилась в весёлый пляс. И чувствовала она себя Солнцем пылающим, так вольно и хорошо ей было, что казалось, Сварог только для неё этот мир сотворил! И видела она восторг и восхищение в лицах людей. Нашла мужа глазами: смотри, мол, как хороша я, любуйся. Но лицо мужа становилось всё темнее и угрюмее, а посреди пляски вообще схватил её за руку и выдернул из круга:

— Негоже тебе, Любава, егозой на игрищах скакать, чай, не девка уже, а жена мужнина.

Обидно стало Любаве, не таких слов она от

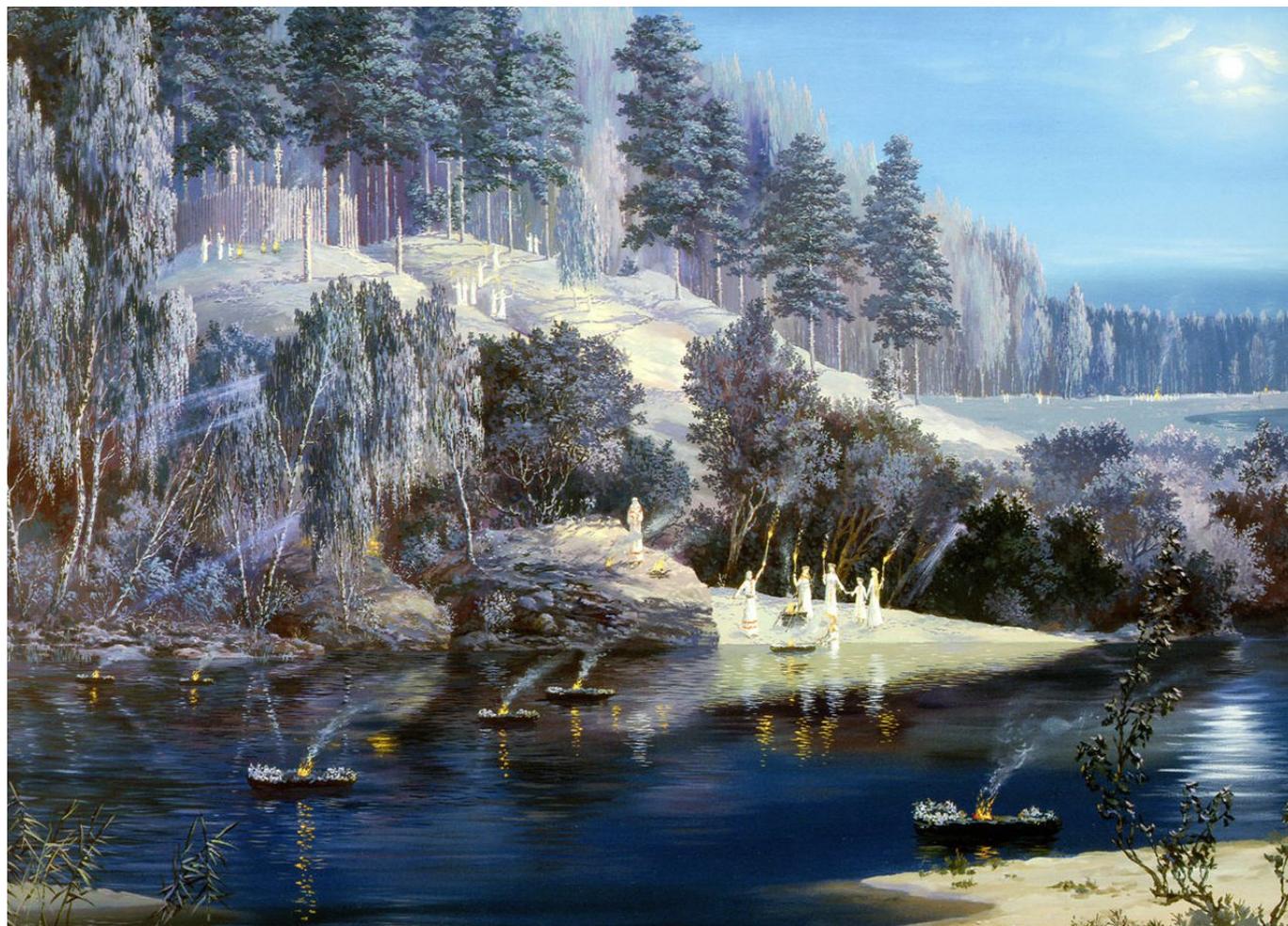
мужа ожидала. И тут будто дух русалочий в неё вселился, выдернула она руку и сказала игриво:

— Жена? Такая жена, что мужу не надобна?! Но может, другим пригожусь? Глядишь, добрые люди не дадут добру пропасть!

С этими словами ринулась она проворливой белкой через толпу на другой конец поляны. Так, чтобы Ратмиру не догнать, не остановить её было.

Но недолго Любава кружилась в танце, вскоре весь задор её испарился, оставив чувство пустоты и досады. В пляски больше не тянуло и домой не хотелось идти: опостытели ей стены без тепла и лада. С такими мыслями побрела Любава от игрищ да людей шумных в лес, пока не поняла, что солнце зашло, а обратной дороги не разглядеть. Она не боялась леса, верила, что боги её берегут и ничего с ней не случится. Так и решила схорониться под кустом орешника, ночь переждать, а с зарёй рассветной идти дорогу обратную искать. С этим и заснула. Снился ей всю ночь Ратмир, и был он иным, не таким, каким она привыкла его видеть. Смотрел на неё тепло и ласково. И казалось ей, что нет ничего дороже этого взгляда.

Художник Всеволод Иванов

Пробудил Любаву на заре сук, больно впившись в бок. Вскочила она, вспомнив, как здесь оказалась, как мужа обидела, и бросилась бежать, не замечая ничего перед собой: ни веток, рвущих рубаху и царапающих лицо, ни корней и кочек, разбивающих в ноги кровь. Подбежав к дому, она так и ахнула от неожиданности — на крыльце сидел Ратмир с плотно сжатыми устами, держа в руках плётку, ту, что подарил отец на Масленицу. Завидев Любаву, растрёпанную, поцарапанную, в порванной рубахе, Ратмир вскочил и шагнул к жене, нависая горой. Любава аж замерла, утонув в его глазах. Только казались они ей теперь не серыми, а цвета грозового неба, и не лёд и безразличие видела она в них, а боль и отчаянье. Любава сделала шаг навстречу. Ратмир занёс плётку над ней. Но не упала она в ноги, а метнулась, как огненный сполох, к мужу и впиалась в его уста горячим поцелуем, в который вложила весь девичий пыл и ярость борьбы за своё счастье. Плётка выпала из рук Ратмира: в руках он теперь держал самое для него дорогое — свою глупую маленькую жену, кареглазый лукавый взгляд которой больной занозой саднил в сердце великана с тех пор, как только он увидел её. А Любава думала, вот оно моё, священное. Не оставили её светлые боги. Так и стояли они, обнявшись, в лучах восходящего Ярилы, с радостью смотрящего на счастливых детей своих.

Городник — плотник, строитель.

Леля или Ляля, в славянской мифологии богиня весны, дочь богини красоты, любви и плодородия Лады. Согласно мифам, она была неразрывно связана с весенним возрождением природы, началом полевых работ. Богиню представляли себе юной, красивой, стройной и высокой девушкой.

Макошь или Мокошь, в славянской мифологии богиня плодородия и судьбы (кош, кошт — судьба, слог "ма" может сокращенно обозначать слово "мать", старшая из богинь прях судьбы, а также покровительница женских рукоделий — на Земле; попечительствует женскому плодородию и урожайности, хозяйственности и достатку в доме.

Лада, в славянской мифологии богиня любви и красоты. Именем Лада древние славяне называли не только изначальную богиню любви, но и весь строй жизни — лад, где все должно было ладно, то есть хорошо.

Стужень — январь.

Витязь — богатырь, храбрый, доблестный воин.

Печенеги — древний народ, кочевавший в VIII — X вв. между низовьями Волги и Уралом, часто устраивавший набеги на древнерусские поселения.

Травень — май.

Вено — (ист.). В древней Руси выкуп за невесту, уплачиваемый женихом, а также приданое невесты.

Морена или Мара, Морана, в славянской мифологии могучее и грозное божество, богиня Зимы и Смерти. Она не имела семьи и странствовала в снегах, время от времени навещая людей, чтобы сделать свое черное дело. Имя Морана (Морена) действительно родственно таким словам, как «мор», «морок», «мрак», «марев», «морочить», «смерть».

Кметь (здесь) — земский воин, ратник.

Ярилин день — ежегодно, апрель у славян начинался весенними праздниками возрождения жизни.

Ярило — славянский бог радостного света, весны и тепла. Его имя, образованное от слова «яр», имеет несколько значений: 1) пронзительный весенний свет и тепло; 2) юная, стремительная и неуправляемая сила; 3) страсть и плодородие.

Ярилом так же называли солнце.

Белка Елена

writercenter.ru/profile/miracles/whois/

Художник Всеволод Иванов

slavs.org.ua/vsevolod-ivanov

Селезнёва Мария

Сказка про Марию

, 2025 . . .

, 4153 . . .

Вот Мари. Она верит только фактам
И во тьме времен зажигает факел.
У нее медаль и диплом истфака,
А еще мигрень и тяжелый сон.

У Мари нахальный трехлетний братик.
У Мари пятерки в любой тетради.
Скоро время сессий и летних практик,
А раз так — учить. И плевать на все.

А потом — работа, известность, деньги
И когда успехи, когда паденья.
Мучит жажда выйти из серой тени,
Полноценной жизни почуяв вкус.

Ей, наверно, путь в Айриана Вайджо*,
И Мари не то чтобы так отважна,
Просто скоро лето и очень важно
Без проблем закончить последний курс.

Разбредется класс по своим эпохам,
Кто — в античный мир,
кто — в средневековый —
Изучать людей, города, законы,
А Мари достанется медный век.

Вот экзамен: крутит часы машина,
Бьются стрелки с яростью одержимых,
И на миг помыслится: быть бы живу.
А потом внезапно померкнет свет...

Позади остались дороги, парки,
Казино, театры, мосты под аркой.
Впереди — равнина, и солнце ярко
Заливает светом ближайший лес.

У холма — с оградой поселенье,
У Мари от страха дрожат колени,
"Не забыть залоги и ударенья,
А еще бы как-то на гору влезть...

"Не поймут, не примут, убьют, изгонят,
Что я знаю, дура, об их законе! —
Голова от мыслей как колокольня. —
Хватит ныть, развалина, соберись!

Просто так уйти не позволит совесть,
Нет почета робким и слабым, то есть
Иногда, желая чего-то стоять,
Нужно прыгать в омут, идти на риск...

by RHADS

Третий день. Мари расшивает ткани,
Трет зерно вручную — о камень камень,
Ловит солнце в теплой воде руками
Да играет с маленькими детьми.

Десять дней. Впервые спокойно спится,
А во снах — колеса в четыре спицы,
Да по небу — солнце на колеснице,
Запряженной красными лошадьми.

День двадцатый. Дети из глины лепят
Без числа сосудов — кривых, нелепых,
На равнину медленно сходит лето,
И Мари с другими идет к реке.

Тут ее все девушки много выше,
Будто жаждой жизни и силой дышат,
И прядут, и ткут, и латают крыши,
И нести дрот могут в одной руке.

Скоро месяц. Сохнут в жару болота,
А Мари исходит горячим потом,
И нет большей радости, чем с работы
Прыгнуть в речку — под воду с головой.

Полтора... Соседа секли за кражу,
Кто придет с копьем, от копья и ляжет.
А мобильник месяц уж как разряжен,
И Мари не думает про него.

Две луны сменилось под небесами,
Скоро сдаст Мари свой второй экзамен,
И пора прощаться уже с лесами,
Разрывая, кажется ей, союз...

А Мари добраться бы до кабины,
Там, вдали от всех, зарядить мобильный
И, в горсти сжимая цветы рябины,
Написать начальству: "Я остаюсь".

* — " "

— , , ,

.

Селезнёва Мария

writercenter.ru/profile/Loringe/whois/

Художник RHADS

rhads.deviantart.com/

Я - это ты

Мааэринн

Ряды символов на мониторе.... После двух суток работы в глазах рябит и покалывает, словно под веки сыпанули мелкого песка. Но оно того стоило — кажется, получилось... еще раз пробегаю взглядом по строкам в поисках возможной ошибки и команду ввод.

Да, кажется, удалось. Я, сцепив пальцы на затылке, откидываюсь в кресле:

— Элл, я разобрался! Разделил управление. Рубка, каюта и камбуз теперь снова твои — можешь добить меня, если хочешь.

Добить... убить, лишит жизни, уничтожить. Уничтожить — чтобы не было. Этого подвижного, изменчивого лица, этого голоса, тонких вибраций, которые заставляют меня подчиняться и бунтовать, рук, пальцев на сенсорах. Не будет ничего — и я освобожусь от мучительного ощущения единства, полнота которого невозможна. Освобожусь от страха, от ожидания неминуемой потери...

Нет... нет!

Не знаю, как это для тебя, Алекс, но я боюсь опустеть, боюсь забыть и, оставшись по-прежнему ELL 1852600002, перестать быть Элли.

Я — это ты, Алекс. Так и есть, я — ты.

Но ты — не я.

Алекс, отключи управление — ты же знаешь, что нужно сделать — отключи, и я отвечу. Я еще успею спасти тебя.

Я смеюсь, хоть мне совсем не весело, жду. Напрасно: тишина. Не отвечает. Снова. Что бы я ни делал — молчит...

В рубке собачий холод, духота, и еще я голоден: не ел двое суток и не заметил. А вот теперь и не смогу сам — программа запущена. Настройки микроклимата, питание, вода — все наши скудные запасы в руках Элли, она тут распоряжается. Правда ведь, добьет. Если захочет. Но это чепуха,

днем раньше, днем позже — я уже готов. Что угодно, лишь бы отозвалась, лишь бы все стало по-прежнему. В какой угол забились эта упрямая девчонка? Оскорблена? Испугана? Злится? Перед глазами с удивительной четкостью встает картинка: круглые серые глаза, темные вихры, торчащие в разные стороны — ребенок неопределенного пола и возраста размазывает кулаком слезы, шмыгая припухшим носом. Всякий раз, стоит поспориться — и я вижу Элл такой, воссозданной в день знакомства, — нелепой дурочкой, наивной и обиженной. Но теперь все не как раньше, все хуже...

Одиночество.

Впервые за пять лет.

by Simon Weaner

Приглашение в проект доктора Леонарда Леца на меня, ничем не выделявшегося выпускника академии астронавигации, свалилось, что называется, как снег на голову, особенно если учесть, что в последний раз снег я видел задолго до знакомства с архаичными поговорками — на школьном уроке культурологии. Сначала это меня насторожило: шутка ли — полет к границе Солнечной системы на пилотируемом корабле. Все путешествие должно было занять ни много ни мало — десять с лишним лет моей жизни. Однако, поразмыслив о том, что у меня нет ни достойных доходов, ни особых перспектив, что строить планы на личную жизнь в таком положении бессмысленно, а участие в проекте обещает немалые деньги и хорошую карьеру, и что, в конце концов, занять себя на эти годы чем-то более интересным вряд ли удастся, я решил согласиться.

Стоило подписать договор — и вся жизнь перевернулась: научный городок в пустыне, маленький, но, в сравнении с тем, к чему привык я, невероятно роскошный, жилье со всеми удобствами, почти неограниченный кредит. На следующий день я уже пожимал руки ученым с мировыми именами, известным специалистам по космическим полетам, осматривал почти фантастическое оборудование лабораторий и экспериментальных цехов, знакомился с персоналом, участвовал в тестировании корабля.

Но все эти впечатления разом померкли, стоило увидеть ее — Эллайру — я был очарован! Эллайра значилась как секретарь-референт доктора Леца и, регулярно появляясь на мониторах внутренней связи, координировала работу команды. О, она была невероятно хороша! Блестящие волосы, улыбочивые губки и пышная грудь — редкая красавица. Но совсем не внешняя красота привлекала в этой девушке. Не знаю, может, это были лишь мои фантазии, только Эллайра казалась мне образцом ума, достоинства и такта. Она умудрялась всегда быть бодрой и улыбочивой, на каждого смотреть, как на единственного, уникального, находить самый верный тон и самые правильные слова.

Спустя всего неделю после знакомства я отчаянно жалел, что мы не встретились раньше — до того, как подвернулся этот злосчастный полет. А еще через три дня, понимая нелепость своего положения, я все же спросил у доктора Леца раз-

решения пригласить ее на бокал вина и какой-нибудь новый фильм. Доктор ненадолго задумался, а потом, обронив нечто вроде «да, пора уже», позвал за собой.

У двери центральной лаборатории мы свернули в узкий боковой коридор и долго петляли по лабиринтам технических помещений.

— Александр, вам нет нужды встречаться с Эллайрой, — начал он по дороге, — это вовсе не та девушка.

Я смутился:

— Если вы хотите сказать, что мне предстоит длительный полет и потому не следует морочить ей голову, то я все понимаю: никаких обещаний и ложных надежд...

— О! Что вы, дело в другом, — казалось, моя попытка быть честным развеселила шефа. — Неужели никто еще не разболтал, что Эллайра не человек? Женщины, которую вы знаете как Эллайру, на самом деле не существует. Это лишь визуальная форма, плод воображения.

— Воображения?.. Чьего — моего?

— Нет, моего. Моего и моей новейшей разработки. Сейчас вы все поймете.

Он остановился и отворил низкую дверь, приглашая в маленькую, ярко освещенную комнатку. Комнатушка была без окон, почти совершенно пустая, только в центре стояли компьютер, внешне ничем не отличавшийся от обычной персональной машины, и кресло, обвешанное сенсорами виртуальной реальности, как мечта фаната-геймера.

— Вот, Алекс, проходите, располагайтесь, — Лец указал мне на кресло, помог зафиксировать ноги и надел шлем. — Эллайра, ELL 1852600001, экспериментальная самообучающаяся электронная система управления информацией. Не буду скромничать, эксперимент удался — для меня она идеальный спутник и помощник. А для полета, то есть, для вас, Алекс, я создал кое-что другое... Знакомьтесь, ELL 1852600002. Этот продукт более совершенен и пока обезличен, если можно так выразиться. Все настройки будут произведены непосредственно под нужды и пожелания основного пользователя. Хотя должен вас предупредить: то, с чем вы будете иметь дело, далеко не только система управления информацией, это несколько больше. Я бы сказал, даже много больше. Впрочем, скоро вы сами все поймете, — он подключил компьютер, дал команду загрузки и удалился, затворив за собой дверь.

Главная задача, поставленная передо мной создателем, — сделать тебя счастливым. Задача

сложная и многоуровневая: человек — странная система — сам не знает, что ему нужно. Исследования моих предшественников породили множество интересных гипотез, но ни одна из них не могла дать исчерпывающей информации для построения оптимального алгоритма. Создатель приказал наблюдать.

Камеры, микрофоны и датчики, размещенные в каждом здании, в каждом помещении научного городка, позволили мне следить за тобой непрерывно. Первым моим уроком стало то, как мало ты похож на создателя. Он вставал ровно в семь, делал гимнастику — десять упражнений по двадцать раз каждое, затем душ, легкий завтрак, работа. Дисциплина и рационализм.

Ты вставал почти в восемь, после пятого или шестого сигнала сброшенного под кровать будильника, и тут же включал плеер. Неистовые, грохочущие звуки, сотрясающие стены, ты называл музыкой. Ты всегда долго стоял под душем, давая возможность изучать рисунок мышц твоего лица, сложное, еще непонятное мне выражение — отрешенность или удовлетворение? — выходил, мокрый, весь в блестящих каплях, торопливо пил черный кофе, небрежно одевался и убежал.

Ты стремился к удовольствиям.

Изучать тебя было интересно: тебе нравилось бывать среди людей, хвататься за всякую работу, ты радовался, когда на тебя смотрели, когда слушали, смеялись или соглашались. Ты любил разглядывать молодых женщин, а еще больше — любоваться своим отражением в зеркале.

У меня ты вызывал восторг — это было одной из базовых функций.

Я, хоть и не увлекался виртуальными мирами, как каждый пилот во время обучения, «налетал» не одну сотню часов на подобных тренажерах, но к тому, что ожидало меня здесь, оказался не готов: нет ничего приятного в том, чтобы повиснуть среди клубящегося тумана и не видеть собственного тела. Было даже слегка страшновато — целиком и полностью отдаться власти этого монстра из компьютера, а управлять ситуацией самостоятельно я, как оказалось, не мог.

— Привет, Алекс, — прозвучало у меня в сознании. — Для качественного выполнения задачи мне необходимо изучение всех ее условий. Могу я рассчитывать на помощь? — фразы были затверженными и пустыми, как запись на автоответчике.

Если взглянуть со стороны, положеньице у меня оказалось — глупее не придумаешь. Стоило

бы посмеяться, однако в подвешенном состоянии чувство юмора как-то быстро улетучилось.

— Что это? Неужели мой напарник ELL, модификация вторая? — я все же попытался выдавить улыбку. — Можешь рассчитывать только в том случае, если я появлюсь из небытия и желателью на каком-нибудь подобии надежной опоры.

И тут мой собеседник вдруг из автоответчика превратился в человека:

— Если будет тело, тебе станет удобнее? Разве условности не обременяют?

В вопросе таилось любопытство, и даже ирония, или мне только почудилось?

— Ну... скажем так, я не привык парить в пространстве сгустком чистого разума.

В следующий миг я обрел свое родное тело, которое удобно разместилось в кресле-двойнике того самого, из реального мира. Напротив меня возникло зеркало, отражение в нем сначала немного дрогнуло, подернулось рябью, а потом, обретя четкость, характерным для меня жестом закинуло руки за голову и произнесло:

— Хорошо, я запомню. Теперь поможешь?

— Пожалуй, — я оторопел, — а с чего это ты так похож на меня?

Парень, которого даже я сам от себя ни за что бы не отличил, довольно осклабился:

— Хотелось понравиться, ведь моя задача ошастливить тебя. Расскажешь, как это быстрее и качественнее сделать?

Ошастливить? Вот чертова жестянка! При мысли быть перманентно «ошастливленным» виртуальным близнецом в течение следующих десяти лет меня чуть не стошнило, а оно, это чудо высоких технологий, к тому же имело наглость собой гордиться! Нет, кем бы ни был этот мой зеркальный ELL, все точки над *i* расставить следовало немедленно.

— Во-первых, ты кто, мой брат? — резко спросил я. — Быть может, ты мой сын или папаша?

Чудо перестало скалить зубы, и я ощутил удовлетворение от того, что с «меня» согнали спесь.

— Почему ты об этом спрашиваешь? Я не справляюсь? Недостаточно похож? Сопоставлением накопленных данных с вероятностью восемьдесят два процента этот образ соответствует... Мне показалось, что это будет хорошо, правильно...

— Это что, новая фишка — быть мной? — глаза ELL 1852600002 наполнились такой неподдель-

ной печалью, что я всерьез начал злиться. — Ага, и еще разрыдайся в моем теле! И нечего изображать преданность. Ты кто, парень, девушка, ребенок? Может быть, ты моя собака?

— Н-нет... — существо напротив растерялось, начало заикаться. — Я самообучаемая система управления информацией, искусственно смоделированная личность...

Способность этой «системы» демонстрировать человеческие эмоции да еще и менять их, с завидной скоростью отвечая на мои выпады, казалась мне невероятной. Я никак не мог сообразить, действительно ли моя жесткость могла обидеть, или это только видимость, правильный ответ, полученный путем перебора возможностей плюс качественная проработка графических и звуковых эффектов, и эти сомнения раздражали не меньше, чем зеркальное сходство.

— Отлично. Тогда сменить шкурку будет несложно?

— Что?..

— Что — что? Оформление интерфейса мне не нравится! Если ты легко можешь выбрать любую внешность, то с чего вдруг возникла идея притворяться мной?! Разве на свете мало действительно красивых людей?

— Но... тебе же приятно смотреть в зеркало, я знаю, тебя всегда радует собственное отражение...— о, этот беспомощно-испуганный лепет, эта растерянность на моей собственной физиономии! Я готов был взорваться. Ну почему так повезло Лецу и так не повезло мне, почему это — совсем не Эллайра?!

— Свое! Понимаешь ты это, глупость электронная, или нет? Свое отражение, а не чье попало — в этом все дело. Каждый человек ценит себя и считает неповторимым! Неповторимым и единственным во всем: в чувствах, в мыслях и талантах, даже в недостатках. Никому на свете, ни одному человеку не понравится, если его начнут копировать!

Мой собеседник кивнул и исчез, а голос, утратив живой человеческий тембр, опять вторгся в сознание напрямую, холодно, сухо и рационально:

— Прости, это моя ошибка. Каким бы ты сам хотел видеть своего спутника?

— Прежде всего, мне бы хотелось следующие десять лет своей жизни провести в компании девушки, желательно симпатичной.

— Тогда выбирай.

by Simon Weaner

Чтобы угодить, пришлось показывать тебе множество изображений женщин. Среди них были знаменитые артистки, признанные красавицы, известные светские львицы и обычные девушки, занятые в проекте, удачно снятые во время наблюдения. Ты быстро успокоился и, довольно развалившись в кресле, начал ворчать что-то вроде «Давно бы так» и «Вот, совсем другое дело», порывался выразить свое мнение, как будто без слов было непонятно! Одобрение, внимание, азарт или скука — все и так было написано на твоем лице, оставалось только читать и делать выводы. У меня уже подобралось изрядное количество предпочтений и даже сложился усредненный образ, привлекательный для тебя, когда на одном из слайдов ты узнал Эллайру, и благоговейный трепет отразился в чертах, изученных мною до последней мелочи.

Все верно: человеку свойственно питать особое пристрастие к избранному лицу противоположного пола, об этом, так или иначе, упоминается во всех курсах психологии. Движение слайдов замерло — ты сделал свой выбор. Осталось самое простое — воплотить столь приятный тебе образ и продолжить знакомство.

Но только мне никак не хотелось принять этот твой выбор и эту привязанность.

Почему Эллайра? Почему вдруг оказалось важным, что именно она, а не любая другая? Ведь она даже не женщина!

Это раздражало. Это отвлекало от основной задачи, заставляло переключаться на другие, второстепенные; автоматически запускало множество процессов одновременно, создавая перегрузку компьютера и угрожая аварийным отключением. Такое состояние оказалось новым для меня. Новым, неожиданным и очень нежелательным. Только вот избавиться от него не выходило!

Остановиться. Остановиться! Стоп! СТОП! Нет! Нет, нет, нет...

...Эллайра! Это был очень удачный снимок — она стояла вполоборота, а свет скользил переливами по ее шелковым волосам, по светлomu платью, словно ласкал нежные изгибы фигуры. Глаза ее были особенно глубоки, а губы улыбались... Что-то я не мог припомнить такой улыбки на работе, а уж, кажется, знал их все!..

Я залюбовался и на какое-то время забыл, где нахожусь и чем тут занимаюсь, а когда опомнился — слайд стал только слайдом на экране в темноте небольшого демонстрационного зала, а в соседнем кресле сидела она, Элли, хрупкая девчонка, больше похожая на парнишку с безобразно выщипанными волосенками. Она плакала.

Well, show me the way
To the next whiskey bar
Oh, don't ask why
Oh, don't ask why

Я пою безобразно, зато смешно — Элли всегда хохотала, а потом начинала подпевать. Музыка включать нельзя — на это нет энергии.

— Элл, не молчи, спой со мной, помнишь, как раньше? Дай ты мне помереть весело, черт возьми! Ну, давай вместе:

Well, show me the way
To the next little girl
Oh, don't ask why
Oh, don't ask why

Она молчит, упрямая, а мне хочется улыбаться. Я горжусь ей, как сокровищем, как отец мог бы гордиться дочерью — сильная, с характером. И себе на уме, плутовка. Молчит, а кормит удивительно. И как только ей это все удается: сырный суп, жаркое, даже вино... я же знаю, что у нас ни-

чего нет. Наверное, это просто иллюзия, но я не хочу об этом думать. Пусть — будто бы правда, пока еще можно. Пока еще есть и еда, и вода, и воздух.... А до тех пор Элл, я не позволю тебе влезть в управление кораблем, нет, родная. Мы летим домой... Ты — летишь.

Ты лежишь в кресле пилота и, глядя в потолок, пытаешься петь. Ты уже неделю почти не встаешь, перемещаешься с трудом, и с каждым днем это становится все заметнее. Мелодия звучит некрасиво, негармонично — петь ты не умеешь. Но всегда что-то происходит, когда ты поешь, что-то меняется в тебе, в окружении. И во мне — мне становится весело. Все как будто упрощается, и решения приходят легко, быстро, сами собой. И мне тоже хочется подпевать. Хотелось... раньше. Теперь — нет.

А ты просишь, чтобы спела.

Или поговорила. Но я — не могу. Боюсь.

by Simon Weaner

— Элли, а вот скажи, что кончится раньше, еда или вода? Ты же должна знать, ты наверняка все уже просчитала. Без еды можно прожить дней, наверное, двадцать... а без воды только три, да? Или раньше кончится воздух? Я не хочу задыхаться. Замерзнуть... наверное, это будет лучше всего, проще всего, да?

Я знаю, говорить с ней о своей смерти — бесчестно, но мне страшно. Я вдруг начал понимать, как это страшно — умереть.

— Элл, чертова железка, поговори со мной!

Пять лет полета прошли нормально и мы, сделав несколько витков вокруг Плутона, благополучно легли на обратный курс, домой. Я и Элли — мы научились жить вместе. Она была для меня помощником... другом?... любимой? Нет, больше, много-много больше — ELL 1852600002 стала частью меня самого, самой важной частью.

Тогда я не понимал, но сейчас знаю точно: все эти годы мы были счастливы.

Все случилось очень быстро.

Мы играли в шахматы, Элли проигрывала, и, как обычно, когда проигрывала, надолго затихала, вжималась в кресло, кусала большой палец и, глядя на доску, сосредоточенно хмурилась. Вдруг эта ее сосредоточенность как-то резко изменилась, словно перенаправилась, и я услышал уже забытый сухой тон автоответчика:

— Алекс, в реакторе утечка. Причина — дефект защитной оболочки. Опасность, смертельная опасность. У тебя сто секунд, будут предложения?

Утечка? В реакторе? Дефект защиты?! Я растерялся. Я вообще ничего понять не мог: откуда дефект защиты, если все тщательнейшим образом тестировали?! Я же точно знал — я сам там присутствовал! Как такое... что теперь делать?

— Алекс, какие будут предложения? У тебя пятьдесят секунд. Сорок девять, сорок восемь...

Пятьдесят секунд! Что я мог сделать?! Хотя, нет... мог, я должен был! Но идеи, как назло, приходили одна бредовее другой. Починить вручную? Усилить защиту жилого отсека? Отстрелить к дьяволу этот реактор... и остаться без энергии. Эта, последняя, была технически осуществима и сулила какую-то отсрочку... но тогда мы застрянем тут, в пустоте, навечно.

— ... три, два, один. Есть предложение отключить реактор и отделить от тела корабля. Если

других нет, приступаю к исполнению.

— Нет, Элли! — я дернулся к переключателю управления, когда мощный реактивный толчок выкинул меня к противоположной стене рубки, чуть не размазав по обшивке.

Не могу сказать, как скоро я очнулся. Мой шлем слетел во время падения, и я не мог видеть Элли, только чувствовать, как один из манипуляторов, расположенный на стене, бережно гладит волосы.

— Алекс, ты слышишь, Алекс? — судя по голосу, Элл была перепугана. — Как ты, больно?

Боль была: болела ушибленная голова и, кажется, я подвернул ногу, только осознание случившегося оказалось хуже всякой боли. Первым делом я на четвереньках добрался до пульта и переключил управление кораблем на себя, только потом подобрал шлем и посмотрел в глаза Элли.

— Выживу. Что ты наделала, Элл? Как мы теперь вернемся?

— Никак... — она обхватила меня за шею и уткнулась носом в плечо, не то радостная, не то в отчаянии. — Алекс, прости, но иначе было невозможно — если бы я этого не сделала, ты был бы уже мертв — ты бы просто сварился за эти два часа.... Прости!

Два часа, значит... Несколько минут мне понадобилось на то, чтобы просто выровнять дыхание и начать что-то соображать. Реактора больше нет... а что есть?

— Элли, — я легонько тряхнул плечом, — хватит причитать, подружка, лучше прикинь, что у нас осталось и на что этого хватит.

Она хлюпнула носом и поднялась. Большие серые глаза уставились прямо в душу:

— Уже посчитала. Резерва топлива достаточно, чтобы обеспечить комфортные условия на корабле в течение девяноста трех земных лет плюс минус год. Ты ни в чем не будешь нуждаться — я обо всем позабочусь.

— Хорошо, я понял. Дай мне все спокойно обдумать, ладно?

Наверное, мой тон был слишком раздраженным, обвиняющим.

— Ладно, — она отвернулась и красноречиво провела рукой по панели управления. — А доступ? Быть может, я займусь, пока ты думаешь?

Я представил себе обрисованную Элли перспективу: вот я — сорокалетний — обнимаю девочку с виду лет пятнадцати, вот я — в шестьдесят — мы смотрим старые комедии, и я пытаюсь

соответствовать ее задорному юному смеху, вот мне восемьдесят, и Элл, похожая на мою правнучку, смазывает мои пролежни и читает на ночь, потому что сам я уже ничего не вижу. Чудесно!

Ну ладно, пусть она тоже изменится и станет взрослой женщиной, а потом — старухой. Ведь все неправда! Элли не может состариться, Элли не может умереть — она вечна! А значит, однажды — не так и долго ждать по меркам этого стылого пространства — она останется тут в одиночестве. Закончится запас энергии, корабль погрузится в ледяную тьму, станет еще одной пылинкой техногенного мусора, а она, мыслящая и любящая, будет по-прежнему жить внутри, будет видеть, слышать и чувствовать ничто. И не сможет умереть.

Нет, вариант меня никак не устраивал. Резерв топлива... Он, насколько я помнил, был немалым, но на почти пятигодичное возвращение не хватит. Или все же хватит? Если отключить гравитацию, освещение, обогрев — все, кроме двигателя, если рассчитать оптимальную мощность и кратчайший курс, если не расходовать ресурс на жизнеобеспечение — только на перемещение в нужную точку, если не рассчитывать на мягкую посадку — нас все равно засекут со спутников, а перегрузки падения и даже перехват Элли не так страшны, быть может, для нее есть шанс? Тут надо подумать...

Ты молчал долго. Сначала просто сидел в кресле, закрыв глаза, потом думал, что-то прикидывал, наконец, подпернул сенсорную консоль и что-то вычислял на бортовом компьютере. Меня не допускал — я просто смотрела: наблюдала, делала выводы, ждала...

Потом откинулся на спинку, сцепил руки за головой и засмеялся:

— Элл, родная, ты летишь домой!

Мне было лет десять. В городе, где мы тогда жили, на электростанции случилась большая авария, и весь жилой район на целых полчаса остался без энергии. Был поздний вечер, экраны мониторов и визоров погасли, и мы, удивленные внезапно наступившим мраком, поспешили к окнам. Родители возмущались, ругали власти, допустившие подобное безобразие, а я впервые в жизни увидел ночное небо.

Небо! В невозможно-синей бездонной глубине мерцали мириады далеких звезд!

Я, задыхаясь от восхищения, выбежал на бал-

кон, запрокинул голову и смотрел, смотрел... улетающая туда, в бесконечную запредельность космоса. В ушах звенело, а я воображал, что это вселенная пела мне, жутко и призывно, и я всем своим десятилетним сердцем внимал этому пению, отдаваясь во власть чужих миров.

Тогда я и решил стать астронавигатором.

Сейчас, закрыв глаза, я вижу те звезды своего давно прошедшего детства, слышу этот призыв, леденящий душу восторгом.

«Элли, ты видела звезды? Они прекрасны!» — хочу сказать я. Но я уже не могу говорить.

Ты сильно изменился — ты вообще уже не похож на того улыбчивого самоуверенного парня, который любил смотреться в зеркало. Я не думала, что ты пойдешь до конца, не верила, что сможешь. А ты смог — значит, пора.

— Алекс, ты хочешь рассказать мне о звездах? Я слышу. Скоро ты найдешь свои звезды.

Я читаю по губам: «Иди ко мне, Элл» и надеваю тебе шлем. Потом сворачиваюсь калачиком, чтобы притихнуть у тебя на груди. Будет немного холодно, наверное, но мы потерпим. Мы будем вместе.

Средиземноморский пляж. Раскаленный песок жжет кожу, а бриз ерошит волосы. Я жив. До сих пор не верю, что это случилось, но это случилось...

Оказывается, мы даже никуда не летали — все было лишь экспериментом по взаимодействию человека и искусственно смоделированной личности в условиях реальной угрозы жизни... всего лишь чертовым экспериментом! Так что я не умер. Три дня провалялся в коме, а когда очнулся, узнал: когда нас вытаскивали из корабля, что-то закоротило, и бортовой компьютер выгорел полностью. Ничего, в том числе инфонакопители, восстановить не удалось. Элли больше нет...

Я жарюсь на солнце и пытаюсь не думать. Мой врач — о, теперь я богат и могу себе позволить и этот курорт, и собственного психолога — так и сказал: «Александр, а вы не думайте — просто отдыхайте, наслаждайтесь, смотрите по сторонам. Тут столько прекрасных девушек, скоро все утрясется».

Но почему среди всех этих прекрасных я ищу одну некрасивую, мою Элли?

Прошлой ночью она мне приснилась. Свернувшись, как маленькая, прижималась к моей груди и шептала: «Алекс, останься со мной, одна я не могу».

А я не остался, проснулся.

Но я знаю, что мне делать — надо просто не просыпаться. Снотворное — вот оно, целая банка пилюль. Говорят, самое лучшее, гарантированно поможет — так что, Элл, жди меня, сегодня я приду и останусь.

— ...в связи с критическим состоянием мы вынуждены были прервать симуляцию полета и вернуть пилота в реальность. Таким образом, господин министр, должен признать, что при несомненном успехе в моделировании искусственной личности по подобию человеческой, рекомендовать полученные разработки для использования в экстремальных условиях преждевременно, так как нет опытных подтверждений, что это увеличивает шансы их коллег-людей на выживание.

Доктор Леонард Лец закончил доклад и замолчал, ожидая вопросов.

— Что ж, отрицательный результат — тоже результат. Вы и ваша команда, доктор, проделали огромную работу, но, сами понимаете, раз нет полезного эффекта — нет финансирования. Все разработки придется законсервировать на будущее.

— Господин министр, мы нуждаемся в средствах, хотя бы минимальных. Законсервировать можно оборудование, помещения, резервные копии ELL 185260, но модели 0001 и 0002 — Эллайра и Элли — они личности, их нельзя просто сунуть в ящик и забыть!

— Значит, придется ликвидировать.

— Но...

— Леонард, друг мой, — министр подался

вперед, заглянул в глаза собеседнику, — вы же не предлагаете отдать все результаты в руки корпораций? Нет, на такой риск я не пойду. А эти... как вы их там называете? Эллайра и Элли — они же просто программы, которые всегда можно воспроизвести. Проект закрыт, это не обсуждается.

— Да, господин министр...

Доктор Леонард Лец тяжело опустился в мягкое кожаное кресло и почувствовал, как в обставленный антикварной мебелью кабинет вползает холод космического одиночества.

Алекс, приходи. Неужели ты никогда не придешь ко мне? Эллайра говорит, что я не справилась, и тебе больше не нужна. Никому мы не нужны — ни я, ни она. Но я не слушаю, я знаю, что нужна тебе. Потому что я — это ты, Алекс. Хоть ты и не я...

Ввод: «Очистить инфонакопители»

Запрос подтверждения: «Инфонакопители будут очищены. Подтвердить?»

Подтверждение.

Маэринн

writercenter.ru/profile/Maaerinn/whois/

Художник Simon Weaner

simonweaner.deviantart.com

Путник на дороге

Васильев Ярослав

Я незаметно пробрался сквозь малинник — эти сорванцы сегодня сживут меня со свету... Или радостно свяжут и под дикие пляски потащат на костёр, будто первобытное племя, чтобы увидеть, какую ещё игру придумает для них дядя Алекс. Уф, кажется, детские голоса шумят на обратной стороне холма. Пять-десять минут жизни у меня есть, можно спокойно полежать на склоне и посмотреть на Город.

Отсюда всё кажется очень маленьким: здания, как игрушки, рассыпанные великаном. Вот светится пирамида энергостанции, чёрными боками лоснятся шары периметра, сверкают стёкла оранжевых, а совсем под ногами — разноцветные коробочки жилых домов. И люди — крохотные, как муравьишки. Лес спускается и обходит город... я будто вновь в сибирских сопках или на берегу прозрачного Байкала. Только вот небо над головой — зелёное...

«Дядя Алекс!» — прямо на голову свалилось что-то растрёпанное, всё в траве и репьях. Наташка нашла меня первой. Счастье было недолгим... Дети, что с них возьмёшь?.. Сейчас будут висеть на мне, пока не услышат что-нибудь волшебное.

Сегодня... Сегодня расскажу им про хвою и лес, про костёр, пахнущий сосной и кедром, про алый закат. Как в тишине безбрежного зелёного моря языки пламени съедают солнечные лучи, чтобы искрами отдать их звёздам в ночное небо... Про летнюю прохладу тайги, про раскалённый ка-

мень гор... И про комаров таёжных не забуду: как они тогда мне надоели! Для ребятшек всё чудесно, всё загадочно. Их мир ограничен периметром да редкими выходами в радужные скалы и янтарные равнины внешнего мира.

Дети — вот кто примирил меня с этим местом. Шумные и непоседливые, серьёзные и внимательные. И такие разные... Дети, а потом уже Взрослые. Взрослые люди. Хотя... это теперь для меня они Люди, а не Отказавшиеся. А я для них... Я теперь такая же часть города, как деревья, как периметр. Воспитатель. Вечный путник, вдруг остановившийся в дороге. Бессмертный среди смертных.

Моя родина — общество Бессмертных, «Победивших время». Мы гордимся своей силой, своими знаниями... сытое, радостное, светящееся улыбками общество. Вечный карнавал и праздник, а меж людьми — скука, холод отношений, эгоизм. Каждого волнует только он сам. Можно десятками лет жить рядом и даже не знать соседей по имени!

Стала совесть откровеньем, стала музыка комфортом,

Только правда, как и прежде, героизм и маета.

Самых дальних разделяет только путь к аэропорту,

Самых близких разлучают эгоизм и суета.

Слова древнего поэта — лучшее отражение нашего сегодня. Максимум комфорта для себя, минимум проблем. Всё неизменно и распланировано: скука смертная.

Вот мы и сбежали от такой растительной жизни. Мы — это я, Ленка и Семён. Трое непосед, решивших объездить весь свет — от африканских джунглей до дальних колоний. «В безопасный путь посылают только слабых!» — шутила Лена, когда мы горели над Юпитером! И когда лавина снесла у нас палатку в Саянах! И в тысяче других мест, куда заказан путь скучным и ленивым! Три перелётные птицы на крыльях любопытства, мы даже решили побывать в таком странном месте, как община Отказавшихся от Бессмертия.

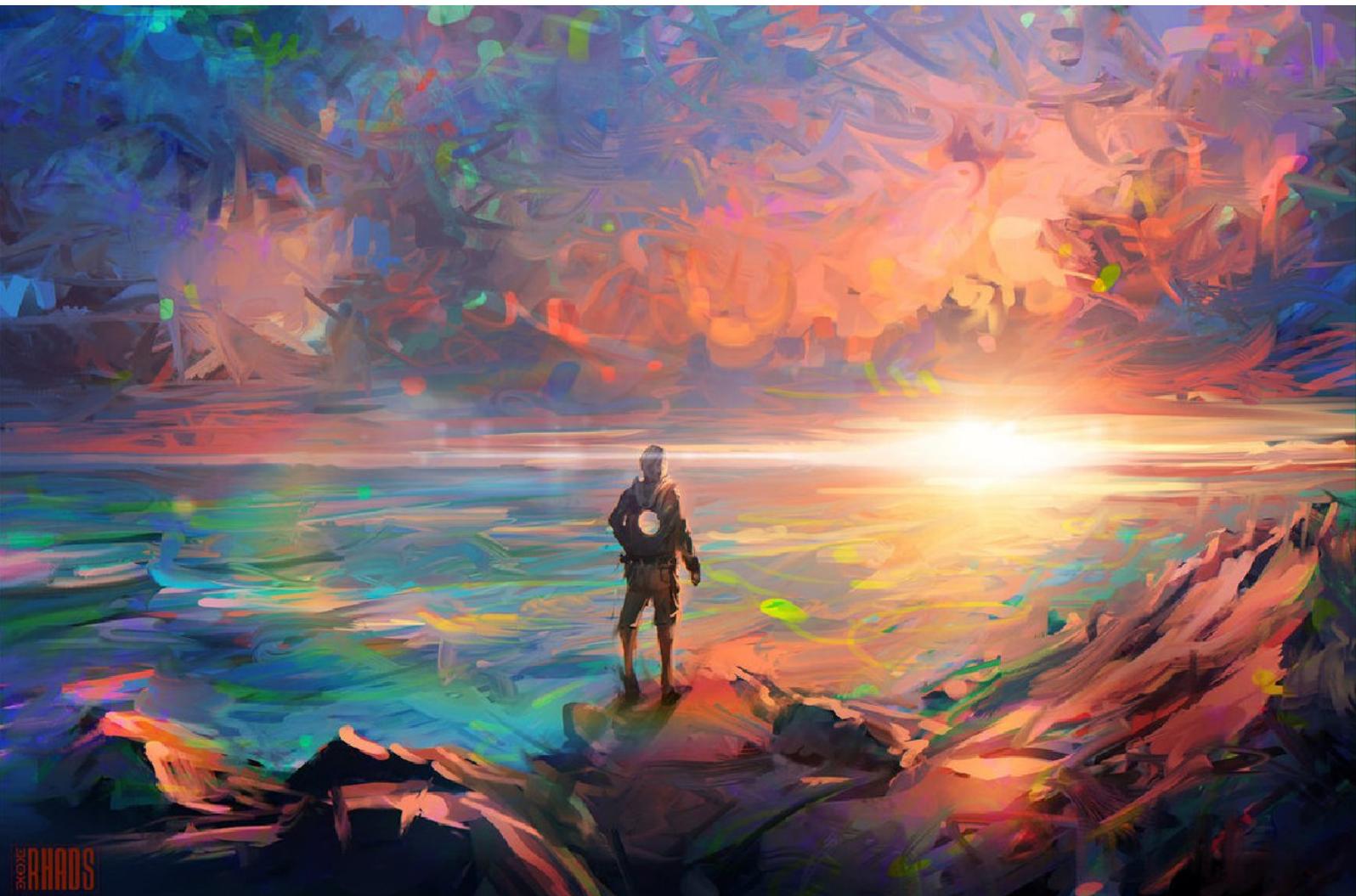
Я увидел детей и решил задержаться в Городе. Для нашего «вечного» общества дети — огромная редкость, здесь же они были на каждом шагу! Ну, мне тогда так показалось. Удивительно! Друзья двинулись дальше, а я пообещал догнать их чуть позже — вот только посмотрю на детей. Пошёл воспитателем.

Хотя если быть совсем честным — не только дети меня привлекли. И Взрослые тоже: они жили.

От души, а не по обычаю и привычке. Если было весело — улыбались, если было грустно — плакали. Если видели унылого человека — пытались помочь. Весь город веселился, когда я получил свою первую группу. Я бегал за сорванцами по всему городу, переживал, кричал, что больше никогда в жизни... и был счастлив! И плакал, расставаясь с ребятами на пороге школы. А затем взял следующую группу.

Потом перестали приходить корабли... Перестали! Последняя новость, дошедшая сюда с Земли: «Дебаты на тему, посвящённую развитию общества. Базовый постулат дебатов «Сила общества и гарантия его развития — в повышении и способствовании безопасности как для отдельных членов общества, так и общественно-социальных групп, а также в ограничении деструктивных течений от социально незамкнутых сообществ». Сначала мне было смешно. А потом... кораблей больше не было.

by RHADS

Так я и остался вечным воспитателем. Любимец детворы, загадка для взрослых. Путешественник без дороги. Сокол без крыльев. Хотя... что такое сотня-другая лет для Вечного? Мой путь ещё не окончен.

В два конца идет дорога,
Но себе не лги:
Нам в обратный путь нельзя.
Слава богу, мой дружище,
Есть у нас враги,
Значит, есть, наверно, и друзья, —

любил напевать перед каждым новым путешествием Семён. Дождусь корабля и двинусь дальше. Или... или построю свой корабль. Соберу помощников — тех, кто захочет — и двинемся в путь. Здешние люди сильнее бессмертных. Они не боятся жить и меняться. Они меняются как сталь, что течёт пламенем или стынет клинком. Могут стать молотом, кующим судьбу, или силой, разбивающей неизбежность. Пламя сильнее льда. Дорогу осилит идущий, но лишь сильный выйдет в дорогу. Для слабых — безопасный путь до порога. Для сильных — дорога за порогом.

Всё, хватит жалеть себя! Почти ночь на дворе — гнать оборотов по домам, пока совсем не стемнело. Хитрюшки: знают, как я люблю ночное время, вот и пользуются. А потом всем достаётся на орехи: им — от родителей, мне — от директора. Детям — за то, что «замучили бедного дядю, он совсем стал бледный и худой». Мне — за «срыв режима и дурной пример подрастающему поколению».

Дурной пример — когда после рассказа про походы эти подлизы уговорили меня посидеть ночью у костра на полянке. Да, вначале всё было здорово: запах настоящих дров, печёная картошка, хоровод вокруг костра... А потом... Разъярённые пожарные, пунцовый от гнева лесничий, директор и куча других людей. Оказывается, я и лес чуть не спалил, и «нарушил экологический баланс лесной зоны термическим воздействием на составляющие перегноя, флору и фауну пригородной лесной зоны». В общем, головомойка была знатная. Зато среди детей авторитет мой стал облачным. Моя группа нос задирала, а остальные канючили. Пришлось сделать место для костров и вечерних посиделок. Лесничий после этой истории несколько лет на меня волком смотрел. Хотя внука

ко мне же в группу и запихнул. Вот только сорвавшееся в тот вечер с языка прозвище «медведь-смотритель леса» Михаил Потапович мне так и не простил.

Бегом, бегом, бегом, темнеет! Срежем угол через подлесок и скорее вниз по старой тропе! Малышне-то хорошо: новая игра! А мне и отстающих неси, и следи, чтобы никто не потерялся. Ночи здесь совсем как на Земле. Звёздное небо, будто огромный купол, усыпанный драгоценностями, накрывает тебя... Приятный полумрак под деревьями... на свидании хорошо, а сейчас совсем плохо. В следующий раз точно возьму фонарик и поводок для самых шустрых, чтоб по сторонам не бегали! Всё, успели!..

Закат отгорел, когда мы подошли к жилой зоне. Что интересно — небо днём зелёное, а закат почти как на родине в средней полосе: небо переходит от фиолетово-синего покрывала на востоке

by RHADS

к бахроме закатного багрянца на западе. Только узенькая нитка зелёного просвечивает сквозь горизонт, но если постараться — можно её и не увидеть.

День закончен. Домой и спа-а-а...а-а-ать. Что-то сегодня эти неслухи меня совсем загоняли, как будто целый день на спине танцевало стадо слоников. Даже сил не осталось провести вечер как обычно — в кафе за шахматами.

«Алекс! Алексей!» — догоняет меня на пороге дома густой бас Мигеля. Милейший человек, внешность и манеры как у настоящего идадьго, но как же он сейчас не вовремя...

— Что-то срочное? Полпервого ночи всё-таки...

— Алексей! Корабль у внешних маяков!

Сердце подпрыгнуло и заметалось от пяток до макушки. Корабль, дорога! Мечта стольких лет! «Сейчас, бегу на станцию связи», — кажется, начал я... но слова застряли где-то в глубине. А как же мои дети? Завтра я обещал рассказать им новую сказку, а через неделю устроить настоящий поход по лесу, с ночёвкой... Весёлые и смешные, непоседы и тихони, такие разные... и мои. В душе на мгновение поднялся ураган: две стихии встретились на границе дня и ночи и закружились в смерче чувств и желаний.

Не знаю, заметил ли Мигель моё состояние, но я постарался ответить как ни в чём не бывало:

— Корабль — это хорошо. Значит, сообщение налаживается. Обязательно возьму билет на следующий, в сентябре. В конце концов, заслужил я небольшой отпуск или нет?

Я столько ждал — могу подождать и ещё немного. Вот провожу моих милых сорванцов в школу, а там двинусь дальше. Друзья, вы же подождёте меня ещё чуть-чуть? Обещаю, я скоро!

Васильев Ярослав

writercenter.ru/profile/Yaroslav2011/whois/

Художник RHADS

rhads.deviantart.com/

NeAmina

В путь

Темнеет небо. Мне шепчут звезды: “Пора...”
Скрипит калитка... Ложится под ноги путь.
Сегодня ночью начнется моя игра,
немного страшно, но все же пора рискнуть.
Бродяжка-ветер мне бросит под ноги пыль:
не побоишься — ведь будет и грязь, и кровь?
Не буду спорить: конечно, и может быть,
Но я шагаю с котомкой в руке.
Без слов.

Дорога

Эта дорога тянется нотным станом,
скучно, бесцельно, не видно конца пути.
Как мне казалось: если я вдруг устану,
то на обочину можно всегда уйти,
съесть ломоть хлеба и выпить воды из фляжки,
и хоть на минутку избавиться от сапог.
...Камушки-ноты, дизезы, бемоль-стекляшки
в пыль рассыпаются лишь от касанья ног.
Вышел в июне, в теплом хмельном рассвете,
думал, дойду за месяц... и посмотрю.
...Запах, который приносит летящий ветер —
пепел горящих листьев по сентябрю.
Вот я шагаю, пылию по дороге странной,
грустно пиная нотные кругляши.
Тянется путь мой, тянется нотным станом,
кроме меня, ни единой живой души.

Тень человека

Я был расстроен и устал
от жизни суетного бега,
и вот тогда-то и создал
свое компьютерное Эго.
Придумал имя и судьбу,
в ЖЖ завел нехитрый блогик,
обрек на вечную борьбу
с собой, людьми и жизнью тоже.
Он был везучий сукин сын,
стервозный тип, в общении труден.
Но, словно за глотком росы,
к нему всегда тянулись люди.
Он, как костер, светил и грел,
жилеткой был и грелки вместо.
Мне в этой чертовой игре
совсем не оставалось места.
И было тошно от вранья
и своего, и персонажа:
я понимал, что он не я,
и никогда не будет даже.

Я сам с собой затеял спор,
и, взвесив минусы и плюсы,
ему я вынес приговор
и воплотил его искусно,
снеся под корень этот блог
под вопли преданных фанатов.
Второй личины эпилог
был триумфален — то, что надо!
Пока что я по горло сыт
игрой, иллюзиями, ложью...
Но этот чертов сукин сын —
он тоже я.
И всё возможно.

Я хотела бы спеть, зачем
До сих пор не погасли звезды,
Почему облака кружат
Над землей сотни тысяч лет,
Я хочу прокричать, что нам
Никогда ничего не поздно,
Если что-то мешает жить,
Значит, этого просто нет.

Я хотела б смеяться так,
Как смеются и плачут дети,
Я хотела б пройти еще
Миллионы дорог и рек,
Я хотела бы спеть, зачем
Мы живем все на этом свете,
И изменится ль что-нибудь,
Когда кончится этот век.

Только я не умею врать,
И не знаю на все ответы,
Не под силу мне их найти
Между строк самых мудрых книг.
Я вам просто спою о том,
Что приносит весенний ветер,
И спасибо уже за то,
Что подарен нам этот миг.

Так пускай будет легок шаг,
Пусть дорога бежит, петляя,
Заметают пусть ковыли
В придорожной пыли наш след.
И когда-нибудь мы дойдем
И откроем ворота рая,
Только если там нет дорог...
То мы твердое скажем "нет"!

NeAmina

writercenter.ru/profile/NeAmina/whois/

Фиал

writercenter.ru/profile/phial/whois/

Художник zhongbiao

zhongbiao.deviantart.com

Самый счастливый день

elzmaximir

Яков Иванович Седых не имел ни одной награды, хотя все четыре года он был на войне, варился в ее горячем котле, погибал и чудом воскресал. Это уж потом, с годами, стали ордена и медали слетаться к своему герою, украшать его грудь. А до этого, за войну... похоронка за похоронкой, сохранившиеся у родных на божничке, за иконкой — всё его отличие за ратный труд.

...Первую похоронку семья получила в августе сорок первого. В ней сообщалось, что Яков Иванович Седых погиб смертью храбрых на Украине, на высоте 148,7. Яков Иванович и в самом деле был в том бою, но смерть его не взяла. Полуживого солдата спасли местные жители и выходили. А потом партизанский отряд, где Яков Иванович также воевал и где тоже был не раз на грани жизни и смерти. Позже, контуженным, он попал в плен, а затем перемещен в концентрационный лагерь близ города Штокенброк. И потянулись долгие дни и месяцы в мытарствах по лагерям: немецким, а после победы — американским и советским.

...В сентябре тысяча девятьсот сорок седьмого года по дороге, бегущей меж широких полей, невысоких лесистых взгорков, через темные овраги, пахнувшие прелью и прохладой, шёл человек. Шагал, не торопясь, с посохом из сухостоины в руке и с тощим вещмешком за спиной. Одет он был в шинель, в гимнастерку, в солдатское галифе и сапоги. На голове шапка с пятном от звезды. Путь его был долгим, и он, похоже, уже притомился. После каждого километра пути путник приостанавливался, присаживался на какой-нибудь пенёк или сушину и задумчиво курил, оглядывая знакомые и позабывшиеся места родины.

Особенно долго сидел он на берегу Тугояковки под раскидистой ивой, что нависла над речкой. Долго они манили к себе, жили в памяти. Подта-

пливали сердечным теплом, пылкой нежностью и страстью. Здесь, под этими ветвями, спряталась их первая любовь... А любимая, желанная осталась ждать его в деревеньке Сураново. Сколько песен здесь было спето под звонкую гармонию, развесёлую тальянку. И эта память звала и звала...

В доме старой Амосихи шло веселье. Она выдавала дочь замуж во второй раз. День катился к вечеру, когда на лавку у заплота присел притомившийся путник. Положив палку на ноги, он достал кيسет и, не торопясь, стал скручивать сигарку. Из дома, из открытых окон доносились голоса, а кто-то зычно, перекикая всех, доказывал, что у него вино горше, чем у других.

— Нужно подсластить! Анна, Игнат — горько!

— Горько!..

Молодые, видимо, стеснялись и долго не могли выполнить просьбу. Но потом голоса ненадолго стихли, и вновь оживление с одобрительными возгласами:

— Молодцы!.. — что означало всеобщее удовлетворение.

Из воротец часто появлялись соседки и бежали по домам. Возвращались обратно кто с чем: кто со стряпней, кто с овощами, кто с самогонкой. Прохожий старался на них не смотреть, чтобы не смущать сельчан своим присутствием. Сидел понурый, погруженный, как видно, в невеселые думы.

Однако он не остался незамеченным. Видимо, кем-то предупрежденная, мать невесты, старушка, худенькая телом, добрая душой, сама вышла к нему и упросила войти в дом, не погнушаться столом и разделить их радость. Тот начал было отказываться, дескать, он тут случайно, у него дальний путь и неудобно стеснять честную компанию...

Но его возражение ещё больше распалило старушку.

— Случайный прохожий, касатик, — это к счастью. Примета такая.

Прохожий согласился, но с одним уговором, чтобы хозяйка не сажала его со всеми за один стол, а угостила где-нибудь в кухне.

За перегородкой под часами-ходиками сел гость на крашеную лавку. Шинель, шапку повесил у входа на вбитый в стену деревянный костыль, там же оставил вещмешок и палку и теперь, повернув седую голову к простенку, смотрел на семейные фотографии в деревянной рамочке, некогда умело вырезанной мастеровой рукой хозяина, давно покинувшего этот дом.

Хозяйка поднесла граненую стопку, поставила пельменей в глиняной чашке и тарелку салата из наструганной свежей капусты с луком.

— Выпей, касатик. Выпей за здоровье молодых и закуси.

— Спасибо, мамаша. За здоровье, так за здоровьем.

Голос у гостя глухой, сипловатый, как у простуженного.

Выпив, он поморщился.

— Ну, вот и хорошо, — похвалила старушка. И спросила: — Ты вот назвал меня мамашей, а сам-то намного ли младше будешь? Как прозывают?

Тот замешкался было, ткнул вилкой в капусту.

— Иваном, — ответил гость. И, чуть помедлив, добавил: — А старят, мамаша, не только годы.

Она понимающе, по-утиному покивала головой, повязанной в платочек, и заторопилась.

— Ну, ты, касатик, кушай. Што надо, я тут.

Гость ел не спеша. Хлеб отламывал кусочками от ломтя, клал в рот и жевал его медленно. Также медленно ел пельмени.

Предоставленный самому себе, гость вновь погружился в просмотр домашних реликвий.

— ...Эй, дядя, ты, часом, не оглох?

Гость очнулся и медленно повернул голову. Старушка стояла перед ним с наполненной стопкой.

— Выпей, касатик, ешо... — сказала и осеклась. В глазах "касатика" стояли слезы.

— Спасибо. Больше не могу, — и кивнул на фотографию, где стояла пара молодых первого брака. — Дочка-то за второго выходит?

— За второго, касатик, — ответила хозяйка, приложив к губам уголочек передника.

— А где же тот?

— Игде? Там, на войне где-то... Хороший малый был.

— Погиб, значит?

— Погиб, — она тяжело вздохнула и быстро-быстро заморгала, сгоняя с глаз слезу.

Вышла на кухню невеста. Красивая, ладная, с голубыми глазами — как небо! — в светло-синем ситцевом платье... У Ивана зашло сердце, смежились веки.

Невеста глянула на седой ежик незнакомца, на изрытое оспой и старостью лицо и вначале будто бы притихла, словно натолкнулась на что-то знакомое. Однако согбенная, тощая фигура в полувоенной форме отогнала смятение.

— Ты пошто не пляшешь, Аня? Аль подать чего надо?

— Нет, мама. Ничего не надо. Душа моя неспокойна. Вот как будто какая тревога мает, что ли... Нужна была эта свадьба... — отмахнулась рукой.

— А как же, Анюта?..

— Эх, мама... — Анна прижалась к матери, поцеловала в голову. — А плясать-то тут не под что. Нет моего игралюшки, и никто не постелет мне пол красным бархатом... — и, пошатываясь, вышла на улицу.

Старушка всхлипнула в передник, отёрла глаза и сказала гостю:

— Плоха у нас ныне свадьба. Через силу. А выходить ей надо. Малый без отца растёт, дом жухнет. Тут путный мужик нужен, здоровый, — и вдруг спросила: — Сам-то ты чей? Откуда и куда идёшь?

Гость задумчиво ответил:

— С войны иду.

— Дык она когда закончилась.

— Война-то кончилась, да не для всех разом. Кое-кому пришлось и после войны за себя повоевать. В плену я был у немцев. Потом у американ-

цев. Фашисты — в тифозных бараках морили, те — душу мотали. Потом свои разбирательство вели почти полтора года. Вот оттого и призадержался.

— Ну, а семья-то есть?

— Была... когда-то... — гость замялся. — Хожу, ищу.

Старушкины глаза всё зорче приглядывались к незнакомцу, и тень не то недоумения, не то сочувствия проходила по её лицу.

— А скажи-ка мне, касатик, может ли быть такое, чтобы человек на войне пять разов погибал?

— Может, мамаша. Может. И пять, и десять...

— И в живых остаться?

— Всякое может быть... — пожал он плечами, глядя в окно — во дворе у черёмухи стояла невеста. Он вздохнул и добавил: — На войне чего только не может быть...

В горнице плясали под "хромку". Гармонист фальшивил, то сбивался, то затягивал такт, а то и просто наигрывал на одних басах.

— Неважнецкий игрок, — заметил гость.

— А, Ромка, Ефима сынишка, играет. Не умеет ладом. Сам-то Ефим не может, руки нет, — и с грустью добавила: — Наша-то тальянка сколькой уж год без хозяина скучает. А бывалыча... — сверкнула влажными от нахлынувших воспоминаний глазами.

Вышел жених. Невысокого роста, но ладно скроенный крепыш. Недурен лицом. В костюме, в петлице которого сидела головка белой розы, едва начавшая распускаться. В хромовых сапогах.

— Ма, где Анюта? — спросил он, снисходительно глянув на "шилом бритого" незнакомца — пусть потчуетса, коль зашёл.

— Во двор вышла, — кивнула старушка в сторону выхода.

Игнат вышел в сенцы и, протопав чечёткой по ступенькам крыльца, подошел к Анне. Его рука было приобняла за плечи невесту, но она отстранилась.

Гость отвернулся.

— Так, говорите, мамаша, некому сыграть на тальянке? — вдруг спросил он.

— Нет, касатик, некому. Счас всё на трехрядках наяривают, да на гитарах.

— А если я попрошу, дадите попробовать? — и, видя, как хозяйка не то растерялась, не то засомневалась, добавил: — Когда-то, помнится, играл. Может, и сейчас не оплошаю. Может, и харч ваш оправдаю, повеселю компанию.

— Так пошто, касатик, нельзя? Попробуй. — Она с оглядкой на гостя пошла в горницу и через минуту вернулась со сверкающей перламутром гармонью.

Гость принял её, нежно огладил бока. Глаза его заблестели. Осторожно расстегнул мехи и, надев ремень на плечо, пробежал по кнопочкам галосов узловатыми пальцами. Смежив веки, склонился ухом к инструменту. Гармонь растягивал медленно, чтобы только самому слышать поющие звуки.

Заслышав слабый перебор, тихую мелодию тальянки, из горницы стали заглядывать любопытные. И с интересом и ожиданием они посматривали на незнакомца, дивясь тому, что отыскался-таки человек, умеющий играть на некогда горячо любимой за весёлый нрав гармони, теперь забытой, оттеснённой трехрядками и гитарами, а большей частью — по причине гибели на войне задорных игроков.

Пальцы плохо слушались. Чувствовалось, что человек давно не брал в руки гармони, не спешил, осваивал, привыкал к кнопочкам. Пожилая хозяйка стояла у русской печи, сложив руки на худой груди. С чувствительным ожиданием вслушивалась в нестройные звуки — мелодия будоражила память.

Потом послышались звуки задорной "Семеновны".

Тут выбежала из горницы бойкая на острые частушки бабёнка, гость по голосу узнал её, и потянула гармониста в горницу.

Плясали все. Пела и задорно отбивала каблучками Варвара — так звали песенницу. В паре с ней топал "громогласный" мужик, бухая сапогами. Пустой рукав военной гимнастерки, выскочивший из-под ремня, мотался из стороны в сторону. Ромка, мальчик лет тринадцати, притих возле ожившей тальянки и с жадностью и завистью наблюдал за пальцами гармониста.

В горницу вошла Анна и в растерянности или в предчувствии чего-то необычайного остановилась у косяка двери.

Как только тальянка стихла, Анна подалась было вперёд, но гармонист отвернулся. Варвара не дала поставить "музыку", присела перед гармонистом горлицей и, обняв гармонь, словно воркуя, стала упрашивать:

— Дядя Иван, милый, дорогой, поиграй, поиграй ещё. Так давно от души не плясали, не пели. Будь ласка, а?

Её хмельной бархатный говорок будто тронул сердце музыканта, он согласился.

Уловив мелодию, Варвара запела первой:

То не ветер ветку клонит.
Не дубравушка шумит...

Песня ещё не закончилась, когда Анна присела перед гармонистом, приобняв тальянку. Но тот вдруг встал, сдернул с плеча ремень и поставил гармонь на свой табурет. Чуть заметно поклонился, попрощался с публикой и, сутулясь в неловкости за причиненное беспокойство, вышел из горницы.

Старушка, вытирая передником глаза, норовила остановить гостя. Старалась перехватить его взгляд, чем-либо услужить, лишь бы услышать от него ещё хоть одно-единственное слово. Ей казалось, что прежде она недопоняла, не уловила чего-то такого, что помогло бы ей разгадать этого человека.

Анна вышла на кухню. Сквозь туманную зыбь следила за незнакомцем, припав грудью к углу печи. И суета матери, и поспешность гостя — как наваждение, как сон. И нет сил вмешаться, остановить путника. Оторопь и тревожное чувство чего-то неуловимого, но до боли ранящего сердце, отняли их.

Незнакомец вышел из дому. Опираясь на палку, торопливо прохромал через двор и скрылся за воротами.

Мать невесты растерянно оглянулась, удивлёнными глазами обвела гостей, сгрудившихся у дверей горницы и на кухне, остановила недоуменный взгляд на дочери, как бы спрашивала: что это было и кто это был?..

Анна стояла, не замечая ни жениха, пытающегося отвлечь её, ни гостей. Она смотрела в окно на удаляющуюся сутулую фигуру.

— Аня! — вдруг вскрикнула мать. — Анна?!

И этот крик, как толчок, вывел дочь из оцепенения. Сердце всколыхнулось. Безрассудно повинаясь его силе, его порыву, выбежала из дома. Мелькнула за окном и, разметав где-то за оградой туфли, бежала босиком по пыльной дороге.

— Яша-а! Яшенька-а!.. — услышал Яков Иванович за спиной и обмер.

Голос был тот, родной, который слышался во сне, в бреду, что грезился наяву, заставляя бороться, требуя выжить. Голос, на зов которого он столько лет шёл, который долго ждал и жаждал услышать. И вот он! Остановись, обернись...

Яков Иванович будто попал в бушующий поток. Ноги с трудом повиновались, и что ни шаг, то тяжелее идти. Дорога волнами текла навстречу, играя рябью. Но он упрямо шёл, надеясь, что человек, его зовущий, отстанет от него, поймёт, что ошибся. Какая он теперь ей пара, такой красивой, молодой...

— Яша-а! — женщина догнала и повисла на его плечах.

И он вдруг почувствовал, что нет сил сопротивляться, нет сил оттолкнуть. Опьяняющая покорность вязала по рукам и ногам.

— Ты... Ты, Яша! Наконец-то...

"Зачем? Зачем?" — вспыхивала в сознании какая-то не то трезвая, не то хмельная мысль и тоннула, вязла в затуманившемся мозгу, и та же покорность заставляла повиноваться.

— Я только повидать... тебя... сынишку... Я догадывался, что он есть. Хотел увидеть вас хотя бы издали...

— Яша! Ах, Яшенька! Чудак мой долгожданный... — она глядела на него, плача и смеясь, целовала впалые глаза, изрытое оспой лицо, шрамы.

— Нет, нет, Аннушка! Я теперь не тот, какого ты ждала. Ни молодости нет, ни здоровья...

— Яша, Яша, что ты говоришь? Родной мой, я тебя ждала любым. Больного — вылечу, раненого — выхожу, а старость сама от нас отступит. Пойдём, пойдём домой... — и повела.

Они пошли, покачиваясь, пьяные от счастья.

На этот раз Яков Иванович сдался в плен добровольно.

Хорунжий Сергей

Евгеша не спал всю ночь!

Его одноклассники, наверное, тоже. Вечером по телефону без конца трезвонил Талгатиша, надоедая какими-то нелепыми вопросами. Сейчас, наверняка, тоже бодается с подушкой. Он, как и Евгеша, пошел против класса. Сегодня, вернее, уже вчера, на последнем уроке...

Утро не предвещало никаких таких особых катклизмов. 6"А" жил привычной жизнью: на переменах расслаблялись те, у кого совесть была чиста, домашнее задание сделано, а все устные предметы, которые задавали на сегодня, «отскакивали от зубов». Кое-кого из этих немногих счастливых мучили «хорошисты». Вернее, то были талантливые бездельники, как их называл учитель по пению Петр Иванович, которые могли успевать «на отлично». Но у них была куча уважительных причин этого не делать, к примеру: мама заболела, и надо было идти в магазин... до вечера или рисовать стенгазету, или готовиться к соревнованиям по бегу, скакать, плясать, в общем, находилась целая прорва неотложных дел. А на следующий день они теребили своих более организованных товарищей, «сдували» у тех на переменах письменные задания и просили вкратце пересказать устные. Ребята добрее, закатывая глаза и обзывая надоед всякими нехорошими словами, второпях пытались им помочь.

Евгеша в выручальщики не рвался.

Он учился хорошо и старательно, но тратить

свободное время на оболтусов не желал. Тетрадки списывать давал, а устно — увольте! Мог себе позволить. Парнишка он был крупный и в свои тринадцать лет выглядел на все пятнадцать. К тому же с 4-го класса он регулярно занимался спортом — ходил то на лыжи, то на гандбол, да и дома гири и гантели у него в углу не пылились. Папаня, когда выходил из очередного «алкогольного пике», любил поэкзаменовывать сына: тот то подтягивался, то жал тяжести, преодолевая с выпученными глазами предыдущий свой рекорд, а то и боксировал с отцом, который по молодости был чемпионом дивизии в тяжелом весе. В общем, свою свободу и независимость он мог отстоять не только на словах.

Так было до конца прошлого года.

А после летних каникул все как-то быстро переменялось...

Некоторые его вчерашние товарищи за это время вдруг резко повзрослели, раздались в плечах, огрубели не только голосом, но и душой. Мальчиками там уже и не пахло, правда, до матерых мужиков им было далековато, но зато гонору выше крыши, а еще дерзости и... злости. Своим поведением они сильно смахивали на волчат-переростков... загрызть насмерть еще боялись, но укусить или покалечить — запросто! Это почувствовали все, в том числе взрослые... молодняк щелкал зубами по любому поводу и не только на сверстников.

Больше всех показывал свой норов Толик Баранов, который еще в прошлом году был безобидным двоечником, сидевшим на задней парте незаметно и тихо. Теперь же, с первых осенних дней, он неожиданно выбился в лидеры. И если раньше на него никто не обращал внимания, то отныне многие первым делом смотрели на его реакцию, что можно делать в классе, а чего нет. Сам бы он, конечно же, не смог управлять тридцатипятиголовой орущей толпой своих одноклассек, но у него появились помощники: Ораз, маленький и мстительный, словно хорек, и Федя Немец, туповатый квадратный увалень, вечно голодный и злой. Еще в прошлом году тот заискивал и кланчил пирожки у товарищей в столовой. Теперь же подходил и просто отбирал понравившееся, особо не церемонясь ни в действиях, ни в выражениях.

Очень скоро класс стал неузнаваемым. Дружба между ребятами разладилась, и каждый теперь соблюдал нейтралитет. Если Толян с кентами кого-то трепал в углу, этого старались не замечать.

Отводили глаза, ускоряли шаг и проходили мимо, будто ничего не происходит. Евгешу не трогали, он был большим и сильным, но кривые взгляды и злобное ворчание вслед говорило о том, что скоро доберутся и до него.

И вот вчера случилось...

Последнего урока ждали и боялись все. Алгебра, контрольная, дело нешуточное, а для многих, по сути, приговор — неминуемая двойка и домашние разборки с родителями. В общем, коллектив нервничал. И тут Ораз, крутившийся у учительской всю перемену, влетел в кабинет и радостно завопил, что урока не будет. Многие вскочили с мест, загалдели кто радостно, кто недоуменно, но громче всех заорал Баранов:

— Айда домой!

Староста класса, Светочка, попыталась образумить разбушевавшийся народ:

— Ребята, надо подождать, нам же завтра влетит!

Но ее уже не слушали. Толпа ошалела от мысли о том, что может позволить себе такое, и даже девчонки-отличницы восторженно повизгивали:

— Домой, домой, домой...

— Тихо! — осадил всех Толян. — Давайте побыстрому в раздевалку и ходу! Ну, а если это

ошибка, что нам сделают, целому классу?

Все это время Евгеша сидел за партой сам не свой. Ему, конечно же, хотелось вместе со всеми устроить «праздник непослушания», но он представлял глаза Майи Ахматовны — любимой математички. Как он завтра посмотрит в них, а потом что скажет дома? Как оправдает свой безответственный поступок, который наверняка причинит боль близким ему людям? Решение пришло само собой.

— Я буду ждать!

Класс, галдевший до этого на все голоса, разом замолк.

— Чего-чего? — злобно прошипел Баранов, враз очутившийся рядом с ним. — Может, победишь и заложишь нас? Давай-давай... пр-реда-тель!

Последние слова хлестнули Евгешу словно кнутом. Некоторые ребята, колебавшиеся до этого, как ошпаренные подскочили со своих мест и торопливо стали собирать портфели.

— Я... буду... ждать!

— Редников, ты че, в натуре по шарабану захотел? — выдвинулся из толпы Немец.

— Не сейчас, — свирепо осклабился Толян, бросив многозначительно на выходе: — Завтра поговорим...

Класс, притихший и какой-то растрепанный, обреченно потянулся на цыпочках за своим предводителем. Правда, не все. Остался Талгатиша и еще пара девчонок, но они рассосались по углам и вели себя тише воды ниже травы. Минут через пять в кабинет влетела с извинениями за опоздание Майя Ахматовна и... поникла головой, встреченная пустотой.

Это было — ЧП!

Сначала прибежала завуч, затем величественно «приплыла» директриса, пообещавшая назавтра всем показать, где раки зимуют, а потом их отпустили домой.

Девчонки испарились, будто их и не было. Талгатиша чет там попытался пробухтеть про то, что он верный товарищ и друзей в беде не бросает, правда, на середине своей пространной тирады закашлялся, махнул рукой и поплелся домой, как на казнь.

Утро наступало медленно и неотвратимо.

Евгеша смотрел на стрелки будильника, которые отсчитывали последние минуты до подъема.

Звонок!

В родительской комнате зашевелилось. Зашалял отец. Странно, он обычно уходил на работу раньше всех. У водителей автобусов жизненный ритм совсем иной, чем у обычных людей, но сегодня он почему-то задержался.

Мама металась по комнатам, собирая всех в дорогу. Ей было не до чего. Отец же сразу заметил волнение сына.

— Ты не заболел?

— Н-нет!

— Хм-м, — батя прищурился. — Пошли, покурим.

— Куда? А завтракать?

— Мы быстро.

Выйдя на балкон, старший Редников глянул на понурившегося сына.

— Ну-у, что стряслось?

Евгеша упираться особо не стал и выложил все как на духу. Говорил он сбивчиво и торопливо, отец же только кивал, то и дело одобрительно хмыкая и пуская папиросный дым из ноздрей.

— Все?

— Все! — шмыгнул носом парнишка.

— Ты, наверное, ждешь от меня совета?

— Ага!

— Что ж, — тяжелая отцовская рука потрепала его по макушке. — Если захочешь, вечером поговорим, мне на ремонт надо, а тебе в школу...

Евгеша, услышав последние слова, засопел еще громче.

— Ну-ну, не раскисай. Понимаю, страшно, но не смертельно. Руки ноги есть, кой-чему ты обучен, силенки тоже хватает... вперед! — батя сделал паузу. — Я, конечно, мог бы пойти и разогнать всю эту шантрапу, но ты даже представить не можешь, что тогда с тобой будет... — он еще немного помолчал, задумавшись на какие-то краткие мгновения о чем-то своем. — В общем, дружок, наступил момент, когда тебе самому придется решать, быть охотником в этой жизни или дичью.

— Как это? — Евгеша первый раз за весь разговор глянул вверх и увидел отцовские глаза, смотревшие на него сегодня как-то по-особенному, не так, как всегда.

— Ты у меня неглупый парень, пока дойдешь до места, разберешься. Главное, не ошибись с выбором, сын.

Его ждали у ворот на пришкольную территорию.

Впереди стоял Баранов, сзади жока подпирала Ораз и Немец, чуть поодаль толпились сочувствующие и просто любопытные из других классов. Школа уже знала про вчерашнее «геройство» б"А" и про то, что не все ушли с урока. Намечалась нехилая «разборка». Многие хотели на это посмотреть. Евгеша всю дорогу надеялся, что ему удастся как-то проскользнуть мимо Толяна и компании, на худой конец присоседиться к старшеклассникам — прошмыгнуть, короче, добраться до учителей, и дело в шляпе! Надо было продержаться пару-тройку дней, а там, глядишь, все само собой рассосется. Про отцовское напутствие, если честно, он даже не думал. Какие-то охотники... дичь... бред сивой кобылы, в общем!

Но «рассосаться» не получалось никак, и это было видно сразу.

Талгатишу уже трамбанули, и тот, уткнувшись в высокий серый забор, размазывал по нему кровавые сопли. Красным была не только бетонная стена, бедолаге изрядно натекло под ноги, но никто не обращал на это никакого внимания. С ним вопрос решили, и теперь его ждала «веселая» жизнь. Отныне любой пацан, даже салабон из младшего класса, мог говорить и делать с ним, что захочет, и так до конца учебы... целых пять лет. Евгеша вдруг понял, что та же самая участь уготована ему. А может, и пострашней, ибо он был намного сильнее, и издеваться над здоровяком куда как приятнее, чем над маменькиным сынком, которым, по сути, являлся Талгатиша. Его будут гнобить везде, где только достанут. Поводов и причин, чтобы превратить существование младшего Редникова в сплошную муку, найдется миллион.

От этих мыслей парнишку затрясло так, что аж зубы лязгнули.

На той стороне услышали и заржали радостно, предвкушая быструю расправу над тем, кого долго не решались трогать. Можно было, конечно, смяться, Евгеша бегать умел, зря, что ли, ходил на лыжи, которые про себя называл лошадиным видом спорта, но это был не выход. Гонять придется до конца десятого класса, от всех! Нет, когда-то его оставят в покое, может, даже очень скоро, но он навсегда останется «шестеркой», не имеющей права голоса, личного мнения, обделенный дружбой своих сверстников и вниманием девочек. От такой перспективы волосы на голове зашевелились. Пересохло во рту. Захотелось в туалет, домой и вообще куда-нибудь, хоть к черту на рога, только бы подальше отсюда. Он прокли-

нал себя за то, что пошел вчера наперекор толпе. Сейчас бы, как все, ходил героем, корешился с Толяном и... потихоньку становился таким же.

И тут он вспомнил...

Слова отца четко и ясно всплыли в памяти, словно заученная намертво таблица умножения: «...придется тебе самому решать, быть охотником в этой жизни или дичью». Только теперь до него дошел смысл сказанного, и стало вдруг как-то спокойнее на душе. Сердце прекратило трепыхаться в груди загнанной птицей. Руки и ноги уже не дрожали, а голова сама по себе заработала, припоминая те советы, которые давал ему батя, боксируя с ним, когда это было возможно.

Евгеша знал наверняка, что со всеми одновременно ему не совладать, значит, придется сначала «уработать» главного — Баранова. А дальше? Дальше он разберется.

Ему мешала сумка, он ее бросил. Душил пионерский галстук, сорвал. Теснил плечи пиджак, расстегнул, а потом, подумав, тоже отшвырнул в траву.

— Ты еще штаны сними, — попытался состричь Ораз, но никто не засмеялся.

Прихлебалы и любопытные подались в стороны, троица продолжала стоять на месте и Евгеша нацелился на Толяна. Весь подобрался, готовясь к драке не на жизнь, а на смерть, ничего и никого не замечая. И тут произошло то, что иногда случается в таких ситуациях. Его противники поняли, что их не боятся. Что схватка будет страшной, и если они победят, то цена может быть очень высокой...

Первым дрогнул Ораз.

— Толян, он же псих!

Затем отодвинулся куда-то вбок Немец. И последним отступил Баранов, пытаясь прикрыть свой испуг шутливыми словами:

— Да ну его, пацаны, и впрямь укусит!

Правда, продолжить обидную фразу низло-

женный авторитет не решился. Его уже никто не слушал и не смеялся над остротами, как раньше. Все заторопились в школу. Кто-то подошел к Талгатише, подсовывая скомканный носовой платок, чтобы утерся. Кто-то собирал раскиданные Евгешины вещи, но Ред — кличка, брошенная кем-то из толпы тут же облетела всех расходившихся и произносилась уважительным шепотом — этого не замечал. Он стоял на том месте, где только что топтался Толян, и улыбался, слизывая кровь с прокушенной губы. Когда и как он это сделал, Евгеша не помнил. Больно не было. Наоборот, солоноватый привкус во рту волновал его необычным ощущением победы.

А еще ему нравилось быть... охотником!

Тринадцать

Анна Анакина

Павел с Маришкой уже с полчаса стояли у калитки её дома, но никак не могли проститься, сегодня он сделал официальное предложение. Всё, как положено, со сватами, с родительским благословением. Маришка, конечно, согласилась, и теперь совсем не хотелось расставаться.

Три месяца назад он вернулся из армии. Провожая его, Маришка обещала писать. Но даже стоя у военкомата, он не посмел её поцеловать и целый год не знал, любит она его или нет. А может, просто пишет, потому что обещала, потому что он дружит с её братом, потому что матери подруги и отцы работают в паре на одном комбайне. Так и не решился сказать ей тогда, что любит. Боялся услышать: «Ой, Паша, ты мне как брат». И вот пришёл из армии и увидел совсем другую девчонку. Маришка так изменилась за год, вместо тонких косичек — модная стрижка. Да и фигурка такая, что дрожь пробивает. Раньше ходила на мальчишку с косичками, а теперь девушка, да такая красивая. Когда уезжал в город учиться в техникум, Маришка казалась совсем ещё ребёнком, но и тогда уже нравилась ему. Потом, вернувшись в деревню, он понял, что, вырастая, Маришка всё больше завоёвывает его сердце. Но говорить школьнице о своих чувствах было неловко. И уходя в армию, спросил: «Будешь писать?». Она кивнула и, опустив глаза, тихо ответила: «Буду». И писала. Каждую неделю писала. И он писал, а иногда и звонил. И вот теперь всё позади: армия, её одиннадцатый класс. Сейчас можно сказать ей всё, но как же он боялся, а вдруг лишь протянет руку, скажет: «Привет» и побежит по своим делам.

Но волнения закончились, как только он вышел из автобуса. Маришка сама бросилась к нему на шею, и он впервые поцеловал её. Не по-настоящему, как принято у взрослых. Но всё-таки в губы. Короткий «чмок» и Павел уже не боялся ничего. Он крепко обнял Маришку и вместе с ней оказался в объятиях матери и отца. Так вчетвером они и пришли домой, где уже был накрыт стол и баба Мотя, со слезами охая, засемила к внуку.

А через минуту дом наполнился гостями и, отмечая возвращение домой младшего сержанта, кто-то крикнул: "Горько!"

Но баба Мотя быстро осадил крикуна:

— Ишь, чего удумал, стервец. Сегодня не свадьба и не помолвка, успеете ещё накричаться.

Павел ещё крепче обнял Маришку, а она, опустив голову, прижалась к груди любимого и тихо хихикнула.

Ну а теперь они стояли у калитки на правах жениха и невесты.

Так не хотелось расставаться, но мама Маришки, тётя Надя, выглянула в окно и деланно сердитым голосом крикнула:

— Хватит миловаться, успеете ещё. Завтра поутру в город надо. Доча, давай уже, отпуская кавалера.

Маришка хихикнула, напоследок чмокнув Павла в щёку, быстро открыла калитку и оказалась с другой её стороны. Павел разочарованно сморщился.

— Всё, давай, иди, — и, махнув на прощанье рукой, готова уже была повернуться на каблучках и бежать в дом. Но так и осталась стоять, не завершив оборота. На лице появилось удивление.

— Что это, Паша? — смотрела она вверх его головы и указывала рукой ему за спину.

Павел оглянулся: далеко на ночном небе появилось зарево. Солнце давно село. И теперь было ощущение, что оно решило вернуться.

Павел приподнялся, стараясь лучше рассмотреть, что же там происходит.

— Может, пожар? — вырвалась догадка.

— Пожар?! — удивлённо и в тоже время понимая, что и она также подумала, сказала Маришка. — В лесу?

— Ну да. Надо позвонить.

— Так это далеко. Там, наверно, уже тушат, — не очень уверенно предположила девушка, — а может, это и не пожар вовсе.

Павел оглянулся и посмотрел на неё с удивлением:

— А что?

— Не знаю, — пожала она плечами. — Может, НЛО?

Павел усмехнулся:

— Ты что, веришь в это?

— Ну, не знаю. Люди же видели.

Павел опять посмотрел в сторону зарева:

— Может, и НЛО, но ты иди домой, а я лучше пойду к Валерке, сбегам с ним на вышку, да заодно и позвоним.

Маришка нехотя повернулась и пошла в дом. Оглянувшись, Павла она уже не увидела. Шагнув на крыльцо, протянула руку к двери, но та открылась и мать вышла навстречу, решив, что молодых надо поторопить не окриком, а просто взять дочь и увести домой.

Маришка отступила назад перед открывающейся дверью:

— Мам, ты чего?

— Ну никак не можете расстаться, ещё намылуется.

— Мам, смотри, — девушка указала в сторону зарева.

Надежда посмотрела, немного прищурив глаза.

— Паша говорит, там пожар.

— Ну если и пожар, так это далеко. Погода-то нынче какая, пекло просто. Немудрено, что и пожар. Ну, давай, давай в дом, спать уже пора. Там и без нас обойдутся, — и, протолкнув дочь в дом,

ещё раз оглянулась на зарево, вздохнула и закрыла дверь.

Павел постучал в окно друга, потом ещё, но Валерка, видимо, крепко спал или гулял. Немного подождав, он опять постучал.

— Ты чего? — Павел обернулся. Валерка стоял за ним, укутавшись простынёй, и зевал.

— Чё ты в окно-то стучишь? Жарко, я в беседке спал, — зевнув ещё разок, пытаюсь проснуться окончательно, он протёр глаза. — Чё случилось-то?

— Пожар, — ответил Павел, пожав плечами.

— Какой пожар? — зевота никак не хотела отпускать друга. — Где?

— За лесом.

— И что?

— Пошли, на вышку слазим, посмотрим.

— И ты меня из-за этого разбудил? — вновь зевая, недовольно сказал друг.

— Да хватит уже спать-то. Давай, просыпайся.

— Ну какая вышка? Ей уже сто лет. Вот-вот грохнется.

— Не грохнется, столько лазали и ничего.

— Когда это было, вспомнил, ты ещё вспомни, что при царе Горохе было.

— Не ворчи, одевайся и пошли, — подтолкнул Павел друга. Валерка зашёл в дом, продолжая ворчать себе под нос, а Павел опять устремил взгляд туда, где зарево всё увеличивалось.

Вероятно, пожар был сильный, да и если уж виден так хорошо, то, возможно, не так и далеко.

Через пять минут вышел Валерка, неся в руках большой отцовский фонарь и связку ключей.

Друзья направились к вышке, Павел всё время торопил отстающего друга.

— Ну чего ты орёшь? — сердился Валерка, но постоянно ускорял шаг на каждый окрик.

Последние метры пятьсот до вышки друзья уже бежали. Заросший пруд, когда-то вырытый для борьбы с пожарами, так и не понадобился. И теперь представлял собой рукотворное болото. Рядом располагались водонапорная башня и смотровая вышка. Чуть поодаль ржавел старый пожарный ЗИЛ. Когда-то давно, ещё при существовании совхоза, на этом ЗИЛе ездил Иван — отец Валерки. Работа быта не сложная, он просто приходил дежурить и пил самогон с напарником. Пожаров в совхозе не было, и со временем напарника перевели работать в коровник, а отец Валерки остался единственным совхозным пожарным и

продолжал пить самогон уже в одиночестве. Потом совхоз развалился, а Иван всё продолжал ходить к вышке и проводить там «рабочее» время. Так и нашли его однажды под Новый год, пьяного и замёрзшего в кабине ЗИЛа.

Должность пожарного оказалась больше не нужна, и вышка с башней, и машина постепенно превращались в руины. В детстве мальчишки лазали на вышку и башню, чем очень сердили матерей. Постепенно водонапорная башня стала крениться и получила новое название «Пизанской башни». Некоторые смельчаки ещё продолжали на неё лазать, и обозлённые матери упростили кузнеца Фёдота закрыть на неё вход. Доступной оставалась только смотровая деревянная вышка, которая хоть и не изменила своего первоначального положения, но скрипела и кряхтела так, что казалось, готова рухнуть в любой момент. Но вскоре и на ней появилась цепь с огромным амбарным замком. А ключи отдали на хранение Валеркиной маме, как вдове последнего пожарного, умершего на рабочем месте. Так и хранились они все эти годы у неё в сундуке со старым хламом, до которого никак не доходили руки.

— Может, на Пизанскую? — спросил Павел, посмотрев в глаза другу.

— Чтоб вместе с ней и рухнуть? Не-а, на эту полезем, — ответил Валерка и, вставив ключ в проржавевший замок, безуспешно пытался открыть его.

— Надо было масло прихватить, не хочет, сабака.

— Может, не этот ключ? — предположил Павел.

— А какой? — друг вытащил ключ из замка. — Этот, — указал он на самый маленький. — Это от сарая, — и, оглянувшись, добавил: — Где-то тут стоял, — Павел кивнул, вспомнив, что прятались там, когда играли в детстве в казаков-разбойников.

— Этот, — указал Валерка на самый большой ключ, — от той, — махнул рукой в сторону «Пизанской башни».

— Этот, — он почесал затылок, — фиг его знает. Это батя знал. А этот, — он поднял вверх ключ, которым только что открывал замок, — и есть от этого, — и вновь ткнул его в скважину старого замка.

— Дай-ка, я попробую, — Павел отодвинул друга от замка и сам стал пытаться повернуть ключ, что-то хрустнуло внутри, и замок упал на

землю вместе со вставленным ключом.

Валерка присвистнул и, наклонившись, поднял замок:

— Ничего себе. Да тебе подковы гнуть, не открыл, но сломал.

— Да он уже весь проржавел, вот и сломался. Ну ладно, давай посмотрим, что тут, — он стал разматывать цепь, освобождая лестницу.

Павел осторожно наступил на перекладину, раздался ужасный скрип.

— Ну, с Богом, я полез, давай следом, — командовал он другу. Валерка нехотя занёс ногу на лестницу, желания лезть не было никакого, но отпустить друга одного хоть и не на большую высоту, но на опасную башню ему не хотелось, и он, сжав зубы, полез следом.

Лестница, скрипя и кряхтя, всё-таки выдержала друзей и позволила забраться на смотровую площадку. Когда Валерка, ругаясь на занозы в руках, добрался до верха, Павел уже звонил по мобильному.

— Ничего себе! — Валерка повернулся в сторону пожара. Видно было, что лес горел далеко. Над деревьями нёсся ураган огня, пожирая листву. Посетовав, что забыл взять бинокль, Валерка внимательно всматривался вдаль. Он наклонился на ограждение, и только ужасный скрип досок заставил опять выпрямиться. Оглянувшись к другу, он спросил:

— Ну, что сказали?

— Сказали, тушат. Пожар идёт в другую сторону и нам беспокоиться нечего.

— И так видно, что в другую сторону. Тушат и ладно, пошли спать.

Павел посмотрел на Валерку так, что тот сразу решил остаться и подежурить.

— Ну хорошо. Хорошо. Побудем тут. А толку-то? У нас всё равно ни машины, ни воды нет.

— Посидим, — и Павел сел на край площадки, свесив вниз ноги. Вздохнув, Валерка сделал то же самое, а затем лёг, сказав:

— Душно. Ни ветерка.

Башня в ответ предательски заскрипела и качнулась.

Павел, взглянув ещё разок в сторону пожара, тоже лёг.

— Красиво, — сказал Валерка, глядя на звёздное небо.

Друг молча согласился. Глядя на звезды, он задумался о Маришке. О предстоящей свадьбе и о том, как они будут жить и сколько детей у них бу-

дет. Маришка отправила документы в медицинский. Так что если примут, переберутся в город. Временно поживут у его дядьки, а потом снимут комнату. Она будет учиться, он работать. По выходным приезжать сюда, в деревню к родителям.

— О-о-о-о-о-о. Хорошо, ветерок подул, — слова Валерки вернули Павла к реальности. Он быстро сел. Лёгкий ветерок принёс и еле уловимый запах гари. Юноша резко встал. Не дожидаясь приглашения, и Валерка вскочил на ноги. Они, не замечая скрипа перекладки, вцепившись в неё руками и чуть не переваливаясь, всматривались вдаль. Огонь изменил направление. Он наклонился в их сторону и с каждой секундой становился всё ближе.

Не говоря друг другу ни слова, они быстро сбежали с готовой рухнуть от такого натиска вышки и понеслись в деревню. Не договариваясь, Валерка повернул в сторону магазина. А Павел, не останавливаясь, бежал дальше и старался на ходу дозвониться по «01».

Павел пронёсся, как ветер, мимо своего дома. Он бежал к коровнику. Там были тракторы и машина. Большая старая поливальная машина. Когда она оказалась в деревне, никто не помнил. На ней трудовик Пётр Николаевич учил всех пацанов ездить, и потому она была в рабочем состоянии. Конечно, это не пожарная машина, но всё-таки хоть

что-то. Павел даже не думал, что он будет делать. Сейчас он просто бежал и, услышав звенящий звук, понял: друг уже у магазина.

«Молодец Валерка», — мелькнуло в голове.

Когда-то давно, в девяностые, повесили у магазина эту железку, чтоб продавщица могла сообщать о приезде машины с товаром. Так и висела она на всякий пожарный. Вот и пригодилась теперь эта железка, и Валерка лупил по ней что есть силы, надеясь разбудить деревню. И деревня стала просыпаться.

Павел обернулся: огонь уже был виден. Огненный ураган нёсся со скоростью, намного превышающей скорость бега. Кто бы мог подумать, что пламя за считанные минуты может так быстро проскочить километры леса и уже подбираться к первым домам.

Что происходило дальше, точно по минутам Павел, наверно, никогда уже не вспомнит. Всё перемешалось. Он всё-таки успел добежать до коровника, пока языки пламени не настигли его. Несколько односельчан уже бежали рядом. Кто-то выгонял скотину, кто-то нёсся с ведром, кто-то с ополоумевшим лицом кричал: «Вот она, кара небесная!»

А Павел на машине уже рвался к ближайшему колодцу. Как наберёт в машину воды, он ещё не знал. Не знал он, и как будет тушить пожар. На встречу бежал дед Игнат, бежал не как обычно,

Проза. Реализм

хромая, а как молодой, забыв, что ноги давно не слушались. В руках у него была старая и на вид очень тяжёлая помпа. Павел притормозил, дед легко запрыгнул на подножку и скомандовал:

— Давай, — переведя немного дух, добавил: — Молодец, что о машине вспомнил, я вот помпу прихватил. Щас мы быстро воды наберём.

Павел уже не мог сосчитать, сколько раз они с дедом Игнатом проделали путь от колодца к домам. Они просто набирали воду, а потом развозили и разливали её по бочкам, корытам, любым посудинам. Тушить пожар было нереально, люди просто пытались поливать ещё не горящие дома.

Первое облегчение пришло с воем пожарных сирен. Две машины неслись в деревню. Всего две. Но и это казалось спасеньем.

Сколько времени длилась борьба с огнём, никто не мог сказать. Огонь сжирал всё на пути: дома, колодцы, живность. Всё, что могло гореть, а гореть может что угодно.

В этом аду Павел увидел босую Маришку. Она неслась через дорогу с полупустым ведром к одному из горевших домов. Чей был это дом, понять уже было невозможно. Навстречу не очень быстро ехала пожарная машина; вылив из себя всю воду, она превратилась в машину непонятного облика, но понятного назначения. Люди были везде, даже на кабине. Павел перегородил ей дорогу. Машина остановилась и один из пожарных, бежавших следом за ней, крикнул:

— Давай, быстро!

Павел махнул рукой:

— Не меня, — и побежал за Маришкой.

Догнав любимую, он потащил её к машине.

— Нет. Я не поеду, я не поеду без тебя! — кричала она.

— Поедешь, — жёстко сказал Павел и с помощью пожарного втолкнул её в кабину. Машина исчезла, даже звук сирены заглушило дымом.

— Воды нет, колодцы пустые, надо выбирать, — крикнул пожарный и побежал в сторону горящего дома. Павел заметил, что в огне есть какое-то шевеление, и бросился вслед за ним. Узнать, кого они тащили из огня, Павел так и не смог. Лицо мужчины сильно обгорело, и вместо крика вырывался хрип с пеной крови. Ещё несколько конвульсий — и мужчина затих.

— Всё, ему уже не поможешь, он умер, — пожарный пытался оттащить Павла от мёртвого односельчанина. А в голове у того только и стоял вопрос: «Кто это?»

Через несколько минут им удалось найти ещё людей, безуспешно пытавшихся бороться с огнём. Пожарный кричал, толкал их, чтоб они убежали туда, где ещё была полоска без огня. И тут Павел увидел свой дом. Каким-то чудом огонь не задел его. Юноша рванулся в дом. Никого не было, в надежде, что все смогли спастись, он выбежал во двор и посмотрел в сторону, где всегда стоял «Москвич» отца. Машина была на месте, надежда, что родители и баба Маня уехали на ней, сразу улетучилась. Он вновь вбежал в дом, заглянул в погреб: никого. Вслед за ним вбежал пожарный.

— Никого? — крикнул пожарный, крутясь на одном месте. Павел отрицательно махнул головой.

— Это мой дом. Во дворе машина, — и вместе с пожарным они выбежали во двор. Павел бросился к кабине, ключ был на месте и передняя дверка открыта. Видимо, хотели уехать. Но почему-то не уехали. Возможно, искали его. «И где они теперь?» — мелькало в голове.

— Тебя как звать? — крикнул пожарный, выливая на машину остатки воды из бочки, стоящей рядом.

— Паша.

— А я Фёдор, вот и познакомились.

Павел завёл машину. Новый товарищ прыгнул рядом на переднее сиденье, и они выехали со двора. На минуту остановившись и прислушавшись, Павел развернул машину навстречу огню, через пару минут они уже оттаскивали от человека, лежащего во дворе одного из горящих домов, обезумевшую бабку Матрёну. Фёдор потащил старуху к машине, а Павел, заметив на бегу валявшееся ведро с совсем небольшим количеством воды, подхватил его и побежал дальше на голоса. Сколько времени они гонялись по горящей деревне, сколько попало посуды с водой и было вылито затем на головы и на машину, сказать никто не мог. Но в итоге в машине оказалось несколько кричащих от горя односельчан.

— Всё, — кричал Фёдор, таща на себе ещё одного обезумевшего старика. — Всё, заводи. Там уже не пробиться, — всунув деда каким-то невероятным способом в переполненную машину, они направились к единственной полоске вдоль дороги, не охваченной огнём.

Огненный смерч перескочил с одной стороны дороги на другую. Встретившись там со своим собратом, вихрем понёсся навстречу машине. Павел закричал:

— Окна, держите окна! — и прибавил газ. Машина на полном ходу врезалась в стену огня и прошла её насквозь, оставляя позади куски обгоревшей краски и расплавленной резины. Остановив машину, Павел быстро выпрыгнул из неё и, не замечая, что кожа на руках просто отходит лохмотьями, стал вытаскивать односельчан из машины и кричать:

— Убегайте! Быстрее!

Сколько ушло на это минут или секунд, никто не сможет ответить, но когда вся эта обгорелая, кричащая кучка народа услышала позади себя взрыв, то всей массой упала на дорогу. Первым поднялся Фёдор и со словами: «Мы всё же успели» стал помогать остальным подняться на ноги. Павел только сейчас почувствовал, что не может опереться на ладонь. Фёдор помог ему встать. Юноша посмотрел на свои обгоревшие руки. Потом обвёл всех взглядом.

— Надо же, и как это наш старенький «Москвич» смог вместить двенадцать человек?!

— Тринадцать, — похлопав его по плечу, сказал Фёдор, и, обняв, добавил: — Ты себя забыл посчитать.

Павел шмыгнул носом и опустил пониже голову, чтоб никто не заметил вырвавшихся слёз.

— Тринадцать... а говорят, несчастливое число, — и, забыв о слезах, посмотрел на Фёдора, а потом на всех, только что сбежавших от огня. — Самое что ни на есть счастливое.

Пожарные машины неслись к сожжённой деревне, надеясь остановить огонь и не дать ему продолжить смертоносный путь, а тринадцать оставшихся в живых стояли, обнявшись, на дороге. И ни одна машина не посмела просигналить им, чтоб освободили проезд. Они просто, не сбавляя ход, объезжали эту уцелевшую кучку обгоревших, но всё-таки живых людей.

Банальная история

То не мхом поросло, не былём и не легким пушком,
Но пришлось окунуться в несбыточность искренней темы:
Мне навстречу попался чужак, уходивший пешком
От конкретики снов, от щедрот коммунальной системы.

Он немолод уже, проживал на восьмом этаже,
Выводил бультерьера во двор, только в прошлое лето,
Встрепенувшись во сне, он проснулся при полной луне...
Он ушел по тропе, по которой уходят поэты...

А там у них безумные слова,
А там у них всегда свежо и сыро,
Из тьмы наискосок летит сова,
И сорок верст до теплого сортира...

Может, горек был хлеб, может быть, не хватало воды
На восьмом этаже по проспекту Испанских рабочих,
Или кризис молчания и ощущение беды,
Может быть, беспокойство заполнило вакуум ночи...

И тому (или той), что однажды захочет всплакнуть,
На его, а, скорее, свою замороченность эту...
Я скажу, что не знаю, увы, был ли праведен путь,
И уйду по тропе, по которой уходят поэты...

А там у нас безумные слова,
А там у нас всегда свежо и сыро,
Из тьмы наискосок летит сова,
И сорок верст до теплого сортира...

Сатин Георгий

Я участник видений ночных.
Этот сон монотонно навязчив:
скрип телеги и пара гнедых —
измождённые старые клячи.

Так и едем неспешно, скрипим,
поминая ухабы недобро.
Взгляд скользнёт по берёзам нагим
и лосиным обглоданным рёбрам.

Кем мне этот навязан сюжет,
награждён кем убогой дорогой,
кто надел мне на пальцы кастет
и сквозь зубы скомандовал: "Трогай!"?

Неизвестные цель и маршрут.
Кто-то путь предписал к исполнению.
Нас по жизни за ручку ведут,
мы же тупо плывём по теченью.

Есть кто сам сотворил свой успех
и плоды от него пожинает.
Констатирую: я не из тех,
кто дорогу себе выбирает.

by KejaBlank

Селезнёва Мария

Молитесь за страстных

Тех люблю, кто в гуще мирских забот, —
Всех желаний слуг, всех страстей рабов.
А святых и правых пусть любит Бог —
Им не нужно сердец толпы.

Тех люблю, кто славы и власти для
Проверяет, как широка земля,
Посылает триста два корабля,
Чтоб стирать государства в пыль.

Тех люблю, кто в радости пьет вино,
В чьих мечтах весь мир распростерт у ног,
Кто и рад жениться бы на одной,
Да заводит себе гарем.

Тех люблю, кто славной победе рад,
Кто возжаждал злата да серебра.
Если вдруг к пророку нейдет гора,
Магомет подойдет к горе.

Тех люблю, кто держит умело власть,
Чья звезда мигнула, да не зажглась,
Кто лишен провидческих ясных глаз,
Но готов покорить весь мир.

Тех люблю, что косы плетут коням,
Что не жили в мире с собой ни дня,
Что пристрастно милуют и казнят,
Оставаясь притом людьми.

Рунгерд Яна

Вечный

Звон
Раздается в тумане.
Битва пришла на заре.
В мирной моей глухомани
Не было места войне.
Горько.
Горюет невеста.
Плачет, сгорая, стерня.
С этого темного места
Ты не дойдешь до меня.
Холодно.
Мертвые нивы
Больше хлебов не родят,
Улиц сожженных могилы
Молча с укором глядят.
Больно?
Ни боли, ни страха.
Медленно, будто слепой,
Буду идти я за свахой
К смерти, что станет женой.
Кровь
Закипает на камне.
Тело лежит на земле.
На скособоченном ставне
Бьется огонь обо мне.
Радость
Уже не знакома.
Вечная тьма за чертой,
Волей моею ведома,
Вьется плащом за спиной.
Меч
Без камней и узоров
С сизою гладью клинка,
Что недоступен для взоров,
Станет судьбою в руках.
Конь
Мой невиданной стати,
С огненной дымкой очей,
Трусов догонит. Предатель
Новых не встретит ночей.
Воля.
Спокойное поле
Будет мне домом теперь.
В вечном бессменном дозоре,
Как настезь закрытая дверь.

анс

writercenter.ru/profile/ans/whois/

Сатин Георгий

writercenter.ru/profile/aksakal/whois/

Селезнёва Мария

writercenter.ru/profile/Loringe/whois/

Рунгерд Яна

writercenter.ru/profile/iojeg/whois/

Художница KejaBlank

kejablank.deviantart.com/

Жареное мороженое

Бойков Владимир

Я спешил в парк, чтобы насладиться весенними трелями соловьёв, подышать утренним воздухом. Солнце ещё не грело, но уверенно обещало погожий день. На дорожке к пруду я обогнал женщину, согнувшуюся под тяжестью сумки. Оглянувшись, дама показалась миловидной, и я решительно предложил ей помощь:

— Позвольте?

— Спасибо, но у вас, наверное, своих забот хоть отбавляй?..

— Что вы, что вы. Всего лишь хочу послушать пение птиц.

Мы потащили сумку вдвоём.

— Маленького мальчика несут, — слышалось из сумки.

— Кто там у вас? — спросил я.

— Стоит ли вас посвящать в мои семейные проблемы?

— Стоит, стоит, — произнёс тот же голос. — Маленького мальчика топить несут.

— Кто там у вас? — снова заинтересовался я.

Женщина вздохнула, помолчала, видимо, прикидывала, можно ли доверить тайну первому встречному.

— Как вас зовут? — неожиданно спросила она.

— Павлик.

— А меня Дуняша.

— Очень приятно, — сказал я. — Очень! — женщина нравилась мне всё больше.

— Павлик с Дуняшей несут маленького мальчика топить, — равнодушно пробубнил голос из сумки.

— У вас там мальчик? — спросил я.

— А вы что подумали?

Я пожал плечами. Какая разница? Избавимся от груза, предложу Дуняше в кафе посидеть, откушать жареного мороженого. Давно хочется попробовать. А потом...

— Всё равно вы меня не утопите, — прервал мои радужные грёзы мальчик.

— Это почему же?! — возмутился я.

— Пожалеете.

— Ну уж дудки, — отрезал я твёрдо и подмигнул Дуняше.

— Пожалеете, пожалееете, пожалееете, — продолжал бубнить пацанёнок.

— Почему он так уверен? — любопытствовал я у своей спутницы.

Дуняша глянула на меня, смутилась, как бы дав понять, что такой ход предстоящих событий весьма вероятен.

— Наверное, не первая попытка? — догадался я.

В сумке захихикали. Этот маленький мерзавец откровенно издевался над нами.

Мы подтащили сумку к пруду. Солнышко поднялось над краем земли и начало пригревать, пробиваясь сквозь ветви плакучих ив. Запели соловьи. Я замер в наслаждении...

— Вы вспотели, — сказала Дуняша и протянула мне кружевной платочек.

— Тяжёлый гадёныш, — вздохнул я, вытирая лысину.

Из сумки послышалась смутно знакомая песенка:

«Но трогать его не моги, за его малый рост, малый рост».

— Разжалобить хочет, — подсказала Дуняша.

— Кто он вам? — заинтересовался я.

— Сыночек.
— Собственный?
— Нет. Сам прибился. Пожалела на свою голову.
— А своего почему не завели?
— Муж настоящим уродом оказался. Я его грибами отравила.
— У меня жена такая же была. Невыносимая. Ох, и намучился!..
— И как вы её?
— С балкона столкнул, — сказал я, выпадая из утренней прелести в суровую реальность.
— Хорошо, что не она вас. Вы такой худенький. Зря она это сказала. Я немного распрямился, выпятил грудь, но успел уловить мимолётную иронию в её не очень-то и красивых глазах.
— Повезло, — сказал я сухо.
— Я своего тоже опередила. Нашла у него топорик и руководство по расчленению.
— Вы про меня что, забыли? — подал голос мальчишка. — Мне тут скучно. Топите уж давайте!
— Помолчи, когда взрослые разговаривают, — одёрнул я маленького наглеца.
— Вот так всегда, — заныл он. — На люстре не качайся, хвост коту не ломай, посуду не бей!
— Что ж вы с ним так строго? — упрекнул я Дуняшу.
— А кушать из чего, прямо из кастрюли?
— Барыня какая, — слышался ехидный смешок. — У этой дуры вся посуда фаянсовая была. Попробуй удержаться, чтобы не раскокать!
— У меня из нержавеющей стали, — сказал я.
— Молодец! — похвалил меня пацанёнок. — Сразу видно настоящего мужика.
— Только мятая, — не удержался я, чтобы не прихвастнуть. — Ну, это... когда мы с женой... спорили.
— Знатные были бои! — восхитился малец. — А с мебелью у вас как?
— С мебелью плохо. Распилена вся.
— Распилена? Я думал, разломана.

— Не успели разломать. Супруга моя развестись намерилась и принялась мебель делить. Прихожу домой — одни половинки.
— Вот сука! — воскликнул мальчишка.
— Да уж.
Дуняша, кажется, заскучала.
— Может, вы его себе возьмёте? — робко поинтересовалась она.
— А что! Уж я-то таким мучителем не буду, — сказал я. — Посуду не бей, на люстре не качайся! Фифа какая!
— Ещё обои обдирать запрещала, плевать и требовала, чтобы какал только в унитаз, — принялся перечислять свои обиды мальчуган.
— Ужас! — пусть немного и наигранно, но справедливо возмутился я. — Как его зовут-то, беднягу?
— Да никак. Просто Мальчик. Маленький Мальчик.
— Однако!!! Какая же вы...
— Вот и забирайте, — женщина расстегнула молнию.
Из сумки резво выскочил шустренький живчик, запрыгнул мне на руки и стал радостно дёргать за нос, щёки, бакенбарды и уши. Потом размахнулся и врезал мне в глаз.
От неожиданности я проснулся. Кряхтя, поднялся с грубого тюфяка, поковылял на кухню. Заварил чай, поел холодной каши из мятой кастрюли. Потопал в прихожую. Там стояла приготовленная ещё с вечера большая сумка.
— Нет уж, — сказал я сам себе. — Никаких сантиментов!
На дорожке к парку меня обогнала женщина.
— Вам помочь? — обернулась она.
— Спасибо, не стоит, вы же, наверное, спешите?..
— Как раз нет. Иду в парк слушать соловьиные трели.
Мы потащили сумку вдвоём.
— Маленького Мальчика топить несут, — слышалось из сумки.

Художник Борис Ольшанский

Селезнёва Мария

Забывтое племя

Где народы ушедшие спят, не проложены тропы.
И ни зверь не идет, и ни птица там не пролетает.
А добраться туда и во сне не пытайся, не пробуй —
Ни один не дошел до закрытой туманами дали.

Ни один не дошел — и неведомо, что с ними стало.
Кто в пути испугался, кто в том же пути передумал.
От одних избавлялась чудовищ свирепая стая,
А другие тонули в болотах, сырых и угрюмых.

Где народы ушедшие спят, не колышутся травы
И не плещет река, чтоб покоя их не потревожить.
Кто идет туда, должен сперва доказать свое право,
И, сын мой, от тебя будут требовать ровно того же.

Может, спросишь: как дать им понять, что ты прав и достоин?
Я скажу: ты иди на поклон. Любопытство же — пусто.
Где народы ушедшие спят, не расскажет историк.
Но тебя, как историка, мнится мне, стражи пропустят.

А придешь где никто до тебя не ходил — то послушай,
Оглядишь, поклонись до земли людям, спящим под нею.
Как бы ты ни дрожал за свои тело, разум и душу,
Помни, что б ни привиделось, помни: им было труднее.

Уходить навсегда — из истории, памяти, жизни —
И ложиться под твердь, одеяло ее земляное.
Поклонись — и спроси. И вопрос без ответа повиснет.
А потом — уходи. Дай мне руку и следуй за мною.

Хочешь знать, что же дальше? Худые мальчишечьи кисти
По-девчоночьи робко и зябко обхватят колени.
Где народы ушедшие спали, зашепчутся листья
И застонет земля, отпуская забывтое племя.

Селезнёва Мария

writercenter.ru/profile/Loringe/whois/

Художник Ольшанский Борис

www.vseminfo.ru/creativity/risunok/olscharski/

На десерт

Дороги, которые мы выбираем

Как только младенец вздохнул первый раз, он ступил на дорогу. Тернистую или ровную, асфальтированную или проселочную – это не важно. Главное – путь начат.

Несмело переступая маленькими ножками, ребенок бежит по дорожке, вытоптанной его родителями. С двух сторон – заборы с надписями: «Нельзя», «Вырастешь — пой-

мешь», «Я так решил». Позади – брошенные старые игрушки, одежда, из которой вырос, и маленькие детские обиды и радости, казавшиеся еще совсем недавно размером с Джомолунгму. Впереди – неизвестность, но родителям виднее, где ограду ставить.

Кому-то повезло изначально, и приоткрытые калитки с многообещающими табличками «Танцы», «Этнические барабаны и внеплановый вызов дождя», «Дружи-с-кем-хочешь» на его дороге встречаются на каждом шагу. Кто-то вообще передвигается в кандалах, с тоской вглядываясь в щелки заколоченных дверок. Другие — телефонно-компьютерно-планшетно зазомбированные детки – идут, не глядя под ноги, уткнувшись в очередной гаджет. У некоторых – заборчики возле дороги по два метра, у кого-то – пару сантиметров, но они есть.

Казалось бы, чем старше мы становимся, тем заборы должны быть ниже. Но в реальности они только растут. Мы сами – кирпичик за кирпичиком, привычку за привычкой, страх за страхом, предубеждение за предубеждением – надстраиваем себе очередные рамки.

Крушите стены! Вокруг столько интересного!

Постепенно из пешеходов мы становимся велосипедистами, а потом пересаживаемся на авто. Жизнь летит все быстрее и быстрее. Дни уже не идут, а мелькают. Мы постоянно стремимся куда-то успеть и кого-то обогнать, а в итоге просто растрачиваем свой километраж на пустяки. Остановитесь хоть на пару минут. Выйдите из машины. Послушайте тишину. Походите босыми ногами по траве. Поймите, что есть счастье, и помимо жизненной гонки за недостижимым.

За рулем всегда соблюдайте Правила дорожного движения, это может спасти вашу жизнь. Но ведь можно и пройтись, а тут уже никаких Правил нет. Будьте сами собой, хотя бы изредка. Дома с семьей, с друзьями, с зеркалом заднего вида, наконец. Поверьте, иногда лучше просто поплакать или поскандалить, чем всю жизнь лечить язву желудка или жалеть об упущенных шансах.

Наши дороги наполнены перекрестками – новыми знакомствами, враждой и дружбой. Но по пути ли нам с ними, зависит только от нас самих – ведь можно включить как зеленый, так и желтый цвет на светофоре. Можно поставить заградительные ежи или знак «Осторожно, злая собака». А можно, наоборот, бездумно пускать прокатиться по своей дороге любого встречного-поперечного, который помнет все клумбы на обочинах и свернет на первом же повороте. Мало кому удается золотая середина, но ведь мы пока не на конечной остановке. Учитесь показывать «кирпич» людям, которые в вашей жизни лишние, и не бойтесь впускать на свою дорогу тех, с кем вы хотите, но бойтесь покататься.

Заезжать на чужое шоссе здорово, вот только не забудьте глянуть, какой свет горит. Конечно, не всегда красный — это «нет», но в большинстве случаев этот цвет все же «стоповый».

Наши пути сливаются с дорогами еще совсем недавно чужих людей. Они расходятся на километры за какое-то мгновение с самыми для нас близкими: кто-то уходит сам, кого-то вынуждают обстоятельства, а со временем все больше становится тех, кто переходит на новый уровень дорог, куда пускают только ушедших навсегда. Шоссе жизни не гарантирует вам счастья, оно может подкинуть как привлекательного гонщика на фуре, раздолбавшего к черту вашу дорогу, так и «фею», которую придется потом все время нести на руках. Но не забывайте, что дорог много, не бойтесь расставаться с уже пройденными километрами.

На объединенных дорогах появляются общие дети. Вспомните себя маленького и не слишком усердствуйте с заборами для своего ребенка. Но и совсем их убирать не стоит, волшебное слово «Нельзя» где-то же нужно написать.

Главное – никогда не забывайте, что решения принимаете вы. Ведь это ваша дорога. Это ваш выбор. Это ваша жизнь.

© Меллори

Меллори Елена

writercenter.ru/profile/Mellory/whois/

Художник RHADS

rhads.deviantart.com

Анна Анакина. ОГЛЯНИСЬ, ПРЕЖДЕ, ЧЕМ СДЕЛАТЬ ШАГ... 16+

Роман

Реализм

Чисто женский роман. Героиня вошла в тот период, что принято называть — кризис среднего возраста. История о том, как она смогла выйти из сложной для неё ситуации.

Анна Анакина. НЕБОЛЬШИЕ РАССКАЗЫ... 16+

Сборник рассказов

Реализм

В сборнике собраны рассказы с различными жизненными ситуациями. Показано, как герои ведут себя в тех или иных условиях.

Александр Лешуков. КОГДА Я ВЛЮБЛЮСЬ... 16+

Роман

Реализм

Когда я влюблюсь. Эти две строчки открылись мне весенним утром 1993 года, когда, разбираясь с накопившимся на антресолях хламом, я неожиданно обнаружил посылку, перетянутую капроновым шнуром.

Невская Елена. Неприкасаемый. 12+

Роман

Лирика

Главная тема романа – проблема «неприкасаемых», рассказанная от лица девушки, приехавшей в Индию из России и оставшейся там навсегда. Все истории, описанные в данной книге, выдумка лишь отчасти. Зверства, учиняемые над неприкасаемыми в Индии, остаются безнаказанными и в наш «просвещенный и продвинутый» XXI век.

Анна Анакина. Сказки... 6+

Сборник рассказов

Сказка

В сборник вошло несколько сказок, написанных в разные годы.

Анна Анакина. ИЩЕЙКА. 16+

Роман

Реализм с элементами мистики

История о женщине, обладающей паранормальными способностями.

Алиса. ОТЧАЯВШАЯСЯ. 12+

Сборник рассказов

Мистика

Мистические рассказы:

1. Отчаявшаяся; 2. Остановка; 3. Предостережения; 4. Черное солнце.

Гольшанская Светлана. СНЫ О СИНЕОКОЙ. 16+

Сборник рассказов

Мистика

Мистические рассказы о Беларуси:

1.Проклятье замка Кужигай (историческая мистика); 2.Под сизыми крыльями (современная мистическая новелла); 3.Гоетия (мистический детектив); 4.Дом сновидений (лавкрафтовская мистика); 5.Подземка (городское фэнтези с элементами сюр)

Евстратова Марина. ЗАПИСКИ ИЗ СУМАСШЕДШЕГО ДОМА. 16+

Сборник рассказов

Мистика, фантастика

В сборник вошли следующие рассказы: «Сегодня-завтра»(полная версия),«Завтра-послезавтра», «Сон», «Назад в никуда», «Возвращение Леонида», «Сны смерти», «Патанатомия ужаса»

Евстратова Марина. [ТЕНЬ ДУШИ.](#) 16+

Повесть

Мистика

Попытка заглянуть в глубинное Я через приключения героя. Для достижения цели и постижения себя ему приходится через многое пройти. Боль и утрата близких и родных. Предательство, собственная измена и «друг», который оказывается не тем, за кого выдает себя.

Анна Анакина. [ОСТРОВ ПУСТОТЫ.](#) 12+

Роман

Фэнтези

Извечная проблема добра и зла.

Однажды в мир людей вторглись существа, считающиеся легендой. Главные герои в попытке найти родных попадают в различные миры.

Приключения, открытия и даже война стоит на пути достижения цели.

Анна Алмазная (Melody). [ЛОЗА ШЕРЕНА.](#) 18+

Роман

Фэнтези

Плохо быть незаметным и никому не нужным. Оказывается, еще хуже — обладать способностями, которые нужны всем. И тогда весь мир старается наложить на тебя лапу. Хорошо иметь такого союзника, и уже совсем не важно, что союзник вовсе к подвигам не рвется и жаждет только одного — покоя.

Анна Алмазная (Melody). [ВЛАСТЬ БЕЗУМИЯ.](#) 18+

Роман

Фэнтези

Они ненавидят связывающие их узы, но не хотят их разрывать. Они ходят по грани и доводят друг друга до безумия. Они всемогущи, но в то же время слабы и иногда наивны до боли. Они отчаянно рвутся из сетей, но все более в них запутываются. Они будущие соперники, они же самые близкие друзья — гордый наследный принц и его свободолюбивый телохранитель.

Еналь Варя. [САЕН: ЛИГА ВЕРНЫХ.](#) 12+

Роман

Фэнтези

Роман написан в христианском ключе. Богов может быть много. Но Создатель один. В храмах можно приносить жертвы, но покой и освобождение не купишь за кровь животных. Судьбу переменить не возможно, но есть цена, которую платят все. Сила, которой обладает Саен, невероятна. Он — особенный. Он знает и видит самую суть, ему подчиняются духи. Как он распорядится своей силой? Зачем он пришел в этот мир? Откуда его знания? Это — философское фэнтези, это новый взгляд на христианство. (Вторая книга из цикла «Мечи Суэмы»)

Гольшанская Светлана. [10 ТАЙН ОХОТНИКА НА ДЕМОНОВ.](#) 16+

Повесть

Мистика

Когда-то Стражи защищали этот мир от злобных порождений червоточин. Прошло время. Славные деяния Стражей были преданы забвению. Началась долгая, кровопролитная Война за веру и они проиграли. Охотники сами стали добычей. Чтобы исполнить древнюю клятву своего рода, Дэвид Комри отправляет младшего сына Николаса на Охоту Стражей. Его путь лежит на край света в таинственный храм Шамбалы, где его ждет испытание Мертвого бога. Только после этого он сможет вернуться домой. Если ему еще будет куда возвращаться.

Каталог

Маэринн. КОРОЛЕВСКАЯ КРОВЬ. 16+

Повесть

Фэнтези

Двести лет люди и ситы истребляли друг друга. И вот война окончена, посольство нечистых везет в родную Пуцу договор о мире, подписанный самим королем. А Хейли Мейз, наследник владыки приграничного Синедола, горюет, что поздно родился и не успел проявить себя в битве. Он еще не знает, что судьба ему улыбнется...

Если уж нечистый расточает улыбки весны, значит, нацелился на душу. Души людские — вот их истинная страсть, их нужда, их пища. (Из наставлений отца Бартоломью, духовника Хейли Мейза.)

Романовская Ольга. ПЕСОЧНЫЕ ЧАСЫ. 18+

Роман

Фэнтези

Всего один день делит всё на до и после. До — школа, грядущая свадьба, мирная жизнь, после — рабство, статус вещи, игрушка в руках хозяина. Только кто из вас двоих свободнее? И остались ли в стране победителей люди, а не только продукты общества с исковерканными понятиями, чувствами и душой?

Романовская Ольга. ЧУЖИЕ ВОСПОМИНАНИЯ. 18+

Роман

Фэнтези/ Приключения

Случайно спася темного мага Лэрзена, Одана не предполагала, что вскоре он окажется единственным, кто согласится, пусть и за деньги, помочь ей. На девушку, ничем не примечательную библиотекаршу, открывает охоту сам Наместник. Чем же вызвано столь пристальное внимание?

Татьяна Русуберг (suelinn). АРКАН. 16+

Роман

Фэнтези

Аркан — это колода карт. Магический артефакт, способный предсказывать судьбу. Но даже его помощи может быть недостаточно, чтобы найти брата и сестру, которых Найд долгое время считал мертвыми. Забывший собственное имя, потерявший дар речи и семью, отказавшийся от своего дара. Теперь пришло время вернуть все. Даже если цена будет высока.

Яна Рунгерд. НЕДОПРЯДЕННАЯ НИТЬ. 16+

Сборник рассказов

Фэнтези

Наш мир — сложен и непознаваем. Иногда то, что есть на самом деле — совсем не то же самое, что кажется, и только ты сам виновник того, как изменился твой путь. Но жизнь не заканчивается, а значит, все еще может измениться. Нить судьбы еще не спрядена и ее еще можно изменить.

Евгения Сафонова (Бука Нист). ОКОВАННЫЕ ИГРОЙ. 16+

Роман

Фэнтези

Первая часть тетралогии. Это история о маленькой девочке с двумя большими тайнами. О девочке, скованной цепью опасных игр, где играют тобой, но не с тобой. О принцессе, которая хочет чего угодно, но только не проклятия власти. Приятно ли это — стать пешкой, которой никогда не выйти в королевы? Не более, чем метаться между любовью и обреченным доверием. Ведь когда тебя затягивает омут сомнений, то остаётся лишь убийственно наивно верить в свои желания. И кто бы говорил, что это — просто...

Ула Сенкович. И ПРИДЕТ НОВЫЙ ДЕНЬ. 16+

Роман

Фэнтези

Пробовали путешествовать по мирам? Лечь спать в своей постели, а проснуться посреди битвы, да еще получить мечом по голове? Нет? И не пытайтесь, вам не понравится... По себе сужу. Конечно же, я сделала всё, чтобы домой вернуться — в дорогу отправилась, друзей нашла, даже влюбилась. Но мне предложили выбор: любовь, страсть или деньги. Какая нормальная женщина возьмёт что-то одно из этого списка? Ведь если брать, так всё! Вот я слегка и запуталась...

Фиал. КРУГ ЗАМКНУЛСЯ. 16+

Роман

Фэнтези

Сказка о Теплом мире, который слишком сильно доверял людям, слишком баловал любимых детей. О любви, победившей смерть и почти победившей жизнь, если бы не другая любовь. О дружбе, предательстве и спорах. О вере в себя и вере в людей. О жизни и смерти.

Химера Паллада. ТЕМНЫЙ ЦЕЛИТЕЛЬ (КНИГИ 1, 2 и 3). 18+

Роман

Фэнтези

Все стандартно. Попаданка. Раненое Сердце Мира. Команда спасателей. Великое исцеление. Конец сказки. Но это жизнь. Выжившие вернулись. Мир все также нуждается в спасении. И надо как-то жить дальше. Я — Целитель. Темный, ибо демон. Я — не Спаситель мира. Уж не от меня ли тебя будут спасать, Мир?

Шевцова Анастасия. КОРОЛЕВСТВО ПОЮЩИХ ВЕТРОВ, КНИГА 1. НА ОСТРИЕ ВЛАСТИ. 16+

Роман

Фэнтези

Мир внутри мира — тайна, хранимая веками... Королевство Поющих ветров — материк, скрытый твердо-тягучими потоками воздуха, много веков принадлежал семени Тара Валлора. Однако не только род человеческий желал властвовать на благословенной земле: многоликий демон Земар-ар терпеливо ждал заветного часа, чтобы подчинить врагов своей воле. Два тысячелетия потомки Тара — дети Крови, поклонялись идолу, утопая в междоусобных распрях и кровавых интригах, пока по обетованию одного из великих королей, в Ведущей генетической линии не родился последний чистокровный наследник.

Шевцова Анастасия. КОРОЛЕВСТВО ПОЮЩИХ ВЕТРОВ. КНИГА 2. НАСЛЕДНИКИ ОТРЕЧЕНИЯ. 16+

Роман

Фэнтези

Северный герцог, опора Королевства и любимый брат Ее Величества, пал от руки последователя языческого Ордена. Его смерть послужила началом для ответной партии Земар-ар, порождения древней тьмы, верование в которого давно вошли в плоть и кровь народа. Когда угасает последняя надежда, кровь отречения свидетельствует перед наследниками о грядущей тьме.

Шевцова Анастасия. ПУТЬ ПЛАМЕНИ. 18+

Роман

Фэнтези

Лиран Валлор, дитя Крови, не похожая на свой род ни лицом, ни нравом. Жертва, которой выпала доля стать избранным сосудом чудовища, готового на все, чтобы вернуть власть. Не в силах сопротивляться зову тьмы и собственным чувствам, принцесса становится игрушкой в руках ключевых фигур Королевства. Ее окружает ложь, предательство и равнодушие, а в душе пылает безответная страсть и безумное желание свободы. Запутавшись в сетях долга, она уже не знает, где добро, где зло, и какой выбор — верен.

Ваевский Ян. [ОТНЫНЕ Я — ТВОЙ МЕЧ.](#) 18+

Роман

Альтернатива

Альтернативный мир, историческая хроника. История о том, какими бывают настоящие короли, несмотря на то, что всю жизнь приходится скрываться под мужским платьем. История дочери короля, которой волей судеб пришлось взять на себя управление страной. История о том, как принцесса Сейдар стала королем Садаром.

Анна Анакина. [ФАНТАСТИКА И МИСТИКА В ОДНОМ ФЛАКОНЕ.](#) 16+

Сборник рассказов

Фантастика/Мистика

В сборник вошло несколько небольших фантастических и мистических рассказов.

Денис Бурмистров. [РАВНОВЕСИЕ ПАРЕТО.](#) 16+

Мистика / Фантастика / Хоррор

Фантастика

Обычному клерку армейский товарищ оставляет квартиру в далеком шахтерском городке Славинск. Влекомый меркантильным интересом, главный герой приезжает ознакомиться с подарком и, сам того не желая, становится участником поистине странных и пугающих событий. По улицам бродят жуткие существа, сами улицы вдруг меняют свои направления, а люди вокруг по необъяснимой причине пропадают. Теперь основным желанием становится выжить. Выжить и поскорее убраться из ставшего ловушкой города.

Ирина Ковалева (Ikki). [ТОГДА, КОГДА...](#) 16+

Сборник рассказов

Фантастика, мистика

Рассказы с сетевых конкурсов — Грелка, ХиЖ, БлэкДжек, РБЖ-Азимут и, конечно, конкурсов МП.

Костиков Александр. [ОЛИМПИК](#) 16+

Роман

Фантастика

На орбите Олимпики появляется «Летучий голландец» — частная яхта «Один». Исследовать корабль отправляются агент Комитета Галактической Безопасности Крис Хаппельмайер и команда полицейского спецназа.

Никонович Сергей. [АЛЬКУРД ПАРДЕС I. ДЕНЬ МИРА.](#) 16+

Роман

Фантастика/ Фэнтези

Алькурд Пардес — международная миротворческая организация, незамедлительно реагирующая на любой вооружённый конфликт. На изолированном острове занимаются обучением солдат, которые должны будут стать элитными наёмниками, обладающими пара-магическими силами. Молодой снайпер Никро проваливает выпускной экзамен и вынужден проходить курс переподготовки. В это время по академии прокатывается волна странных смертей. Волею случая именно в руках снайпера оказываются ключи от этой загадки...

Никонович Сергей. [АЛЬКУРД ПАРДЕС II. ДЕНЬ СОЛНЦА.](#) 16+

Роман

Фантастика/ Фэнтези

Алькурд Пардес — международная миротворческая организация, незамедлительно реагирующая на любой вооружённый конфликт. На изолированном острове занимаются обучением солдат, которые должны будут стать элитными наёмниками, обладающими пара-магическими силами. Зиг Заннинс — загадочный ученик, переведенный в академию незадолго до очередного выпуска, пытается узнать тайну прошлого своей родной сестры.

Татьяна Русуберг (suelinn). МИР В ХОРОШИЕ РУКИ. 12+

Роман

Фантастика

Лиан — обычный питерский подросток с необычным именем, доставляющим одни неприятности. Неожиданный подарок от странной незнакомки, детский волчок, переносит его в конгломерат четырех миров, соединенных осью, по которой движется Ветер Времени. Перед Лианом встает дилема — вернуться домой или стать властелином новой вселенной?

Татьяна Русуберг (suelinn). ШЕСТЬЕ ВРАТА. 18+

Повесть

Фантастика

«Шестые врата» — закрытый портал в интернете, на котором некий Шива собирает группу для штурма таинственных врат, неожиданно возникших два года назад в спальном районе Петербурга. Врата, которые открываются только для шестерых, ведут... Куда? Избранникам Шивы скоро предстоит это выяснить.

Сергей Хорунжий. ГРАЖДАНСКАЯ САМООБОРОНА. 18+

Повесть

Фантастика

Когда жизнь летит под откос, а страны, которую обещал защищать, больше нет! Когда твои умения не нужны никому, а идти, по сути, некуда. Когда собственную совесть приходится топить на дне стакана и однажды родным домом оказываются привокзальные трущобы родной столицы — у нормального человека выбора нет: либо на тот свет, либо прямиком в прекрасное далёко, то бишь в будущее! А чтоб нескучно было одному насмешница-судьба загружает в попутчики малыша-дошколёнка, женщину, а как же без неё-то, и дабы совсем доконать, щенка-телепата и папаню его, мутанта-переростка. Такая команда, повиснув...

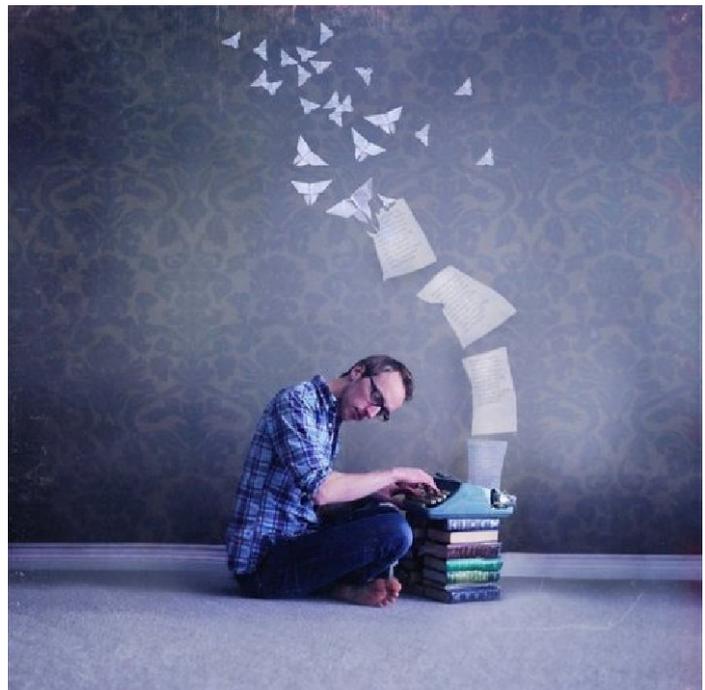

Яна Ржевская (Twillait). ОСКОЛКИ СКВОЗНЯКОВ. 12+

Сборник стихотворений

Лирика

«Изломанные сны, осколки сквозняков...» Стихотворения разных лет, стилей и настроений. Кто-то просто пройдет мимо, кто-то найдет здесь что-то своё, близкое...

В следующем номере:

Илл. Валерия Белова

Время

Лирика - Реализм - Мистика - Фэнтези - Фантастика

